

РУССКАЯ РЕЧЬ 1982

ЯНВАРЬ

Научно-популярный журнал Института русского языка Академии наук СССР • Основан в 1967 году • Выходит 6 раз в год • Издательство «Наука» • Москва

ФЕВРАЛЬ

В номере:

К 60-летию образования СССР

М. И. Исаев. Великое содружество народов и языков 3

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

О. Н. Каленкова. Цветовая гамма в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского 9

А. Т. Гулак. Позиция автора в «Севастопольских рассказах» Л. Н. Толстого 13

Наши публикации

Л. Н. Толстой и его окружение. Воспоминания В. С. Лянуновой, бывшей работницы в доме Толстых 18

Литературная страница

К. А. Федин. Из литературных бесед 24

М. К. Милых. Заметки о языке повести «Последний поклон» В. Астафьева 30

Л. Н. Дудина. Синтез «лирического» и «социального» в творчестве Е. Носова 36

К 40-летию опубликования стихотворения А. Ахматовой «Мужество»

М. Н. Баженов. «И мы сохраним тебя, русская речь...» 41

Е. А. Некрасова. Шедевр гражданской лирики 43

В ПОМОЩЬ ПРОПАГАНДИСТУ

Я. Г. Садовский. Слово Горького-публициста 48

КУЛЬТУРА РЕЧИ

Л. И. Скворцов. О канцеляризмах и штампах 54

Е. Н. Ширяев. Когда слова излишни 64

С. И. Виноградов. Отвечает «Служба языка» (местожительство и место жительства) 69

СТИЛИСТИКА

Г. В. Горбаневская. Слова-звукообозначения в художественной прозе 73

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

Василий Ильич Чернышев (1867—1949)	79
Сергей Ефимович Крючков (1897—1949)	85
Сергей Игнатьевич Бернштейн (1892—1970)	90

СРЕДИ КНИГ

Две книги о русских фамилиях	94
<i>А. И. Попов. Следы времен минувших</i>	96
<i>М. Р. Львов. Школьный словарь антонимов русского языка</i>	98

**РУССКИЙ ЯЗЫК КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО ОБЩЕНИЯ**

А. А. Абдуллаев. Пропагандист русского языка в Дагестане	101
---	-----

ИЗ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ И ПИСЬМЕННОСТИ

Л. М. Городилова. «Сия зримая малая книжица...»	107
Э. Н. Ивлева. Прадед современного букваря	110
В. И. Мозговой. «А в грамотах из города Люддина пишут...»	114

ЯЗЫК И ОБРАЗЫ ФОЛЬКЛОРА

С. И. Котков. <i>Живая и мертвая вода</i> в сказках и в действительности	118
---	-----

НА КАРТЕ РОДИНЫ

М. В. Горбаневский, В. Ю. Дукельский. Вла- димир-на-Клязьме	124
--	-----

РУССКИЕ ГОВОРЫ

Т. В. Горячева. Времена года. Зима	128
Е. Н. Этерлей. Обрусевшие «иностранны»	137

ИЗ ИСТОРИИ СЛОВ И ВЫРАЖЕНИЙ

Н. Н. Полякова. Мед на Руси	139
Л. Д. Молчанова. Баня, мовня и мыльня	142
Н. А. Левашева. Восхитить — восхитить	146

В. А. Никонов. Из словаря русских фамилий	152
---	-----

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

Кинематограф и новые слова; Экран	155
Кроссворд	151

На обложке: Рисунок Б. Захарова

ВЕЛИКОЕ СОДРУЖЕСТВО НАРОДОВ И ЯЗЫКОВ

Советский Союз, отмечающий в этом году свой 60-летний юбилей, относится к числу самых многонациональных стран мира. На его обширных пространствах живут около ста тридцати народов со своими особыми языками. Все нации и народности, населяющие нашу страну, как и их языки, полностью равноправны и братски взаимодействуют друг с другом.

Новая Конституция СССР, вступившая в действие в год 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции, еще раз убедительно подтвердила равенство советских граждан перед Законом «независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, языка, отношения к религии, рода и характера занятий, места жительства и других обстоятельств» (Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик. М., 1977, с. 34). Осуществление принципа абсолютного равноправия всех людей и всех народов обеспечивается политикой всестороннего развития и сближения всех наций и народностей Советского Союза, воспитанием граждан в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, возможностью пользоваться родным языком и языками других народов СССР.

Равноправие народов и их языков является краеугольным камнем ленинской национальной политики нашей партии. В. И. Ленин неоднократно указывал, что без равенства не может быть никакой свободы у народов: «Ни одной привилегии ни для одной нации, ни для одного языка! Ни малейшего притеснения, ни малейшей несправедливости к национальному меньшинству!» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 23, с. 150).

Национальная политика советского социалистического государства опирается на марксистско-ленинскую теорию построения коммунистического общества. Эта теория произвела подлинный переворот в общественном сознании, изменила представление об исторической жизни, социальном прогрессе. Великое революционное учение К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина позволило перейти от описания отдельных общественных явлений к их научному анализу и преобразованию на его основе действительности.

В. И. Ленин в своих трудах «Критические заметки по национальному вопросу», «О праве наций на самоопределение», «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» и в других работах обосновал решение национального вопроса с классовых позиций, с учетом своеобразия исторических, экономических и политических условий России.

Еще в программе РСДРП, принятой II Съездом партии, указывалось, что одной из ближайших политических задач является низвержение самодержавия и замена его демократической республикой, конституция которой обеспечила бы право на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства, а также «областное самоуправление для тех местностей, которые отличаются особыми бытовыми условиями и составом населения» (КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, ч. I, изд. 7, М., 1953, с. 40). Ликвидацию национального гнета В. И. Ленин и партия связывали со свершением победоносной социалистической революции.

Основным в программе партии по национальному вопросу было положение о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятель-

ного государства и о возможности прочного объединения лишь на началах добровольности и братского сотрудничества.

В статье «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин писал: «...для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом...» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 24, с. 148).

Говоря о федерализации и автономии, В. И. Ленин вместе с тем подчеркивал необходимость строительства централизованного крупного государства. Так, в работе «Национальный вопрос в нашей программе» он писал: «Мы должны всегда и безусловно стремиться к самому тесному соединению пролетариата всех национальностей, и лишь в отдельных, исключительных случаях мы можем выставлять и активно поддерживать требования, клонящиеся... к замене полного политического единства государства более слабым федеративным единством и т. п.» (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 7, с. 233).

Конкретные исторические условия России подсказывали именно такой случай, когда вопрос о форме государственного устройства (сохраняя, разумеется, власть центральных государственных органов) необходимо было решать на основе федерации. Это впервые нашло свое выражение в ленинском «Манифесте к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде» (декабрь 1917 г.).

Ленинские принципы федеративного устройства государства заключались в следующем: а) в построении федерации на базе Советов; б) в создании федерации по национальному признаку; в) в построении федерации на принципе полной свободы; г) в функционировании федерации на основе демократического централизма (См. подробнее: Златопольский Д. Л. СССР — федеративное государство. М., 1967, с. 41—76). На этом теоретическом фундаменте в 1922 году был образован Союз ССР, чем был сделан большой вклад в практическое воплощение марксистско-ленинских идей по государственному и национальному вопросам. Создание Союза ССР явилось триумфом ленинской национальной политики, ока-

завшей могучее революционизирующее влияние на весь мир и, в особенности, на народы Востока, боровшиеся за свое национальное освобождение.

В «Обращении к рабочим, солдатам и крестьянам» II Всероссийский съезд Советов объявил, что Советская власть обеспечит всем нациям, населяющим Россию, подлинное право на самоопределение. Вслед за этим съездом была принята «Декларация прав народов России», в которой излагались основные принципы советской национальной политики. Эти принципы легли в основу национально-государственного строительства в СССР, кульминационным моментом которого явилось принятие декларации и договора об образовании Союза Советских Социалистических Республик на 1-ом съезде Советов СССР (30 декабря 1922 г.).

Существует самая тесная связь процессов языкового развития с национально-государственным строительством. Территориальное размежевание национальных государственных образований в абсолютном большинстве случаев проводится по языковому признаку населения.

Как известно, в настоящее время в составе СССР насчитывается 53 национально-государственных образования (15 союзных и 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 автономных округов), в функционировании которых важнейшую роль играет родной язык большинства коренного населения каждой республики, области, округа. Национальная государственность создает наиболее благоприятные условия для расцвета языков, и это является важнейшим рычагом для культурного и экономического роста ранее отсталых народов.

Особенно тесно связано с формой национальной государственности функциональное развитие языков. Языки основного населения союзных республик выполняет гораздо более широкие общественные функции, чем языки автономных округов и автономных республик и областей.

Из сказанного не следует делать вывод об абсолютной связи языка (его развития и состояния) с национально-государственным строительством. Это значит, что происходившие перемены в формах национальной государственности некоторых народов (мордовцев, карелов, тувин-

цев и др.) не приводили автоматически к коренным преобразованиям в соответствующих языках.

В то же время особенности развития и функционирования многочисленных языков народов СССР полностью вытекают из характера общественного развития в нашем социалистическом государстве. При этом языковое развитие наиболее тесно связано с процессами, происходящими в национальных отношениях, с решением национального вопроса в нашей стране.

Как подчеркнул Л. И. Брежнев в своем докладе на торжественном заседании ЦК КПСС, Верховного Совета СССР и Верховного Совета РСФСР, посвященном 60-летию Великой Октябрьской социалистической революции, «особое место среди достижений Октября занимает решение национального вопроса — одного из самых болезненных, самых драматичных вопросов в истории человеческого общества... И победа Октября была одновременно победой в борьбе за национальное освобождение. Народы бывшей царской России впервые ... добровольно объединились в могучем союзном государстве и, опираясь на бескорыстную помощь русского народа, решительно встали на путь новой жизни» (Брежнев Л. И. Великий Октябрь и прогресс человечества. М.; Политиздат, 1977).

Развитие всех наций и народностей происходит в обстановке сплоченности и взаимопомощи. Новыми яркими красками засияли взаимно обогащенные национальные культуры, образующие единую советскую социалистическую культуру.

Сложившаяся новая историческая общность — советский народ — олицетворяет не только союз рабочего класса, колхозного крестьянства и народной интеллигенции, но и интернациональное единство всех наций и народностей нашей страны. На основе достигнутого социального единства общества и его дальнейшего движения к полной социальной однородности развивается тесное и плодотворное сотрудничество между советскими народами. И это не уничтожает национальной специфики, не обезличивает национальные характеры и культуры, а предполагает их расцвет и сближение через формирование общих черт социалистического образа жизни.

Связь языкового развития с общественным развитием

наций и народностей многообразна. С одной стороны, бурные темпы социальных преобразований в общественной жизни народов СССР сыграли решающую роль в развитии многочисленных литературных языков. С другой стороны, национальные языки явились теми рычагами, благодаря которым многочисленные ранее отсталые народы были выведены на широкую дорогу социального возрождения и культурного расцвета.

В полном соответствии с основными тенденциями развития национальных отношений — расцветом и сближением наций — в нашей стране все большее распространение получает двуязычие. При этом среди различных типов билингвизма наиболее важным по своим социальным последствиям является тип двуязычия, в котором в качестве второго языка выступает русский.

Русский язык является основным средством общения новой исторической общности — советского народа, — которую образовали все нации и народности нашей страны в процессе строительства зрелого социалистического общества. Особенно велика роль русского языка в укреплении межнациональных контактов. Он содействует расширению культурного сотрудничества между различными советскими народами, ускоряет процесс их всестороннего сближения. «Этот процесс, — сказал на XXVI съезде КПСС Л. И. Брежнев, — идет у нас так, как он и должен идти при социализме: на основе равенства, братского сотрудничества и добровольности. За соблюдением этих ленинских принципов национальной политики партия следит строго. От них мы не отступим никогда!».

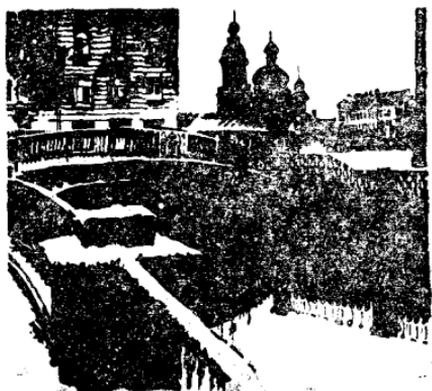
М. И. ИСАЕВ

Мы живем в удивительное, чудесное время свершения лучших надежд и самых высоких идеалов человечества. То, о чем мечталось веками, что было областью сказки, становится сегодня реальной действительностью.

Русский народ создал свою великую культуру, он создал могучий русский язык — яркий, как радуга после весеннего ливня, меткий, как стрелы, невучий и богатый, задушевный, как песня над колыбелью.

Ш. Р. Рашидов

Ф. М. ДОСТОЕВСКИЙ не принадлежит к писателям-колористам, недаром «Петербург Достоевского» вошел в мировую литературу как «серый город», но вместе с тем несправедливо было бы назвать палитру художника бедной и отнести его к писателям-графикам, как это предлагал в свое время Л. П. Гроссман. При чтении романа «Преступление и наказание» возникает впечатление насыщенной цветовой гаммы. Например, для создания «серого города» писатель использует так называемый эффект «живописности повествования»: при малом использовании собственно цветowych обозначений цветовой эффект достигается прежде всего за счет использования таких глаголов, прилагательных и существительных, которые приблизительно, в общем указывают на возможный тон, мрачный или яркий колорит, но дают основное направление мысли и вместе с тем огромный простор для фантазии. Это наблюдение можно проиллюстрировать следующими примерами:

ЦВЕТОВАЯ ГАММА
В
ПРЕСТУПЛЕНИИ
И
НАКАЗАНИИ
Ф. М. ДОСТОЕВСКОГО

«Близость Сенной, обилие известных заведений и, по преимуществу, цеховое и ремесленное население, скученное в этих средних петербургских улицах и переулках, *не трюли* иногда общую панораму такими субъектами, что странно было бы и удивляться при встрече с иною фигурою»; «Лестница была темная и узкая, черная», но он все уже это знал и изучил, и ему вся эта обстановка нравилась: в такой темноте даже любопытный взгляд был безопасен» (Цитируется: Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. М., 1970). В данном случае цветовой компонент *черный*, выступая в составе фразеологической единицы, сохраняет, наряду с метафорическим значением, косвенное указание и на собственно цветовую сторону предмета. «Пред ним было чрезвычайно молоденькое личико, лет шестнадцати, даже может быть, только пятнадцати,— маленькое, *белокуренькое*, хорошененькое...»; «Зосимов

был высокий и жирный человек, с одутловатым и бесцветно-бледным, гладковыбритым лицом, с белобрсыми прямыми волосами, в очках...»; «Соня остановилась в сенях у самого порога, но не переходила за порог и глядела как потерянная, не сознавая, казалось, ничего, забыв о своем перекушленном из четвертых рук шелковом, неприличном здесь, цветном платье с длиннейшим и смешным хвостом, и необъятном кринолине, загородившем всю дверь, и о светлых ботинках... и о смешной соломенной круглой шляпке с ярким огненного цвета пером».

Из приведенных примеров видно, что для обозначения цвета писатель предпочитает цветообозначениям косвенные указания на возможный колорит.

Нетрудно заметить, что цветовые определения, употребляемые писателем в романе, неоднородны по своему содержанию, то есть по той эмоциональной, смысловой, художественной функции, которую они выполняют, по той роли, которую они играют в создании того или иного образа. В связи с подобным «неравноправием» можно дифференцировать цветовые обозначения, встречающиеся в тексте. Таким образом, для более точного определения предмета наблюдений можно разграничить все цветовые прилагательные на следующие группы.

К первой группе можно отнести собственно цветовые определения, традиционные и употребленные по смысловой необходимости. Например: «Он был в поддевке и в страшно засаленном черном атласном жилете, без галстука...»; «Среди кладбища каменная церковь, с зеленым куполом...»; «При этом всегда они брали с собой кутью на белом блюде, в салфетке...»

В следующую группу будут входить цветовые определения, семантическое наполнение которых не ограничивается чисто цветовым, а имеет более широкое содержание: «Стояли крошенные огурцы, черные сухари и резанная кусочками рыба»; «Ишь сколько денег! — протянул он Заметову свою дрожащую руку с кредитками, — красненькие, синенькие, двадцать пять рублей»; «Шляпа эта была высокая, круглая, циммермановская, но вся уже изношенная, совсем рыжая, вся в дырах и пятнах, без полей и самым безобразнейшим углом заломившаяся на сторону».

И, наконец, последняя группа, включающая цветовые определения, эпитеты, метафоры, которые несут эмоционально образную нагрузку, передают напряженность конфликта, драматизм катастрофически развивающихся событий. Подобные цветовые обозначения являют собой еще одну грань изобразительного таланта писателя. Остановимся на них подробнее.

Чаще всего в романе появляется желтый цвет. В использовании этого цвета автор придерживается закономерности, отмеченной

в свое время С. М. Соловьевым: «Достоевский обычно нейтрально относится к большинству цветов, но он явно не любит желтый цвет: свое отрицательное отношение к желтому он высказывает неоднократно» (Соловьев С. М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. М., 1979).

Достаточно привести несколько фрагментов описания комнат Раскольников, Сонечки, Алены Ивановны, чтобы эта мысль стала очевидной: «Это была крошечная клетушка, шагов в шесть длиной, имевшая самый жалкий вид со своими желтенькими, пыльными и всюду отставшими от стены обоями, и до того низкая, что чуть-чуть высокому человеку становилось в ней жутко, и все казалось, что вот-вот стукнешься головой о потолок»; «Желтоватые, обшмыганные и истасканные обои почернели по всем углам; должно быть, здесь бывало сыро и угарно зимой»; «Небольшая комната, в которую прошел молодой человек, с желтыми обоями, геранями и кисейными занавесками на окнах, была в эту минуту ярко освещена заходящим солнцем».

Все три картины объединяет постоянное чувство подавленности и безысходности, отвечающее тяжелому душевному состоянию героя. Раскольников ненавидит свою комнату-гроб, испытывает ужас в уродливой комнате-сарай Сонечки и омерзение в жилище отвратительной старухи-процентщицы, описание которого довершается желтой мебелью. «Мебель, вся очень старая и из желтого дерева, состояла из дивана с огромною выгнутою деревянною спинкой, круглого стола овальной формы перед диваном, туалета с зеркальцем в простенке, стульев по стенам да двух-трех грошовых картинок в желтых рамках...»

В желтый цвет окрашены болезненные лица обездоленных людей, их нищенская утварь. Это цвет нищеты, казенщины, безысходной тоски: с отеком от постоянного пьянства желтым, даже зеленоватым лицом; два желтых кусочка сахара; в этой желтой камерке; с желтым стаканом, наполненным желтой водой; на грязных желтых обоях; цвета больного, темно-желтого; уныло и грязно смотрели ярко-желтые деревянные домики.

Говоря о субъективно-авторском восприятии мира красок, интересно сравнить вышеприведенные описания комнат в романе «Преступление и наказание» с описанием гостиничного номера Гурова в повести А. П. Чехова «Дама с собачкой»: «Приехал он в С. утром и занял в гостинице лучший номер, где весь пол был обтянут серым солдатским сукном, и была на столе чернильница, серая от пыли... Он сидел на постели, покрытой дешевым серым, точно больничным одеялом...». Гурову тоскливо и грустно в незнакомом городе, и это настроение одиночества автор передает с помощью

цвета, серого в данном случае, наиболее точно отвечающего, по его мнению, душевному состоянию героя.

Использование красного цвета в романе «Преступление и наказание» также имеет свою логику, опосредованную субъективным авторским видением мира. Вот, например, как используется этот цвет в описании страшного, болезненного сна Раскольникова об истязании несчастного животного, старой лошади:

«Но вот вдруг становится очень шумно: из кабака выходят с криками, с песнями, с балалайками пьяные-препьяные большие такие мужики в красных и синих рубашках, с армяками внакидку»; «Садись, все садись! — кричит один, еще молодой, с толстою такою шеей и с мясистым, красным, как морковь, лицом, — всех доведу, садись!»

А вот примеры, взятые из сцены убийства старухи-процентщицы: «Сверху, под белую простыней, лежала заячья шубка, крытая красным гарнитуром...»; «Красное, ну а на красном кровь не приметнее».

Интересен пример из эпизода помешательства Катерины Ивановны, где в описании костюма мальчика встречается красный цвет: «На мальчишке была надета из чего-то красного с белым чалма, чтобы он изображал собою турка».

Общим и характерным для всех приведенных эпизодов является крайняя напряженность развивающегося действия, духовный нравственный надрыв, предельный накал бунтующей мысли.

Таким образом, красный цвет иногда в сочетании с синим и белым используется автором в качестве своеобразного «раздражителя» читательского воображения. Интересно здесь провести параллель совсем иного ассоциативного восприятия «красного с синим» у Л. Н. Толстого. Наташа, которая так тонко воспринимает окружающий мир, так нежно и чутко понимает людей, видит Пьера Безухова славным, добрым человеком: «Неужели вы не понимаете? Николенька бы понял... Безухов — тот синий, темно-синий с красным, и он четверо-угольный... Он славный темно-синий с красным, как вам растолковать...»

Ф. М. Достоевский — великий мастер художественного слова, и выбор цветовой гаммы в романе «Преступление и наказание» не случаен. Существует известная логика тщательно обдуманного отбора цветовых определений, в основе которой лежит авторское ассоциативное восприятие. Это позволяет говорить о своеобразной психологии цвета, тем более, что глубокий психологизм — ведущая черта творчества Ф. М. Достоевского.

О. Н. КАЛЕНКОВА

Рисунок Ю. Космынина

Позиция автора в „Севастопольских рассказах“ Л. Н. Толстого

Стремясь уже в раннем своем творчестве к объемному изображению действительности, Толстой, начиная с рассказа «Севастополь в мае», прибегает к «многосубъектному» повествованию, то есть изображению действительности с разных позиций: автора, того или иного персонажа, непосредственного или стороннего наблюдателя. Подвижность, изменчивость авторской позиции и определяет композиционно-речевую специфику ранних произведений Толстого.

Часто непосредственный наблюдатель-рассказчик (точнее повествователь) находится в тех же условиях, что и герой; он незримо присутствует в изображаемой сцене, следует за героем, но не перевоплощается в него. У Толстого это необыкновенно зоркий наблюдатель. Его оценки могут включаться в повествование, идущее «от персонажа», расширяя его рамки, полнее, ярче освещая изображаемое. Это можно наблюдать в рассказе «Севастополь в августе 1855 года», например, в тринадцатой главе: «Батарейный командир был довольно толстый человек, с большою плешью на маковке, густыми усами, пущенными прямо и закрывавшими рот, и большими приятными карими глазами. Руки у него были красивые, чистые и пухлые, ножки очень вывернутые, ступавшие с уверенностью и некоторым щегольством, доказывавшим, что батарейный командир был человек незастенчивый» (Цитируется: Толстой Л. Н. Избранные повести и рассказы. М., 1947). Описание батарейного команди-

ра дано как будто глазами юного Володи Козельцова, по оригинальная деталь: определение по внешним движениям внутренних качеств впервые увиденного человека обнаруживает опыт и пронизательность повествователя, близкого к автору. Ср. также оценочно-речевые формы, выдающие пронизательного повествователя-аналитика, включенные в описание, данное с точки зрения Козельцова-старшего, в том же рассказе: «Два офицера, один в адъютантской шинели, другой в пехотной, по тонкой, и с сумкой через плечо, сидели около лежанки, и по одному тому, как они смотрели на других, и как тот, который был с сумкой, курил сигару, видно было, что они не фронтовые пехотные офицеры и что они довольны этим. Не то, чтобы видно было презрение в их манере, но какое-то самодовольное спокойствие, основанное частью на деньгах, частью на близких сношениях с генералами,— сознание превосходства, доходящее даже до желания скрыть его».

Этот необычайно пронизательный наблюдатель находит знаки душевного состояния персонажа не только в его лице, позе, но даже «в пустом рукаве шинели». Ср.: «Действительно, в лице безрукого офицера, в его позе и особенно в этом пустом рукаве шинели выражалось много этого спокойного равнодушия, которое можно объяснить так, что при всяком деле или разговоре он смотрел, как бы говоря: „все это прекрасно, все это я знаю и все могу сделать, ежели бы я захотел только“».

*

Описание персонажа при первом его представлении, как правило, дается у Толстого с точки зрения стороннего наблюдателя, как бы впервые видящего данного человека и пристально всматривающегося в него. Поэтому начальные портретные зарисовки создаются по принципу сочетания «зрительных» определений, определений оценочного плана и — нередко — описаний выразительных жестов, движений персонажа, косвенно отражающих его состояние в изображаемый момент. При этом обычно используются (выявляя специфичность избранной автором позиции) слова и словосочетания со значением предположительности, неопределенности, неуверенности. Ср. первоначальную портретную характеристику капитана Михайлова в рассказе «Севастополь в мае»: «Он был дурно сложен — длинноног, неловок и как будто стыдлив в движениях». Ср. также в «Севастополе в августе 1855 года» портреты офицеров, играющих в карты: «Красивый худощавый брюнет, с длинным, сухим носом и большими усами, продолжавшимися от щек, метал банк белыми красивыми пальцами, на одном из которых был большой золотой перстень с гербом. Он метал скоро и неаккуратно,

видимо, чем-то взволнованный и только желая казаться небрежным... По левую руку на корточках сидел красный, с потным лицом офицерик, принужденно улыбался и шутил, когда били его карты, он шевелил беспрестанно одной рукой в пустом кармане шаровар и играл большой маркой, но, очевидно, уже не на чистые, что именно и корбило красивого брюнета». Важную образно-конкретизирующую функцию при создании портретных характеристик выполняют у Толстого не только согласованные, но и несогласованные определения с предлогом с.

Батальные сцены изображаются Толстым также с точки зрения человека, впервые наблюдающего боевые схватки и потому остро и свежо воспринимающего увиденное. В соответствии с этим отбираются языковые средства, правдиво, непосредственно («остраненно») обозначающие «детали» боя, когда французы идут на штурм севастопольских бастионов в рассказе «Севастополь в августе 1855 года». Здесь очень интересно также использование диалога в качестве усилительного экспрессивно-изобразительного средства.

*

Дается двойное изображение разных стадий происходящего — через диалог морских офицеров, находящихся вдали от изображаемого, «по сю сторону бухты, между Инкерманом и Северным укреплением, на холме телеграфа», и описательно — глазами стороннего наблюдателя, находящегося там же и следящего за той же картиной боя. Вначале идет детальное описание артиллерийской бомбардировки, произведенное с точки зрения человека, впервые наблюдающего подобное: «По всей линии укреплений, особенно по горам левой стороны, по несколько вдруг, беспрестанно, с молнией, блестящей иногда даже в полуденном свете, рождались клубки густого, сжатого белого дыма, разрастались, принимали различные формы, поднимались и темнее окрашивались в небе. Дымки эти, мелькая то там, то здесь, рождались по горам, на батареях неприятельских, и в городе, и высоко на небе. Звуки взрывов не умолкали и, переливаясь, потрясали воздух...»

К двенадцати часам дымки стали показываться реже и реже, воздух меньше колебался от гула».

Реплики офицеров уточняют «остраненное» описание боя, переводя его на язык конкретных военных фактов, эмоционально освещая течение событий: «— Однако второй бастион уже совсем не отвечает, — сказал гусарский офицер, сидевший верхом: — весь разбит! Ужасно! — Да и Малахов нешто на три их выстрела посылает один, — отвечал тот, который смотрел в трубу: — это меня бесит,

что они молчат. Вот опять прямо в Корниловскую попала, а она ничего не отвечает.

— А посмотри, к двенадцати часам, я говорил, они всегда перестают бомбардировать. Вот и нынче так же...»

Начало атаки французов передано сначала отраженно, через лаконичные, взволнованные реплики офицеров: «— Пстой, не мешай! — отвечал смотревший в трубу, с особенною жадностью глядя на Севастополь.

— Что там? что?

— Движение в траншеях, густые колонны идут.

— Да и так видно,— сказал моряк: — идут колоннами. Надо дать сигнал.

— Смотри, смотри! вышли из траншей».

Часто чередующиеся, отрывистые реплики офицеров, исполненные беспокойства, снова сменяются изображением общей картины боя, как ее только и можно воспроизвести с дальнего расстояния, так сказать, с «птичьего полета»: «Действительно простым глазом видно было, как будто темные пятна двигались с горы через балку от французских батарей к бастионам. Впереди этих пятен видны были темные полосы уже около нашей линии. На бастионах вспыхнули в разных местах, как бы перебегая, белые дымки выстрелов. Ветер донес звуки ружейной, частой, как дождь бьет по окнам, перестрелки. Черные полосы двигались в самом дыму, ближе и ближе. Звуки стрельбы, усиливаясь и усиливаясь, слились в продолжительный перекатывающийся грохот. Дым, поднимаясь чаще и чаще, расходился быстро по линии и слился, наконец, в одно лиловатое, свивающееся и развивающееся, облако, в котором кое-где едва мелькали огни и черные точки,— все звуки — в один перекатывающийся треск».

Характерно, что и этот повествовательный отрезок текста дан в тревожном тоне. Используется своеобразный прием черно-белого изображения (ср. «темные пятна», «темные полосы», «черные полосы», «черные точки» — «белые дымки», «огни»). Очень часты, особенно в конце повествовательного фрагмента, повторения, связанные с динамическим изображением боя («ближе и ближе», «усиливаясь и усиливаясь», «чаще и чаще», «перекатывающийся грохот», «перекатывающийся треск»).

Свежие, реалистически-точные сравнения («как бы перебегая», «как дождь бьет по окнам») конкретизируют изображаемое, дают возможность читателю как бы увидеть эти «дымки выстрелов» и услышать звуки частой ружейной перестрелки.

Важную стилистико-изобразительную роль играют здесь глагольные формы. Так, деепричастия и причастия использованы только в форме настоящего времени несовершенного вида: *усиливаясь*

и усиливаясь, перекатывающийся, поднимаясь, свивающееся и развивающееся, — что позволяет выразить конкретный момент, картину боя, в данную минуту развертывающуюся перед глазами наблюдателя. Ту же функцию выполняют глагол прошедшего времени совершенного вида со значением однократности *вспыхнули* и глагол настоящего времени *бьют*. Форма прошедшего несовершенного, в которой употреблены глаголы *двигались*, *мелькали*, имеет здесь значение настоящего повествовательного, так как относится к моменту непосредственного восприятия картины боя наблюдателем. К концу фрагмента глагольность предложений усиливается, вследствие чего возрастает напряженность ритма и увеличивается динамизм в изображении событий.

Это развернутое, полное реалистически выразительных деталей, динамическое описание боя обрывается восклицанием одного из офицеров, обостряющим впечатление драматического напряжения: «— Штурм! — сказал офицер с бледным лицом, отдавая трубку моряку».

Следующая сцена также пропитана экспрессией тревоги, беспокойства, чему способствует подчеркивание внешних эмоциональных выявлений на лицах персонажей: «Кзаки проскакали по дороге, офицеры верхами, главнокомандующий в коляске и со свитой проехал мимо. На каждом лице видны были тяжелое волнение и ожидание чего-то ужасного».

Заключительные реплики-восклицания офицеров с повторами («Не может быть...», «Не может быть!», «посмотри! посмотри!»), с перебоем («Ей-богу, знамя! посмотри! посмотри! — сказал другой, задыхаясь и отходя от трубы: — французское на Малаховом»), отраженно сигнализируя о стремительно и неудачно для русских развивающихся событиях, в то же время максимально сгущают чувство смятения, выступая на общем напряженном фоне повествования в качестве своеобразных эмоциональных всплесков. Пользуясь смелой композиционно-стилистическими единствами, их переходами, как своеобразными регистрами, молодой Толстой тонко варьирует движение экспрессивного тона в рассказе.

Итак, изображение действительности с различных позиций, применение разнообразных стилистических приемов и сочетание композиционно-речевых единств, различных экспрессивно-языковых средств позволило молодому Толстому добиться уже в «Севастопольских рассказах» (особенно в последних двух) объемности, глубины, рельефности и реалистической достоверности.

А. Т. ГУЛАК
Харьков

Рисунок В. Леонова

Л. Н. ТОЛСТОЙ и его окружение

Воспоминания В. С. Ляпуновой,
бывшей работницы в доме Толстых

Вера Сергеевна Ляпунова (1832—1975) родилась и большую часть своей жизни провела в Ясной Поляне. Она, как и многие ее родственники, была помощницей в доме Л. Н. Толстого, а также в семьях некоторых из друзей писателя. В течение довольно длительного времени, которое приходится на первую половину ее долгой жизни, В. С. Ляпунова имела возможность непосредственно видеть и слышать Л. Н. Толстого и людей, его окружавших. Свои впечатления от общения с писателем, его друзьями и близкими она сумела пронести до глубокой старости. Автору этой публикации в бытность его научным сотрудником музея-усадьбы «Ясная Поляна» довелось знать В. С. Ляпунову — открытой души человека, который любовно относился к своему прошлому, связанному с памятью о Л. Н. Толстом, и щедро делился воспоминаниями о нем.

Я родилась в 1882 году на территории самой усадьбы Толстых, в «доме Кузминских» (ныне Литературный музей в Ясной Поляне.— Ю. П.) — там находилась наша квартира. Отец мой, Сергей Петрович Арбузов, работал в то время в доме Толстых официантом. Графиня С. А. Толстая крестила меня. Лет девяти я ходила в школу: она находилась в угловой комнате «большого дома» (ныне дом-музей Л. Н. Толстого.— Ю. П.) в сторону «Клинов» (Клины—часть яснополянского парка, примыкающая к дому Л. Н. Толстого с левой стороны.— Ю. П.). Нас учила Мария Львовна (дочь Л. Н. Толстого.— Ю. П.). Бывало, осенью листья навалит, выкатим всей гурьбой в перерыве между уроками в парк, Мария Львовна быстро побежит вперед, а мы за ней с криком, догонять...

Воспоминания В. С. Ляпуновой, бывшей работницы в доме Толстых, публикацию которых мы предлагаем вниманию читателей, записаны 20 марта 1974 года кандидатом филологических наук Ю. И. Парахиным. Они содержат ряд новых сведений об окружении Л. Н. Толстого по сравнению с теми материалами, которые были включены в книгу «Воспоминания яснополянских крестьян о Л. Н. Толстом» (Тула, 1960) и в ряд газетных очерков.

Весело было! Лев Николаевич тогда работал в «комнате под сводами». Иногда зайдет к нам и спросит:

— Маша, ну кто тут у тебя хорошо учится?

Услышав ответ, погладит кого-нибудь из нас ласково по голове и скажет, уходя:

— Учитесь хорошо, ребята. Учение вам пригодится в жизни.

Позднее, с Марией Львовной я лечила больных, которых она принимала в «доме Кузминских».

Живя в Ясной Поляне, я была няней Ванечки Толстого, любимого сына Льва Николаевича, и младшей его дочери Александры Львовны.

Лев Николаевич очень любил моего отца, который не один раз ездил с ним в самарские степи на кумыс. Вместе ходили они в Оптину пустынь — монастырь под Калугой. Отец оставил о Толстом свои воспоминания (Арбузов С. П. Гр. Л. Н. Толстой. Воспоминания бывшего слуги. М., 1904.— Ю. П.). Он как-то вдруг, ни с того ни с сего, взялся за них. Писал отец обычно по ночам. Мама рассказывала, что поздно вечером он просил ее поставить самовар и, когда все ложились спать, принимался за свою работу. Лев Николаевич сам читал воспоминания отца и говорил ему, что они написаны правдиво.

Когда умирал мой отец, Лев Николаевич, услышав об этом, пришел к нему проститься. Пришел он, помню, со своей маленькой собачкой, которую оставил в сенях. Войдя в дом [Этот небольшой бревенчатый домик (типичная крестьянская изба XIX в.), расположенный неподалеку от въездных башен в яснополянскую усадьбу, яв-

ляется, по словам В. С. Ляпуновой, едва ли не единственной в деревне Ясная Поляна крестьянской постройкой XIX столетия, сохранившейся до нашего времени.], Лев Николаевич со всеми поздоровался и прошел в комнату, где лежал умирающий отец. Когда Толстой приблизился к кровати отца, тот слабым голосом проговорил еле слышно:

— Умираю, Лев Николаевич...

— Надо быть готовому к смерти, Петрович,— сказал Лев Николаевич мягким ласковым голосом. Он взял руку отца и пощупал пульс. Потом спросил его:

— Что вам нужно, Сергей Петрович?

— Молочка бы надо,— ответил отец.

С тех пор стали присылать нам из усадьбы молоко и другие продукты.

Второй раз Лев Николаевич был в моем доме в 1906 году. Софья Андреевна скроила ему блузу, а шить ее принесла мне. Пришел он тогда в хорошем настроении, поздоровался и попросил меня пришить ему карманчик на блузе для часов. Помню он внимательно оглядел избу и, покачав головой, говорит:

— А вы не богатеете...

— Нет, не богатеем,— ответила я.

Мы тогда плохо жили. К нему за помощью как-то не обращались — Лев Николаевич в то время много помогал... Мужики к нему всегда просто подходили; когда обращались, то называли его не барином, а Львом Николаевичем. Простой был человек... Он любил разговаривать с серьезными людьми, а несерьезных он не любил.

Мой муж, Вячеслав Дмитриевич Ляпунов, выходец из крестьян, был умным и грамотным человеком. Некоторое время, по приезде его в Ясную Поляну, он помогал Толстому переписывать его произведения (тогда секретарей у Льва Николаевича еще не было). Потом Лев Николаевич назначил его управляющим яснополянского имения. Муж писал стихи, которые очень нравились Льву Николаевичу. Особенно он любил стихотворения «Похарь» и «Сапожник».

Вера Сергеевна показала мне экземпляр книжки из серии «Библиотека Л. Н. Толстого» (Тип. Сытина, М., 1912) со стихотворениями В. Д. Ляпунова под редакцией П. И. Бирюкова. В книжке содержится письмо Л. Н. Толстого к редактору «Русской мысли» от 5 октября 1897 г.:

«Милостивый Государь.

Прилагаемые стихи написаны молодым человеком, крестьянином. Стихи, по моему мнению, очень хороши и не только стоят того, чтобы быть напечатанными, но должны обратить на себя внимание, если будут напечатаны.

Лев Толстой».

В качестве примера приводим отрывок из I-й части стихотворения «Пахарь»:

«Эй, ты вылезь, товарищ! Родной!
Но, касатик, кормилец, вали!
Первый раз, что ль, идешь бороздой?
Так на старости лет ты ее не криви».

И скринит и трещит хомутишко плохой.
Пар столбом от буланого друга,
И бредет он, качаясь, и с каждой межей
На боках его слабнет подпруга.

Бороздой он по нивам ходить не отвык,—
Не была б борозда искривлена,—
Да кормил-то соломой хозяин-мужик,
Что из крыши для корма свалена.

Он и сам-то, хозяин, идет чуть живой,
Почернел будто пень обгорелый...
Разве сытому так бы идти за сохой?
Не впервой, чай, руке огрубелой!

Допахали вчера на господском кругу,
Конь чуть жив до межи дотащился...
Глянул робко хозяин на друга-слугу,
Громко охнул и перекрестился.

На буланого сесть не посмел он верхом
И с далекого барского поля
Шел пешком за сохой, да боролся с грехом
И шептал все: «Эх, горькая доля!..»

Лев Николаевич посылал стихотворение «Пахарь» в издательство «Русская мысль», а стихотворение «Сапожник» в журнал «Образование». Д. П. Маковицкий (врач, друг Л. Н. Толстого, автор 4-х томных «Яснополянских записок») — хроники последних лет жизни писателя.—

Ю. П.) говорил мне, что во время одной из прогулок со Львом Николаевичем по Ясной Поляне он слышал от него такие слова об этих стихотворениях: «Некрасов, шутя говорю, подражал Ляпунову, так как Ляпунов владел гораздо лучше мужицким языком, чем Некрасов».

Знала я и В. Г. Черткова (друг, издатель и распространитель запрещенных в России произведений Л. Н. Толстого.— Ю. П.). Он был хорошим, добрым человеком; устраивал часто столы для бедных крестьян у себя в Телятинках. Всегда подавал руку мужику, здороваясь с ним. Тогда это у господ было не принято. Например, однажды моя двоюродная сестра, будучи в Москве, пришла к Льву Львовичу Толстому (сын Л. Н. Толстого, не отличавшийся, в противовес большинству детей писателя, демократизмом своих жизненных убеждений.— Ю. П.). Увидев его в передней, она подошла и, здороваясь, протянула ему свою правую руку (сестра была из богатой крестьянской семьи и носила кольца на правой руке, по-благородному). Лев Львович при этом брезгливо убрал свои руки за спину.

Хорошо помню сына Владимира Григорьевича, Диму, отзывчивого, простого мальчика. Воспитан он был по-народному; отца своего, Владимира Григорьевича, всегда называл «батей». Детство свое Дима провел среди крестьянских ребятишек и, как помню, с душой относился к простому крестьянину. Хорошая была семья.

12 лет, с 1907 года я жила у Чертковых в Телятинках и находилась при больной жене Владимира Григорьевича. Лев Николаевич часто приезжал к Чертковым и однажды, встретив меня, спросил:

— Ну, как ты тут?

— Хорошо.

— А ведь тобой не нахвалятся, — сказал Лев Николаевич и добавил: сын-то твой хорош стал, коренастый. Он всегда от души радовался, когда у человека из простого народа ладилось в жизни.

Анне Константиновне Чертковой я делала кефир. Лев Николаевич, приезжая в Телятинки, пил его и говорил мне:

— Какой вкусный твой кефир!

В 1907 году я побывала с Чертковыми в Англии, где ухаживала за больной Анной Константиновной. У Владимира Григорьевича там было четыре дома. В большом, который принадлежал матери Черткова, находилась «не-

сгораемая комната» — там хранились рукописи запрещенных тогда в России сочинений Льва Николаевича. Типография располагалась в одном из других домов. Мать Черткова положила на внука 300.000 рублей, сказав при этом с упреком Владимиру Григорьевичу:

— Ты все деньги растратишь на Толстого...

Так и получилось: все дома и деньги потом пошли на долги.

В 1907 году Чертков с сыном собрались ехать в Ясную Поляну. Перед отъездом Владимир Григорьевич купил материалу и решил сделать из него халат в подарок Льву Николаевичу. Чертков знал, что я шью, и я сшила Льву Николаевичу длинный, свободный, теплый халат.

Тут Вера Сергеевна достала из старинного большого сундука-укладки и показала мне подаренную ей редкую фотографию В. Г. Черткова с его дарственной надписью. Чертков снят на ней сидящим в кресле.

Знала я и Павла Ивановича Бирюкова (друг и биограф Л. Н. Толстого. — *Ю. П.*), часто приезжавшего в Ясную Поляну. Хороший, сердечный был человек! Павел Иванович хотел в одно время жениться на Марии Львовне Толстой, но Софья Андреевна не дала разрешения на их брак. Когда Мария Львовна учила крестьянских детей в «каменке» (кирпичный домик, стоящий рядом с въездными башенками в яснополянскую усадьбу Толстых), Павел Иванович, приезжая в Ясную Поляну, иногда заходил туда и читал что-нибудь детям.

В 1906 году с семьей П. И. Бирюкова я была в Швейцарии, где помогала по хозяйству.

СТАРЕЙШИЙ писатель Константин Александрович Федин, Герой Социалистического Труда, принадлежит к выдающимся мастерам советской литературы. Еще в начале 20-х годов А. М. Горький, наблюдая за начинающим литератором, сказал: «Константин Федин — серьезный, углубленный в себя писатель, работающий осторожно. Он из людей, которые не торопятся сказать свое слово, но говорят его хорошо». Позднее в «Записной тетради» Федин замечает: «И мне хотелось написать о радостях и об отчаянии вечной работы над словом, над стилем, работы такого писателя, для которого литература является делом жизни, призванием властным и взыскательным. Одержимость писателя любовью к слову служит источником страданий, но таких страданий, о каких писатель никогда не пожалеет». Его книги — «Города и годы», «Братья», «Похищение Европы», «Санаторий „Арктур“», «Первые радости», «Необыкновенное лето», «Костер» — открыли читателю мир, полный сложных, глубоких мыслей и чувств, сильных и ярких характеров.

К. А. Федин родился в старом русском городе Саратове на берегу Волги. Писатель говорил о своем детстве: «Сейчас я как будто ярче прежнего вспоминаю свою родительскую семью то в одной, то в другой крошечной квартирке и детские впечатления от Волги с ее неповоротливыми пароходами, бесконечными вереницами плотов, просмоленными рыбацкими дощанками и окрестными фруктовыми садами... Отсюда пошли мои первые представления о русской земле — как о Мире, о русском народе — как о Человеке».

Работая над своими произведениями, Федин всегда руководствовался принципом: «Искусство писателя, его технологическое умение может быть применено лишь к наблюдаемому и понятному материалу. Жизнь диктует форму». Непрерывно изучая реальную действительность, писатель добивался предельной выразительности и зримости образа, раскрывая оттенки и возможности обычных слов.

К. А. Федин не только крупный писатель, но также видный ученый, академик — выдающийся теоретик литера-

К 90-летию
со дня рождения
К. А. Федина

турного искусства. Его книга «Писатель. Искусство. Время» — сборник воспоминаний, литературных портретов, критических работ, речей и писем — подлинная школа идейности и мастерства советского художника слова. Эта книга — повесть о внутренней жизни художника. В ней мы найдем credo советского писателя, отдающего свою жизнь и свой талант народу, Родине: «Для меня искусство литературы имеет единственный смысл — деятельность, служащая обществу, народу... Наше убеждение в том, что литература должна быть наполнена народным, то есть волнующим массы читателей, содержанием, остается нерушимым. Песня существует лишь тогда, когда она печальна или весела, призывна или задумчива...»

Произведения Константина Федина, в ярких художественных образах воссоздающие картину жизни советского общества в разные исторические периоды, всегда будут нашими умными собеседниками, наставниками, друзьями. Литературную страницу мы предоставляем высказываниям Константина Федина.

ИЗ ЛИТЕРАТУРНЫХ БЕСЕД

Как писателю, из всех областей искусства литература мне ближе других. Это — мир, который я люблю, это — дом, в который я спешу, где бы я ни был, это — очаг, меня согревающий и мне дающий свет. И в этом мире самая большая планета — Пушкин, в этом доме самый драгоценный взор — Пушкин, в этом очаге самый жаркий язык пламени — Пушкин.

Сердце (да и не оно одно, а все человеческое, что во мне живет) требует, чтобы я сделал то «лучшее», о котором не перестаешь мечтать как о лучшем. Это, конечно, книга — как ая-то полноценная и полнокровная, от всей души написанная книга, зовущая к себе денно и ночью. Чувство это было и прежде: вот напишу самое лучшее, на что способен, напишу так, что все ранее написанное отойдет в небытие рядом с этим новым и — может быть, «совершенным», — вот-вот напишу! И когда приходилось писать, не переставал, конечно, надеяться, что пишу это лучшее, ради чего как бы создан (хотя надежда никогда не бывала вполне непрестанной, — наоборот! — кривая чаяний и отчаяния скакала вверх и вниз, и мучился я всегда больше, чем радовался). Но проходило время, разочаровывался и опять с тоской ожидал, когда примусь за лучшее, за дорогое сердцу дело — за какую-то книгу, которая будет «главной» во всей и для всей жизни.

Бывает так: бьешься, бьешься над уточнением какой-нибудь подробности — зачеркиваешь одно слово, ищешь другое, роешься в памяти, книгах, словарях — а потом вдруг окажется, что сама подробность не нужна, и просто выбросишь ее, и все станет на место.

Читателю всегда нужно самое главное, и только. А главное — мысль.

Читатель, то есть тот воображаемый, нужный тебе, художнику, человек, для которого ты пишешь, умнее тебя. Он догадлив, у него тонкое чутье, он быстро все понимает, и что ты ни подумаешь, что ни замыслишь, он сразу схватит. Он — высший и строжайший критик, его не обманешь пустяками и завитушками. И он живет в тебе, Слушайся его, и будет все хорошо.

КОМПОЗИЦИЯ. СТИЛЬ, ЯЗЫК

Композиция никогда не является произволом писателя, как бы причудлива она ни была. Композиция есть логика развития темы (так же, как сюжет — логика развития образа). Логика же — не что иное, как реализм...

Но надо же не только знать, что такое композиция, надо чувствовать ее, как хороший архитектор чувствует пространство.

*

Описание надо делать концентрированно: взять главное и поставить в середину, пренебрегая доскональностью, которая иногда появляется либо от незнания, либо вследствие чересчур большого авторского знания предмета. Автору бывает ведь лестно покрасоваться перед читателем своими знаниями, и он начинает выдавать весь товар лицом.

Язык художника относится к предметам, требующим долгого обдумывания даже от очень талантливого писателя. Медлительность тут не в укор и не в умаление таланта.

*

Грамматика создается на основе того словоупотребления, того языка, который живет в момент ее создания.

Но проходит время, и грамматика превращается в канон. Словоупотребление изменяется, язык обновляется.

Противоречие между установленными грамматикой нормами и новой живой речью усугубляется.

Кто-то кому-то (что-то чему-то) должен уступить. Живое развитие не может уступать канону.

Но важно то, что в наше время мы сознательно (организованно и на научной основе, т. е. на основании изученного опыта) участвуем, вернее — хотим или хотели бы участвовать в конструировании речи, в ее развитии.

Хорошо бы составить словарь Гоголя, собственно словарь его новообразований — не заимствованных из украинского языка слов, а его собственных находок или поисков, например, такого типа: «Часто вся строка *созвучивается* с другою, несмотря, что у обеих даже рифмы нет...

Часто строка два раза терпит цезуру и два раза рифмуется до замыкающей рифмы, которой сверх того дает ответ вторая строка, тоже два раза *созвукнувшись* на середине...» (из статьи «О малороссийских песнях» второй части «Арабесок» — см. т. 6 «Собрания сочинений». М.: Гослитиздат, 1950).

Очень интересно тут же, вслед за цитатой, определение Гоголем *ассонанса*... (с. 73).

Какое у него множество подобных, часто — даже чаще всего — неуклюжих, но оригинальных образований! Он был одним из самых неумных словотворцев в свою пору. «Будетлянин» XIX века...

«... знаю только, что если бы втрое, вчетверо, *всотеро* раз было более нужд, и тогда они бы не поколебали меня...» (тот же том, с 209). «Всотеро» — это же прелесть! Как ребенок!..

«Столплялись» — многократно у Гоголя. Он вообще часто прибегал к формам, образованным теоретически верно или близко к теоретической верности [что делал и Вл. Даль], сообразно правилам грамматики, не считаясь, с тем, что иногда эти формы совершенно *нежизненны*, и желая — отчасти — укоренить в речи новую форму, а отчасти сказать оригинальнее...

Он сам признавался в своей слабости к «оригинальному» — в одном из писем (тот же 6-й том).

А его знаменитая «Тройка»? «...Русь, что бойкая *необгонимая* тройка несешься?..»

*

Слово для писателя, несомненно, имеет самодовлеющее значение. Оно стремится как бы исчерпать собою всю прелесть фразы.

Труднее всего писать, когда отдаешься всецело этой его власти...

Когда наступает момент застоя (не можешь сдвинуться с места, потому что тебя не удовлетворяет ни одно выражение, ни один оборот, ни одно слово), это означает, что тебя ведет не мысль, а слово, как таковое.

Ты ищешь оболочку, не зная в точности — что именно ей надо облечь.

Зато если мысль сложилась и вполне ясна, никогда не бывает неудовлетворенности словом. Слова приходят сами, если жива мысль. *Она приводит их с собою*. Стоит ей на-

чать гаснуть, как теряются нужные слова, а на смену им являются ненужные и открывают форменное сражение между собой.

В сражении берут обычно верх «красивые», звучные, звонкие, нарядные слова. Стоит им поддаться, как они совсем заглушают работу мысли, подчиняют своему самовластью...

*

Культура художественного слова создается не только писателями-художниками. Самы они черпают языковые богатства в массе одаренных чутьем к слову людей, для которых язык служит средством передачи деловой, обычно профессиональной мысли, средством передачи знания, опыта, трудовой практики, житейского материала переживаний...

Форма всякого определенного жанра со временем непременно коснеет. Чтобы жить интенсивно, то есть не терять способности воздействовать на читателя, слушателя, форма должна обогащаться притоком свежей крови, обновляющей ее ткань. Разумеется, надо учиться и у фольклора. Но нельзя забывать, что сказители чаще всего тоже передают, воспроизводят уже установившуюся форму, не оживляя ее новыми приемами, слепо следуя языковому канону, совершенно так, как беллетрист следует канону своих предшественников и современников в беллетристике. Потому и сказитель хорош только тогда, когда он обогащает речь живым языком народа, а не ограничивает форму своих сказов изустной традицией профессиональных сказителей.

ОБ СТИМИРАНИИ СЛОВА

Жизнь и смерть слова протекают так же, как его зачатие и рождение: родившись с возникновением общественных отношений, слово умирает с их исчезновением.

Оно остается жить в переносном значении, прикрепляемое к новым понятиям, меняя внутреннее свое содержание, свой смысл, свое назначение и утрачивая (иногда бесследно) первоначальную сущность.

ЗАМЕТКИ О ЯЗЫКЕ
ПОВЕСТИ
«ПОСЛЕДНИЙ ПОКЛОН»
В. АСТАФЬЕВА

Каждое произведение Виктора Астафьева поражает насыщенностью содержания и поэтичностью описаний. Одна из особенностей языка его прозы — лексические повторы, когда рядом дважды, а иногда и трижды повторяются одни и те же слова в одной и той же грамматической форме. В повторах отражаются черты русской разговорной речи, поэтому чаще можно встретить их в речи персонажей. В данной статье внимание сосредоточено на авторской речи, в которой повторы используются как стилиобразующее средство.

Автобиографическая повесть «Последний поклон» написана от первого лица, что сближает ее с непосредственным устным рассказом. В ней мы можем наблюдать индивидуально-авторское использование повторов — одного из оригинальных стилистических средств языка, придающих необычайную выразительность астафьевской прозе. Повторы, встречающиеся в тексте повести, очень разнообразны, и если рассматривать части речи, из которых они составляются (наречия, прилагательные, существительные, глаголы и т. д.), то можно увидеть определенные закономерности в их формировании и значении.

Так, повтор наречий или прилагательных обозначает высокую степень признака действия или предмета. Два одинаковых слова соответствуют по значению сочетанию одного из них с наречием *очень*. Слова-повторы образуют семантическое единство, по существу, создаются новые слова. Например: Вокруг солнца поразмыло туманную муть, но оно все равно еще в рыжей шерстке

и не греет. Оно зависло в пухлых дымах, поднявшихся *высоко-высоко* над домами. Впервые видел я сверху слияние двух больших рек — Маны и Енисея. Они *долго-долго* спешили навстречу друг дружке... (Цитируется: Астафьев В. Повести. М., 1977).

В зависимости от лексического значения наречий они показывают или пространственные соотношения (*высоко-высоко*), или отрезок времени, каким он представляется говорящему (*долго-долго*), или степень проявления действия (*крепко-крепко*). Иногда лексически объединяются разные слова, скажем, обозначающие чередование движений в противоположных направлениях: *вверх-вниз, туда-сюда, вправо-влево*; они синонимичны соединению пар слов разделительным союзом *то-то*: *то туда, то сюда*; Шлепнул дед цигарку оземь, вдаль уставился, борода у него заходила *вверх-вниз, вверх-вниз...*

Прилагательные по смыслу соотносятся с наречиями; они обозначают признак предмета по времени (или по возрасту), по размеру, по цветовому или же по световому признаку: Неужели я принес-ее с собою в молчаливую тайгу, в эти *старые-старые* горы? Бабушка вытирала мою стриженую голову ладонью или краешком платка, с улыбкой подбадривала, уверяла, что от росы да от дождя люди растут *большие-большие*. И опять я начал видеть в мечтах *высокое-высокое* дерево. Санька не раз мне говорил, будто в ту *темную-темную* ночь он понял, что характером я весь в бабушку свою Катерину Петровну.

У Астафьева часто наблюдается повторение сравнительной формы, лексическим значением которой передаются изменения в пространственных соотношениях, в количестве каких-либо предметов; изменения степени состояния, движения, процесса. Повторяющиеся слова употребляются без союза или же соединяются союзом *и*: Взмах шестов, перекидка рук, толчок — лодка вспрыгнула носом, ходко подалась вперед. Она *ближе, ближе*. Но уже помимо всего по своей воле другая какая-то скрипка взвилась *выше, выше, выше* и замирающей болью, затиснутым в зубы стоном обрвалась в глубоком поднебесье, у той одинокой остроиглой звезды. Вздохнул я с облегчением и стал собирать ягоды скорее, да и подалось их *выше* по увалу *больше и больше*.

В местоимениях-наречиях *совсем-совсем* и *ничего-ничего* содержится значение высшей степени признака, повтор здесь создает как бы новую лексему, они сливаются интонационно; союз *и* между ними невозможен. Иногда перед ними стоит слово *еще*: Мир был добр и одинок — *ничего, ничего* дурного в нем не умещалось. ...я ей напомнил песенку, какую она пела, когда *еще совсем-совсем* маленькой приезжала с дядей Васей и тетей Любой к бабушке в гости.

Усилительное *еще* может само употребляться как повтор, не сливаясь при этом в новую лексему. Сочетаясь с глаголом, оно обозначает продолжительность действия: Бабушка *еще и еще* говорила.

Низшая степень проявления признака действия передается повтором *мало-мало*, типичным для разговорной речи; по значению оно соответствует более обычным словам *едва-едва, еле-еле* или *как-нибудь, кое-как*: Наша семья, ведомая бабушкой, изворотливой в хозяйстве, предприимчивой в делах, не раз голодавшей и бедовавшей за свою жизнь, *мало-мало* перебивалась.

Повтор *существительных* соответствует по значению сочетанию *много* или *очень много* с одним из слов, образующих повтор. Но эти словосочетания звучат казенно, а повтор звучит напряженно и создает впечатление большего количества, какой-то необъятности; слова при повторе не сливаются в семантическое единство, произносятся с интонацией, близкой к перечисляющей: Кругом здесь *картошки, картошки*. И перебирать их надо, *картошки-то*. *Снег, снег*, везде *снег*, белый, нетронутый.

Риторические обращения в качестве повторов содержат обыкновенно оттенок раздумья, глубокого чувства, лирического настроения, вызванного воспоминаниями автора о близких, дорогих ему людях; ритмомелодикой повтора поддерживается общий лирический тон повествования. Например: *Бабушка, бабушка!* Виноватый перед тобою, я пытаюсь воскресить тебя в памяти, рассказать о тебе людям.

Разновидность риторического обращения-повтора — обращение к самому себе, когда в повести при воспоминании о далеком прошлом происходит сближение с настоящим. Создается впечатление и увещевания самого себя в описываемый момент, и обращения к себе, уже далекому по времени: *Дурак-дурачок!* Разве музыки можно бояться? *Дурак-дурачок*, не слышал никогда, вот и...

Повторение глаголов имеет несколько оттенков значения. Один из них — длительность действия, предполагаемое напряжение исполнителя действия и, в зависимости от семантики глагола, подъем духа или же проявление слабости, преодоление ее; каждый глагол обладает относительной смысловой законченностью: Кто-то припал к ручью губами, *пьет, пьет* и не может напиться: так иссохло у него все внутри. ...и зорькина песня, песня пробуждающегося дня, вливалась в мое сердце и *звучала, звучала, звучала...*

Другой оттенок — интенсивность действия, например: Бабушка застелила стол праздничной скатерью и *наставила, наставила...* Иногда возьмешь в руки *цукольную* фотографию, и снова *нахлынет, нахлынет*. В данных предложениях при глаголах-повторах объект не называется. Замечательно, однако, то, что и без названия объ-

екта предложение воспринимается как законченное по смыслу, как многозначное и очень выразительное.

Когда же повторяющиеся глаголы соединяются союзом *и* (или *да*), то создается впечатление непрерывности процесса на протяжении какого-то длительного отрезка времени; из отдельных звеньев складывается цепь действий или событий: Ворота почти не за-
творяются, щеколда бренчит праздничным набатом — родня *прибы-
вает и прибывает*. С такого тихого, ничем не приметного лета трид-
цать пятого года оградка эта *пополняется и пополняется*.

Повтором глаголов, соединенных бессоюзно или союзом *и*, под-
черкивается частое повторение действия, развитие процесса после
неожиданного начала, усиление действия, повышение степени его
интенсивности: Дыхание мое сперло, а сердце стронулось с места
и заколотилось, заколотилось. Жутко, глухо станет, когда ухнет на
тебя навильник. Рванешься, как из воды, наверх *и поплывешь,
и поплывешь*.

Глагольные повторы могут также обозначать временное прояв-
ление действия или состояния и прекращение этой длительности,
смену действия другим, что всегда указывается в тексте присоеди-
нением нового глагола союзом *и*: Она выбежала на улицу, *погля-
дела, поглядела и вернулась*. Поноют, *поноют* в суставах ноги
и перестанут. Кешиным панком я спишб шесть передних пар под-
чистую, в седьмой паре рюшка *стояла-стояла*, взяла *и тоже упала*.

Среди повторов выделяются по значению уточняющие
повторы, они выражаются разными частями речи и имеют
усложненную структуру: к повторяющемуся качественному наре-
чию на *-о* добавляется наречие степени *очень* (*Долго, очень долго*
не трогался в ту весну Енисей), к сравнительной форме — *гораздо*
(*Позднее, гораздо позднее*, через много-много лет, попробую я разо-
браться и уяснить, откуда у человека берется доподлинная, несо-
чиненная любовь к ближнему своему...), к существительным — при-
лагательные (Наша жизнь вся пропахла железом и *хлебом, тяж-
ким трудовым хлебом*, который надо добывать с боя). Часто
названное время или место действия подчеркивается при повторе
словом *именно*: *В тот год, именно в тот год*, безлошадный и голод-
ный, появились на зимнике — ледовой енисейской дороге — мужи-
ки и бабы с котомками... Иногда им же оттеняется необычное зна-
чение слова, употребленное для названия явления, вызвавшего
удивление: ...а пришлые в это время уже весело, распевно гомони-
ли на базаре *и одаривали, именно одаривали* покупателей редиской,
луком, и затем зелеными огурцами и красными помидорами.

В астафьевских повторах наблюдаются своего рода устойчи-
вые структуры, свойственные разговорной речи. Они соз-
даются прибавлением перед повторяемым словом своеобразных

слов-частий: *оx, так уж, и как, да что там*, придающих предложениям живость, создающих впечатление непосредственного восприятия, естественной работы мысли и передачи ее собеседнику: Только *трудно, оx трудно* будет ему там, в совсем другой, непригодной для него жизни. Самые высокие торосы на середине Енисея. Там *лед мчит, так уж мчит*, когда встает река. Хотя от травки до свежего хлеба и овощей было *еще далеко — и как далеко!* — ведь каждый *голодный месяц, да что там месяц, день!* — это вечность, — и все же легче жить сделалось.

Еще одно из устойчивых сочетаний — повтор существительных, образующих новое значение и потому объединяющихся на письме дефисом; сочетания эти синонимичны уступительному придаточному предложению, после них употребляется противительный союз *а*, и последующее содержание утверждает противопоставленность тому представлению, которое содержится в повторе, например: Мы задумались. *Ребятишки-ребятишки*, а понимали, что с Енисеем шутить нельзя и что к полынье подобраться нельзя.

Особые стилистические функции выполняют расчлененные повторы; так условно можно назвать повторы, разделяемые знаменательными словами. Они имеют целый ряд разновидностей. Так, после выражения основной мысли сочетанием слов повторяется ударное слово первого сочетания, к нему привлекается внимание, затем продолжается развитие мысли, оттеняющее особое значение повторенных слов в самой сущности описанной ситуации: *Один я, один*, а кругом жуть такая, и еще музыка — скрипка. На полуслове *смокла скрипка, смокла*, не выкрикнув боль, а выдохнула ее.

Писатель представляет какую-то ситуацию, в ней называет одно значительное явление, затем повторяет стержневое по смыслу слово, а при нем — новые слова; так выделяются нюансы явления, описание достигает полноты в представлении какой-то картины, например: *Вася замолчал, говорила лишь скрипка, пела скрипка, угасала скрипка*. Самим повтором, расположением слов в сочетаниях с повтором достигается особая ритмика фразы: здесь и противопоставление — *Вася замолчал, говорила скрипка*, а затем изменением порядка слов делается ударение на глаголах *пела, угасала*. Предложение приобретает музыкальность, особую выразительность, эмоциональность. Если сравним грамматические синонимы: *Вася замолчал, лишь говорила, пела, угасала скрипка*; или — *лишь скрипка говорила, пела, угасала*; или — *говорила лишь скрипка, она пела, угасала..*, то каждый из вариантов бледнее того, что создал писатель.

Словосочетания с повтором иногда детализируют картину: *Расстроганными слезами благодарил я Васю, этот мир ночной, спящее*

село, спящий за ним лес. Или же после расчлененного повтора как бы подводятся итог или объясняется сказанное. И здесь порядок слов в сочетании с повтором у В. Астафьева варьируется: *Вздохнул учитель облегченно. Ученики вздохнули. Село вздохнуло — все пережидали.* Иногда повторяющимися словами или словосочетаниями создается своеобразная рамочная конструкция: из слов-повторов одно начинает описание, другое завершает его. После этого возможно продолжение с описанием несоответствия, скажем, окружающей обстановки и внутреннего мира человека: *Была водка, времени полно, но не с кем было выпить за дядю Филиппа — судового механика, не с кем. Все на месте. Луна со звездой над рекой. Село уже без огней. Кладбище в вечном молчании и покое. Караулка под увалом, обьягая сгорающими черемухами и тихой песней скрипки. Все-все на месте. Только сердце мое, завявшееся от горя и восторга, как востропнулось, как подпрыгнуло, так и бьется у горла, раненного на всю жизнь музыкой.*

Повторение служебных слов — союзов и частиц — тоже создает выразительность поэтически окрашенной речи: ...и вот иду и слышу, как пахнет от них прелью тайги, да еще пещерой, да еще сеном, да еще семенем полыни, да еще сказками пахнет, теми сказками, какие мне иной раз бабушка рассказывает...

Иногда разные по характеру повторы комбинируются в небольших отрезках текста, или даже в одном предложении; и здесь они выполняют свою значительную стилистическую роль: влияют на ритм речи, создают яркую образность и наглядность, создают настроение: Хорошо иметь много родни — это значит многих людей любить и быть ими любимым, чувствовать их постоянно в душе своей, — хорошо до тех пор, пока не станет надать эта родня, как перестоялый лес в тайге. И тогда много горя, много слез, много страдания...

Таким образом, лексические повторы у В. Астафьева по степени спаянности и значению можно разделить на два основных типа: одни создают новые сложные слова (долго-долго, большой-большой, ничего-ничего), другие образуют сочетания слов, передающих усиление значения, длительность, повторяемость, интенсивность (звучит, звучит; приходят и приходят; все стонет, все стонет; ближе, ближе; больше и больше).

Лексические повторы органично входят в систему художественно-образительных средств языка писателя и выполняют особую стилистическую роль, сообщая тексту неповторимую выразительность и эмоциональность.

М. К. МИЛЫХ
Ростов-на-Дону
Рисунок В. Толстогова

Синтез „лирического“ и „социального“ в творчестве Евгения Носова

Добро, правда как качественно необходимые условия художественности — общая черта, роднящая Евгения Носова с целым рядом современных писателей, и она, по существу, — неотъемлемый признак подлинного творчества.

Произведения Евгения Носова небогаты событиями, неожиданными поворотами сюжета, они полны красотой человеческой души, раскрывающейся в повседневной трудовой жизни его героев

Рассказам Е. Носова, говоря словами В. Астафьева, «уготована долгая жизнь».

В творческой эволюции писателя знаменателен рассказ «За долами, за лесами», который отличается раскованной техникой письма. Новизна его заключается не столько в материале и проблематике («Меня поразили пустые северные деревни»), сколько в удивительно точно найденном способе художественного решения («Я стал думать, как об этом написать»).

«За долами, за лесами» — это как бы два рассказа. Один — социальный: об «обезлюживании» северной деревни. Другой — лирический: о красоте природы этого края. Причина кажущейся двойственности произведения заключается в том, что Е. Носов социальную тему решает приемами лирико-новеллистического письма. Средством организации сюжета становится сквозной символический образ, который задан начальной строкой рассказа «На рассвете меня будили журавли», и получивший свою интонационную завершенность в финале.

Основу синтеза «лирического» и «социального» в рассказе создает образ автора. Е. Носов избирает форму повествования от первого лица, но «я» в рассказе — это не условное, литературное «я». Подлинность, невымысленность авторского свидетельства высту-

пает здесь как своеобразный способ художественного творчества — способ письма «с натуры». Прием объективного изображения доминирует в рассказе. Например: «На своем бронированном Кразе в бесконечном потоке самосвалов он много раз за день спускался по бетонному серпантину на восьмидесятиметровую глубину». Но вместе с ним Е. Носов использует элементы экспрессивного письма, создающего настроение: «...по-прежнему печально выкликали кого-то за лесом журавли». Реальное, оставаясь суверенным и самостоятельным, окрашивается в тона особого, авторского, поэтического мировосприятия. Поэзия действительного не привносится писателем извне, а открывается в глубинах самого материала. Способность открыть прекрасное в обыкновенном, привычном, будничном осознается Евгением Носовым как одна из задач искусства, как черта подлинного писательского таланта: «А журавли-то все кричат,— сказал я. Постояли, послушали.— А я и не слышу,— сказала баба Евдокия.— Глуха стала. А то, может, и обвыклася. Всю-то жисть кричат дак...»

Придать поэтическую реальность рассказу, гармонически слить в нем лирические и социальные элементы — эти возможности открыла перед писателем «полусказочная форма». «В доме же напротив жили сестрица Верушка-сорожка с братцем Митькой. При них и курочка-ряба, серенькая в белых крапушках, с цыплятами». Писатель в совершенстве владеет здесь искусством художественной меры, когда уровень лирического возвышения материала определяется его реальной основой.

Прием сочетания слов, имеющих разные жанрово-стилевые сферы бытования, Е. Носов будет применять и в других своих произведениях, как например в рассказе «Объездчик», где пересечение современного и исторического лексических пластов не только передает художественно-философскую идею произведения, но и придает ему языковой колорит: «Правда, слободы уже не те: с кинотеатрами и кафетериями, с больницами и школами-десятилетками, а там, где раньше были ямские подворья и ночлежные станции с запасными тройками, стоят железнодорожные депо и вокзалы. Но до сих пор еще жителей называют по старинке — стрельцами и пушкарями, казаками и ямщиками, хотя ямщики уже давно пересели с облучков на поезда, да и стрельцы с пушкарями нашли себе новое дело. Русь раздвинула свои границы, и никто из теперешних слобожан не страшится, что вдруг наскочит дикий кочевник и отсечет кривой саблей иную зазевавшуюся голову или красавицу на модных шпильках уведут в полон в Крымское ханство».

Тот же принцип включения летописного элемента в ткань современной лексико-синтаксической конструкции осуществлен в зачине повести «Усвятские шлемоносцы». На идейно-художественную

значимость зачина указывал сам писатель: «Что определило необходимость в «Усвятских племоносцах» прибегнуть к такому языку? Прежде всего потребность придать произведению особую героико-патетическую тональность, способствующую наиболее полной передаче величия подвига моего народа. Эта тональность была взята заранее. Как, скажем, пашут: берут плуг и ставят деление на нужную глубину, так и я поставил на какую-то отметку, на уровне которой должен работать, именно в таком ключе, именно таким языком. «В лето, как быть тому, Касьян косил с усвятскими мужиками сено». Это летописная строка, первая в повести, как камертон, но ней уже потом все отмеривалось».

Взаимодействие словесно-речевых потоков передко выступает в прозе Е. Носова как следствие ее «многоголосного» построения. Так, в рассказе «Шуба» отчетливо выделяются голос автора и персонажа. Авторское слово принимает то форму сказа повествователя, то героя. Границы между ними довольно условны, так как перед нами и в том и в другом случае перевод устной разговорной речи в письменную.

Для сказа повествователя характерны сложная синтаксическая конструкция фразы, экспрессия чувства, выражающая себя в вопросах, восклицаниях («А на току разве обойтись без нее? Или на сенокосе? На ферме? Да где ты без нее обойдешься?»), прием проны («А где бабе ума взять? Ум-то весь мужикам достался»). Широко используются элементы устного рассказа с его опорой на предполагаемого слушателя: «Где-то там, как в сказке, за долами, за лесами, невесть в каком магазине, в каком универмаге...»).

«Слово» героя, напротив, отличает близость к формам «внутреннего монолога», это письменно закрепленный разговорно-речевой поток мысли. Воспроизведенный художественно, он становится средством раскрытия внутреннего мира человека определенной психологической и социальной среды: «Не какое-нибудь простенькое. А хорошее, настоящее зимнее. Чтоб с меховым воротником, на подкладке шелковой, да чтоб сукно было доброе. Не часто приходится такие дорогие обнови справлять. Себе-то уж и не помнит, когда покупала. С воротником — так и вовсе. Почитай, полсотни лет прожила, а ни разу мехового воротника не носила. Да их как-то раньше и не было, окромя овчинных. Платок наинула — вот и весь воротник...»

Взаимодействие повествовательных приемов рассказа определяет особенность авторского текста. Там, где сближаются речевые потоки, происходит включение отдельных слов героя в авторский текст: *угнув голову, скоро и торопко, потишило и потеплело, озаботясь, напрямки, обочь дороги, большак осклиз*. И напротив, уда-

ленность слова от центра сближения предполагает его литературную основу: *шелково переливалась, рыжий тополек, отчужденно взглянула на себя...*

Художественная система рассказа «Шуба» свидетельствовала о новых формах выражения авторской позиции в прозе Евгения Носова.

*

В рассказе «И уплывают пароходы, и остаются берега» «контекстуальное сближение» двух речевых потоков, двух интонаций и эффект их обратного отражения придают сцене лаконизм. «Сорога играет, к дождю, однако! — щурится из-под картуза Савоня и, обернувшись, глядит, как лодка пашет на два отвала мягко сияющее раздолье. — Скоро паровой окунь пойдет, на мелкое, на луды. — И поясняет, выкрикивая: — Это который табунится по теплой воде, по пару! Еще не время ему! Черема по островам не оцвела! Рапо быть паровому! — Со скольких там... б-буфет! — Дима-маленький перевешивается через борт, плещет в лицо с ладони, цьет и шумно отфыркивается». Такую же функцию выполняет прием композиционного контраста в рассказе «Шопен, соната номер два».

«Долго дымили сигаретами. Было слышно, как возле барабана о чем-то спорили музыканты.

— Не, Жорик, мелькомбинату ничего не светит. Кому там играть, где у них форварды? Там кирюхи одни.

— Не скажи! Вот увидишь, воткнут.

— Слабо. Они даже райпотребсоюзу продули.

Степан Холодов поправил пустой рукав телогрейки, выбившейся из-под ремня.

— Ты говоришь — четыреста... — сказал он. — Оно ежели все памятники поставить, как и положено, по тем боям, что тут были, так и пахать негде будет».

В данном примере автор разными языковыми средствами рисует две сцены: спор молодых музыкантов, пестрящий жаргонизмами (не светит, кирюхи, воткнут, слабо, продули) и беседу бывших фронтовиков.

Своеобразным итогом многолетней работы Е. Носова над словом явилась повесть «Усвятские шлемоносцы». По-разному отнеслись критики к языку этого произведения. Одни увидели в нем «определенные издержки стилизации», другие — «сплав патетики и мощного реалистического письма». «То, что я написал о войне не заземленно, — подчеркивает Е. Носов, — а дал некую тональную и стилистическую подсветку, — веление времени». Эти слова еще раз убеждают, что время накладывает свою печать не только на

содержание, но и на форму произведения. Именно гуманистический, осознанный на уровне современного звучания принцип выступил в повести как ее стилиобразующий фактор.

В «Усвятских шлемоносцах» одним из средств создания эпически спокойного, замедленного повествования становится синтаксис; не отдельное предложение, а целый развернутый период, заключающий в себе возможность художественного «сотворения мира» в слове, открытия его первозданности и красоты. «Вода сама по себе, даже если она в ведерке,— непознанное чудо. Когда же она и дещно, и ночью бежит в берегах, то норовисто пластаясь тугой необоримой силой на перекатах, то степенясь и полпясь зеленоватой чернью у поворотных глин; когда то укрывается молочной наволочью тумана, под которой незримо и таинственно ухаает вдруг выгравшая рыбина, то кротко выстилается на вечернем предсонье чистейшим зеркалом, впитывая в себя все мироздание — от низко склонившейся тростинки камыша до замерших дремотно перистых облаков; когда в ночи окрест далеко слышно, как многозвучной звенью и наплеском срывается она с лотка на мельничное колесо,— тогда это уже не просто вода, а нечто еще более дивное и необъяснимое». И тут же писатель объясняет причину обращения к подобному периоду, и это объяснение можно отнести к языку произведения в целом: «И ни один остомельский житель не мог дать тому *истолкованье*, не находил, да и не пытался искать в себе никаких слов, а называл *просто рекой, бессловесно и тихо* нося в себе ощущение этого дива» (выделено нами.— Л. Д.).

*

Писателю очень дороги люди, что живут рядом на родной земле, живут, чтобы не дать «погаснуть живому огню» всходов добра, понимания, человечности. «В этом одна из «тайн» возвышенной песни о земле в творчестве писателя,— замечает Юрий Селезнев.— Евгений Носов поет свою песню тихо, душой и главное — своим голосом — чисто и убежденно».

В художественном слове Е. Носов видит огромный эстетический потенциал. Не случайно перед молодыми авторами писатель ставит задачу внимательного, бережного отношения к языку, «без умелого владения коим,— подчеркивает он,— в наших скромно-ландшафтных местах по-настоящему не «запоешь», не «засвищешь»...».

Л. Н. ДУДИНА
Усть-Каменогорск
Рисунок Ю. Космынина

В годы Великой Отечественной войны весь советский народ встал на защиту Родины. Советские поэты и писатели своим творчеством внесли весомый вклад в общую победу над врагом.

Анна Ахматова 23 февраля 1942 года написала стихотворение «Мужество», которое 8 марта было опубликовано в газете «Правда». С тех пор прошло 40 лет.

Мы печатаем заметку М. Н. Баженова, члена общественного совета музея Анны Ахматовой в г. Пушкине, об этом произведении и статью кандидата филологических наук Е. А. Некрасовой, содержащую лингво-стилистический анализ стихотворения.

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Стихотворение «Мужество» было написано в трагический момент истории нашей Родины, спустя восемь месяцев от начала Великой Отечественной войны.

Всего одиннадцать строк... Но какую непоколебимую и беспредельную преданность Родине они выражают!

По-видимому, не будет преувеличением определить «Мужество» Анны Ахматовой как поэтический апофеоз нашей веры в победу.

Эта мысль перекликается с воспоминанием замечательного советского поэта Алексея Суркова, автора одного из лучших лирических стихотворений времен Отечественной войны — «В землянке»: «Помню, как в суровые зимние дни 1942 года, рас-

«И МЫ
СОХРАНИМ
ТЕБЯ,
РУССКАЯ
РЕЧЬ...»

сказывая в Колонном зале Дома Союзов о советской военной лирике, читал я, под аккомпанемент сирен воздушной тревоги, это стихотворение [«Мужество». — М. Б.]. Долго не смолкающими аплодисментами приняла его строгая, на две трети солдатская, аудитория того незабываемого времени».

Не случайно для поэта сохранение великого русского языка важнее, чем спасение крова и даже самой жизни: ведь утрата родного языка равнозначна уничтожению нации. И Анна Ахматова убежденно, с глубокой верой в непобедимость русского народа заявляет от его имени: «И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово».

И хотя стихотворение написано русским поэтом, чувства, выраженные в нем, близки и понятны всем народам, населяющим нашу Родину. Так, выдающийся узбекский поэт Хамид Алимджан, прочитав «Мужество» вскоре после его опубликования, заявил: «Послушайте, это же психологический портрет писателя времен войны: не страшно умереть, не горько остаться бездомным, и одно занимает душу — сохранить свой родной язык свободным и чистым и передать его внукам. Она [А. Ахматова. — М. Б.] пишет о русском, а я думаю о своем родном узбекском языке, ведь фашисты хотят и его убить, и его, как все языки народов Советского Союза, мы защищаем в этой войне».

Высоко оценивали «Мужество» А. Твардовский и Н. Тихонов. А вот что писал К. Чуковский об этом стихотворении и его авторе: «Торжественные, величавые строки, которые могли зародиться лишь в торжественной и величавой душе».

С тех пор стихотворение Анны Ахматовой «Мужество» неизменно входило во все издания поэта, в различные антологии, альманахи и сборники поэзии, журналы.

Уже в 1943 году оно вошло в «Сборник стихов» (Составители В. Казин и В. Перцов), выпущенный Государственным издательством художественной литературы, и вместе с лучшими стихами советских поэтов А. Твардовского, А. Суркова, К. Симонова, Н. Тихонова, О. Берггольд, М. Алигер и др. помогало громить ненавистного врага на фронтах и укрепляло веру в победу у тружеников тыла.

А последнее переиздание «Мужества» осуществлено издательством «Советская Россия» в серии «Подвиг» — «Дорога победы» — в 1980 году.

Чем дальше уходим мы от времени, когда был создан этот звучный эпохе стихотворный шедевр, тем больше убеждаемся в непреходящем его значении. Оно по праву вошло в золотой фонд советской военной лирики и является духовным достоянием нашего народа.

М. Н. БАЖЕНОВ

ШЕДЕВР ГРАЖДАНСКОЙ ЛИРИКИ

В коротком стихотворении А. Ахматовой заключено беспредельное по широте охвата, глубине и силе эмоционального накала содержание. Ни одного лишнего, случайного слова — поэт сразу приступает к главному и всеобщему, и поэтому не требующему никаких пояснений: местоимение *что*, подчеркнутое логическим ударением, принимает на себя содержание всего, о чем говорится в стихотворении. Первое употребление этого местоимения, помимо логического ударения и повтора его во второй строке, выделяется и ритмически. Логическое ударение нарушает плавность стихового строя и приостанавливает легкость чтения.

Ритмическая организация этого стихотворения (трехсложный размер с ударением на втором слоге) требует, чтобы ударными были слова *зна́ем, ны́не, лежи́т, весáх*; логическое же ударение на местоимении приводит к «столкновению» двух ударных слогов. Так при чтении возникает удлинённая пауза, дополнительно выделяющая местоименное слово (сравните с чтением второй строки, где логическое ударение совпадает с ритмическим).

Сообщая максимальную весомость местоименному слову, поэт не раскрывает его конкретного содержания, потому что он говорит о самом главном для всех. Так сразу включается и звучит на предельном эмоциональном накале тема всенародного отношения к происходящему — голос поэта и голос народа (носителя русской речи) сливается в одно целое (*Мы* — первое слово стихотворения).

Поднимая читателя до себя, поэт тем самым поднимает и свой голос до масштабов всенародного звучания:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.

Не развертывая содержания происходящего и прямо не называя его (что было бы известным сужением темы), поэт определяет жизненную значимость его для каждого и для всех: «Мы знаем, что ныне лежит на весах...». Данное фразеологическое выражение обозначает решительную ситуацию, из которой могут быть только два взаимоисключающих выхода (или... или). Высокое патетическое звучание этих строк подхватывается и следующими, в которых встречается второй фразеологизм, характеризующий масштабность понятия мужества, вызванного всеобщностью цели, стоящей перед народом: «Час мужества пробил на наших часах...». В русском языке сочетание переносного значения слова *час* с родительным падежом существительного обозначает, что наступило время свершения существенного, главного (час расплаты, час победы...). Следовательно, *час мужества* — это время, когда мужество — главное. Включение этого сочетания в более широкий фразеологический оборот к вышепозванному значению добавляет стилистически еще более высокую эмоциональную окраску того, о чем говорится. Так тема борьбы за национальное самосохранение и связанная с ней тема мужества оказываются равновеликими. На словесном уровне равномасштабность и слиянность этих тем выражается через ряд художественных приемов. Назовем некоторые из них.

Прежде всего обратим внимание на характер словесных повторов в данном стихотворении: они встречаются только в первых четырех строках: «Мы знаем, что ныне лежит на весах И что совершается ныне» (1-ый повтор); «Час мужества пробил на наших часах, И мужество нас не покинет» (2-й повтор). Как видим, дважды повторяются наиболее существенные темы стихотворения (прямо не названная тема Великой Отечественной войны и тема мужества), что, выделяя, объединяет их. В этом предельно скупом на слова стихотворении других словесных повторов нет. Только данным строкам присущи и фразеологические обороты, объединенные общностью приподнятого стилистического тона и положением в рифме (даже больше: общностью рифмы — *весах — часах*). Так создается своеобразный зачин — ввод в тему высокого гражданского зву-

чания и одновременно органическое слияние мотивов борьбы за свободу Отечества и мужества в этой борьбе, мужества народа в целом, что позволяет человеку стать выше личных горестей и печалей:

Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова...

Вдумаемся в эти строки. Казалось бы, нет для человека ничего более скорбного, чем потеря родного дома, и более страшного, чем смерть. Но поэт поднимает ощущения человека на такой уровень, который заменяет привычные человеческие мерки на более крупные и значимые. За этими скупыми строками встают картины сожженных городов и деревень, подвиги Матросова и Гастелло. Больше того, встает национальный русский характер, так проявляющийся в години великих испытаний. Поэтому естественно и органично звучит сопутствующая теме мужества тема борьбы и победы в этой борьбе:

И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово...

Обратим внимание на способ ввода этих строк. Они включаются в стихотворный текст с помощью соединительного союза *и* — вот еще один языковой способ передачи ощущения общности и равнозначности этих тем. Разбирая языковую основу соединения этих фрагментов текста, нельзя не отметить еще один чрезвычайно интересный художественный прием — прием образного пропуска. В данном случае на это указывает знак тире. По правилам русской пунктуации при наличии союза знак тире необязателен. Следовательно, он нужен автору, чтобы выразить дополнительные оттенки смысла, передать особую интонационную паузу, которая и вмещает в себя «пропущенное» содержание. Попытаемся выделить каркас этих «пропущенных» тем: в той борьбе, которая свершается сейчас, все личное будет забыто, человек поднимется выше личных горестей и несчастий, во имя свободы Отчизны народ не пожалеет ни жизни, ни имущества, и поэтому он победит. Но слова *победа*, так же, как и слов *родина*, *отечество*, нет в данном стихотворении. Понятие Отчизны и победы выражены объединенно: «И мы сохраним тебя, русская речь, Великое русское слово...»

Остановимся на этих строках подробнее. «Сохранить русскую речь» — значит отстаивать национальную независимость, победить в

схватке, где на карту поставлена самая жизнь народа, его право на свой язык, на свою культуру. Так раскрывается в полной мере тема, с которой начинается стихотворение: «Мы знаем, что ныне лежит на весах И что совершается ныне...», и местоименное обозначение, наполненное содержанием, которое в него вкладывает каждый читатель (слушатель), получает раскрытие уже через призму самосознания автора. Поэт говорит о всеобщем и своем личном, заключенном в нем: *свободное и чистое слово* — это сфера жизни и деятельности поэта, это его личностная сущность и это национальная культура народа. Так личное сливается с общественным, и именно это окрашивает высокий строй стихотворения пафосом неподдельной искренности, лишенной какой-либо фальши, что и делает его подлинным произведением искусства, шедевром русской гражданской лирики.

Известно, что строки, завершающие произведение (особенно, если оно небольшое по объему), могут приобретать особую весомость. Посмотрим, как использует Ахматова позицию последней строки (это тоже специальный художественный прием).

Десять строк данного стихотворения объединены рифмой, — последняя строка не перекликается своим окончанием ни с одним из слов стихотворения. Она стоит особняком. Весомость ее звучания подчеркивается и краткостью — она состоит всего из одного слова. Итак, автор выделяет последнюю строку стихотворения тем, что выводит ее из рифменного сопряжения строк, тем, что как бы обрывает ее, оставляя всего одно слово. Но этого мало: внимание к слову, завершающему стихотворение, привлекается и с помощью общего мелодического рисунка стихотворения. Последовательное чередование длины стихотворных строк, состоящих соответственно из одиннадцати и девяти слогов, нарушается в десятой строке, содержащей не девять, как следовало бы, а те же одиннадцать слогов. Итак, предпоследняя строка оказывается тоже замедленной. Тем ощутимей ускорение ритма и зрительная краткость последней однословной строки. Обратим также внимание на восклицательный знак, единственный в стихотворении, полном огромного эмоционального напряжения. Целый ряд приемов направлен на то, чтобы выделить и специально подчеркнуть слово, завершающее стихотворение. Это слово — *на в е к и*. Свобода и чистота русской речи, великого русского слова, а следовательно, и независимая жизнь народа будут неприкосновенны и вечны, потому что народ обладает теми свойствами национального характера, которые определяются высоким словом *мужество*. Такая связь этих слов и понятий улавливается и в композиционном построении стихотворения: слово

мужество выделено тем, что вынесено в заглавие стихотворения, слово *навек* — завершает его, заполняя собой целую стихотворную строку. Эта связь подчеркивается и графическим (зрительным) рисунком текста: и заглавие, и последнее слово стихотворения защищают середину стихотворной строки.

Так существенные и менее заметные приемы художественной организации текста в совокупности создают полную гармонию между содержанием стихотворения и его формой, что в конечном счете приводит к предельному эмоциональному воздействию на читателя.

Сдержанность тона и умение в немногих словах сказать главное, глубина мысли и искренность чувства отличают поэзию Анны Ахматовой. Она находит точные и емкие слова и жизненные ситуации для характеристики того или иного чувства, душевного движения. В данном стихотворении она также нашла единственные и верные слова для передачи своего чувства — чувства гражданина и патриота. Принадлежность этого стихотворения перу Ахматовой угадывается даже без подписи автора — личность поэта, неповторимость и постоянство художественного почерка создают органический сплав, характерный только для самых крупных мастеров слова. Гете сказал: «Но что значит все искусство таланта, если из-за пьесы не встает перед нами милая или великая личность автора — единственное, что переходит в народную культуру». Поэзия Анны Ахматовой стала подлинным достоянием ее народа.

Е. А. НЕКРАСОВА

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Правильно ли употреблено в газете словосочетание *первое боевое крещение*?

М. П. Сидоров, Клин

Устойчивое словосочетание *боевое крещение* имеет следующие значения: «первое участие в бою» и «первое серьезное испытание на каком-либо поприще»: *боевое крещение молодого актера*.

Словосочетание *боевое крещение* и означает именно первое испытание (в бою, на каком-либо поприще), поэтому слово *первое* в сочетании *первое боевое крещение* является лишним.

СЛОВО ГОРЬКОГО- ПУБЛИЦИСТА

А. М. Горький рассказывал, как в молодости его озадачивало красноречие юристов — адвокатов, прокуроров: «Мне было странно видеть, что „добро“ и „зло“ одеваются одинаково красивыми словами, что обвинители и защитники людей с равносильной ловкостью пользуются одним и тем же лексиконом». «Слово — одежда всех фактов, всех мыслей». — утверждал он, обращая наше внимание на огромную силу, таящуюся в слове, силу, делающую его грозным и неотразимым оружием в идеологической схватке, и, значит, на великую ответственность тех, кто этим оружием пользуется.

...Год 1932-й. В мире неспокойно. Мир разделен на два лагеря: в одном — ищут способ спасения общества, историей осужденного на гибель, и помышляют о мировой войне; в другом — строят новое общество, которому той же историей предопределено стать самым справедливым. В мире есть сила, которая всегда претендовала на роль «мозгового центра» общества, — интеллигенция. С кем ей быть? — этот вопрос не впервые ставился, но Горький поставил его четче, кардинальнее, чем до него делали другие. Более того, он не просто потребовал от интеллигенции Европы и Америки недвусмысленного ответа, но убедительно показал при этом преимущество одного из двух лагерей.

Статья Горького «С кем вы, „мастера культуры“?» вышла в свет 22 марта 1932 года. В подзаголовке значилось: «Ответ американским корреспондентам». Из-за океана пришло письмо, в котором вновь — в который

раз! — Горькому выговаривали за то, что он не «пропагандирует любовь», а «проповедует ненависть». Письмо было полно тревоги за судьбы мировой культуры и цивилизации.

И Горький отвечает. По меткому определению А. В. Луначарского, он, «как ударом молнии, обжигает». Ответное письмо переросло в большое публицистическое выступление, появившееся одновременно в двух ведущих советских печатных органах — в газетах «Правда» и «Известия». Оно значительно шире ответа определенным лицам, Д. Смитсу и Т. Моррисону, адресат его — деятели культуры всего западного мира, либо заблуждающиеся, либо еще не определившие своих социальных позиций. Но по форме это все-таки — ответное письмо, и в нем последовательно разбираются все тезисы письма, пришедшего от заокеанских корреспондентов; последовательность рождает спокойный, на первый взгляд, даже размеренный тон изложения.

Однако Горький — опытный полемист, и за спокойствием легко ощущается скрытая страстность. Читатель подчиняется внутреннему динамизму статьи.

Горький ведет спор, спор необычный, принципиальный — ведь в финале его он поставит перед своими оппонентами вопрос: «...с кем вы, „мастера культуры“? С чернорабочей силой культуры за создание новых форм жизни, или вы против этой силы, за сохранение касты безответственных хищников, — касты, которая загнила с головы и продолжает действовать уже только по инерции?». Горький строит систему доказательств, которой подчиняет все методы и приемы изложения. Его аргументация основана строго на фактах. К. Федин писал Горькому по поводу статьи «С кем вы, „мастера культуры“?»: «...обилие фактов поражает меня в сотый раз — когда и каким образом успеваете вы разбираться во всех этих Альпах материала?...»

Статья-послание перерастает во взволнованный памфлет против «идиотизма капиталистического строя», памфлет, содержащий достаточное количество убедительных доказательств и направленный на то, чтобы помочь лучшим представителям западной интеллигенции осознать «унизительный драматизм своей службы классу, осужденному на гибель...»

В статье возникают как бы разделы и подразделы, начинающиеся однотипно: «Вы пишете...», «Вы считаете себя...», «Вы ставите в пример мне». Но эта однотипность, однако, не создает монотонности, а, наоборот, при-

дает статье структурную четкость, позволяя проанализировать тезисы оппонентов. Федин был восхищен, как это удивительно «просто раскрыто». «...Лишь некоторая и незначительная часть европейско-американской интеллигенции,— пишет Горький,— чувствует неизбежность своего подчинения „закону исключенного третьего“ и задумывается о том — куда идти? По привычке — с буржуазией, против пролетариата или же по чести — с пролетариатом, против буржуазии?»

Или — или, третьего не дано — в сущности этому подчинена вся стройная система доказательств статьи-памфлета. Система эта завершается выводом, придающим публицистическому выступлению 1932 года определенную актуальность и в наше время. Вот он:

«Буржуазия отвергла проект Союза Советов о всеобщем разоружении, и одного этого вполне достаточно, чтобы сказать: капиталисты — люди социально опасные, они готовят новую всемирную войну. Они держат Союз Советов в напряженном состоянии обороны... На самозащиту... народы Союза Советов тратят огромное количество сил и средств, которое можно бы употребить с бесспорной пользой на дело культурного возрождения человечества, ибо процесс строительства в Союзе Советов имеет общечеловеческое значение».

*

«С кем должны идти в будущее мастера культуры — с людьми, которые эксплуатируют их творческую энергию, уже пресытились ею, богато обставлены предметами материальной культуры, давно уже не нуждаются в развитии культуры духовной и даже начинают ограничивать ее рост?»

Или же они должны идти с новым классом, который история выдвигает на первое место...».

Это — уже из другой работы Горького, появившейся тоже в 1932 году, — «Делегатам антивоенного конгресса». Это — речь, которая, однако, не была произнесена, так как вместе с другими советскими делегатами, Н. М. Шверником и Е. Д. Стасовой, Горький не получил визы на въезд в Амстердам.

В речи — прямая переключка со статьей «С кем вы, „мастера культуры“?» — страстное утверждение мысли о полной деградации буржуазии, о том, что служить обре-

ченной на вырождение социальной силе абсурдно для интеллигенции.

Важно отметить еще и то, что в статье, предназначенной для печати, и в речи, подготовленной для произнесения с трибуны,— сходство стилистических приемов, экспрессивной окрашенности речи, интонаций прямого обращения к читателям и слушателям.

Сходство это порождено, однако, не только совпадением, единством идейно-политических задач обоих текстов. Горьковской публицистике в целом присущ характер тесного общения с аудиторией: разговорные интонации, обилие вопросительных и восклицательных предложений, порой обращение к чисто ораторским приемам, в частности постановка риторических вопросов и т. п. Без особого преувеличения можно сказать: публицистические работы М. Горького.— почти готовые для устного произнесения тексты.

В самом деле. Вот у Горького в речи для Амстердамского конгресса: «Чего хотят короли промышленности, снова организуя всемирную бойню? Они воображают, что война поможет им выскочить из тисков экономического кризиса...»

А вот он спрашивает своих корреспондентов в статье «С кем вы, „мастера культуры“?»: «Какими талантами может гордиться она [буржуазия] в наше время? Нечем ей гордиться, кроме различных Гитлеров, кроме пигмеев, больных манией величия».

Горький обращается к делегатам конгресса: «Я спрашиваю: к этому пришла капиталистическая „цивилизация“? Это — неизбежно? Это — может быть оправдано? Не представляю дьявола, который мог бы оправдать это преступление».

Он пишет своим корреспондентам: «Сообразите: несколько десятков тысяч хищников и авантюристов желают вечно и спокойно жить за счет миллиарда трудящихся. Это — нормально? Это — было, это — есть, но хватит ли у вас храбрости утверждать, что это и должно быть так, как оно есть? Чума тоже была почти нормальным явлением средних веков, но чума почти исчезла...»

Как видим, и в речи, и в статье идет вопрос (иной раз подкрепленный вторым, разъясняющим) и вслед за ним — ответ, исполненный едкой иронии. Вопросно-ответная форма усиливает разговорную интонацию.

Речь Горького-публициста — прямое обращение к аудитории, и в этом ему помогает прием непосредственно ораторский — повторение, градация. Вот пример из статьи «С кем вы, „мастера культуры“?»: «Упрекая меня в том, что я „проповедую ненависть“, вы советуете мне „пропагандировать любовь“. Вы, должно быть, считаете меня способным внушать рабочим: *возлюбите* капиталистов, ибо они пожирают силы ваши, *возлюбите* их, ибо они бесплодно уничтожают сокровища земли вашей, *возлюбите* людей, которые тратят ваше железо на постройку орудий, уничтожающих вас, *возлюбите* негодяев, по воле которых дети ваши издыхают с голода, *возлюбите* уничтожающих вас ради покоя и сытости своей, *возлюбите* капиталиста, ибо церковь его держит вас во тьме невежества» (Курсив наш. — Я. С.).

Шесть раз употреблено слово *возлюбите*. Но это не простое повторение, здесь нарастание эмоционального накала. Причем накал этот становится еще выше, приобретает ноту гневного сарказма, когда в последнем случае повторение поворачивает мысль новой гранью.

Газета «Оссерваторе Романо», орган церковников (она цитируется в речи «Делегатам антивоенного конгресса»), твердит о «духовной анархии, исходящей из России». Горький пародирует это заявление: «Анархией в данном случае именуется успехи рабочего класса в деле строительства социалистического хозяйства и культуры. Анархия — это рост интеллектуальной энергии в Союзе Советов, — рост, быстрота которого характеризуется такими цифрами...» (и следуют конкретные данные).

Горьковское отношение к слову как к оружию идеологической борьбы особенно ощущается в его публицистических работах. Его заокеанские корреспонденты утверждают, что, мол, по мнению «многих», «диктатура рабочих приводит к насилию над крестьянством». Горький вскрывает социальный смысл, который вложили в это понятие его оппоненты: «„Насилие“, как вы и „многие“ понимают его, — недоразумение, но чаще этого оно — ложь и клевета на рабочий класс Союза Советов и на его партию. Понятие „насилия“ прилагается к социальному процессу, происходящему в Союзе Советов, врагами рабочего класса... На мой взгляд, можно говорить о принуждении, которое вовсе не есть насилие, ибо, обучая детей грамоте, вы ведь не насилюете их? Рабочий класс Союза Советов и его партия преподают крестьянству социально-политическую грамоту».

Горький часто обращается к народным пословицам, поговоркам. Так, например, он говорит, что капиталисты Европы и Америки на Востоке намереваются «приступить, вместе с храбрым зайцем, к дележу шкуры убитого медведя. Лично мне думается, что медведь не будет убит...»

К пословичности речи Горький проявляет особый интерес всегда. Но он не ограничивается использованием фольклорных элементов, и появляются знаменитые афоризмы, ставшие крылатыми выражениями в нашей повседневной речи, такие, как «Человек!.. Это звучит... гордо!» или «Если враг не сдается, — его уничтожают». В определенном смысле афоризмом стало и заглавие статьи «С кем вы, „мастера культуры“?».

Афористичность — одно из звеньев художественной системы мастера словесного искусства М. Горького. Его привлекает возможность с максимальной точностью передать сложную философскую мысль. Вместе с тем он предельно использует разнообразные стилевые и словесно-образительные средства, которые позволяют применить афоризм.

Язык публицистики Горького красочен и ярок. Отсюда убедительность его пророческих предвидений: «Эта ненависть всех ко всем, разрастаясь, становится все гуще, острее, она вспухает среди буржуазии, как гнойный нарыв, и, конечно, прорвется и, возможно, снова потекут реки лучшей, самой здоровой крови народов всей земли».

Отсюда и эмоциональная сила воздействия его метафор: «Нянька капиталистов — интеллигенция, — в большинстве своем, занималась тем, что усердно штопала белыми нитками давно изношенное грязноватое, обильно испачканное кровью трудового народа философское и церковное облачение буржуазии». Слово *нянька* в роли эпитета формирует художественный образ, всесторонне обрисовывающий неблагоприятную роль буржуазной интеллигенции, одновременно выявляя авторское саркастическое отношение к изображаемому.

Горьковская публицистика — школа использования огромных смысловых и образительно-эмоциональных ресурсов языка.

Я. Г. САДОВСКИЙ

О КАНЦЕЛЯРИЗМАХ И ШТАМПАХ

Шаблон — совершенно недопустимое зло во всяком творчестве.

А. Ф. К о н и. Советы лекторам

В самой теме о штампах есть уже нечто избитое, банальное. Теоретически она все еще недостаточно разработана, а однотипные публицистические выступления журналистов (см., например, Журналист, 1979, № 8 и др.) грозят превратить ее в некий «вечный» и неразрешимый вопрос. Сколько ядовитых стрел сатиры и юмора выпущено против «канцелярита», «пустой породы» — штампованной, уныло стереотипной речи. А все равно приходится снова и снова говорить об опасностях словесных штампов, их удивительной устойчивости, живучести, заразительности.

В чем же тут дело? Может быть, без штампов в определенных ситуациях вообще нельзя обойтись? Например, в деловых («канцелярских») документах они существуют «как устойчивый шаблон, как трафарет, требующий не особых усилий мысли, а лишь речевого автоматизма», — отмечает Б. Н. Головин в книге «Основы культуры речи» (М., 1980, с. 175). Но ведь говорящим и пишущим далеко не всегда бывает ясна разница между трафаретной, то есть бессмысленной, речью и привычно-расхожими оборотами, так называемым «средним» узусом.

Штамп определяется иногда как клише (т. е. устойчивое выражение), «потерявшее вследствие регулярного употребления образную функцию или семантическую точность» (см. пособие «Стилистика газетных жанров». М., 1978, с. 38). Иными словами, штамп — это избитое выражение, потерявшее свой точный и конкретный смысл и свою образность от частого («регулярного») употребления. Однако как определить границы этой «регулярности», т. е. избитости? Такие границы (если они вообще есть) довольно зыбки и подвижны; чаще всего они выявляются на основании субъективных вкусовых критериев.

Есть немало психологических причин появления штампов речи. Это и боязнь аудитории, и опасение сказать что-то «не так», неправильно; это и внутренняя неуверенность (обычно от недостаточной подготовленности), и, наконец, своеобразное стремление к «плавности» речи во что бы то ни стало. Тогда-то и идут в ход «связочные» или «упаковочные» конструкции — семантически опустошенные от частого и бездумного употребления обороты речи.

Есть тут, конечно, и собственно лингвистические причины. Дело в том, что нельзя, просто невозможно все время говорить (или писать) о новом и при этом выражаться только оригинально. Такую речь мы безоговорочно называем манерной; ее не всегда легко слушать и понимать. В нормальной же обстановке, в обычной речи мы всегда подготавливаем нечто незнакомое, новое путем обращения к чему-то уже известному слушателям или читателям. Иначе мы рискуем потерять взаимопонимание с аудиторией, да и сами можем легко утратить нить повествования. Значит, обе крайности плохи: и нарочитое оригинальничанье, и вереница избитых, затертых, скучно-серых выражений.

Каждый из нас, по-видимому, замечал: в непринужденной обстановке, в дружеской беседе говорит человек живо и свободно, образно, точно и остроумно. Но вот стоит ему подняться на трибуну, и его как будто подменили: речь неистово быстро встает на ходули раскожего штампа, выпренней и громкой, внешне вполне «гладкой» фразы.

Писатель К. Г. Паустовский в статье «Живое и мертвое» рассказал о такого рода метаморфозах, которые происходили с одним его знакомым, остроумным и талантливым в жизни человеком:

«В одном из среднерусских сел, где мне пришлось жить, председателем сельсовета был некий Петин — маленький, милый, всегда чем-то взволнованный человек...

Разговор Петина в обыденной жизни был полон метких слов, сравнений, прибауток, юмора. Но стоило ему подняться на трибуну для очередного доклада и выпить при этом — по примеру больших ораторов — стакан желтоватой кипяченой воды, как он преображался и, держась за несвойственный ему галстук, как за якорь спасения, начинал речь примерно так:

— Что мы имеем на сегодняшний день в смысле дальнейшего развития товарной линии производства молочной продукции и ликвидации ее отставания по плану надоев молока?

И вот умный и веселый человек, вытянувшись и держа руки по швам, нес два часа убийственную околесицу на неизвестном варварском языке. Именно на неизвестном и варварском, потому что назвать этот язык русским мог бы только жесточайший наш враг» (О родном нашем языке. М., 1961, с. 16—17).

Штампы бывают разные, причем не только языковые. Мы говорим, например, о литературных штампах (вспомним знаменитое чеховское «Мороз крепчал») или об актерских штампах, т. е. избитых приемах игры «на публику» и т. п. Во всех видах искусства — это зло общих мест, механических повторений. Штамп — первый и главный враг творчества.

Что касается штампов речи, то прежде всего это устойчивые словосочетания типа *включиться в борьбу* (за что-нибудь), *принять необходимые меры*, *проявить инициативу*, *иметь достижения и успехи*, *играть роль и иметь значение*, *в этих условиях*, *держаться в поле зрения*, *иметь место*, *трудно переоценить*, *нельзя не отметить*, *быть в центре внимания*, *на сегодняшний день* и др.

Это и постоянные определения, так называемые «слова-спутники» (а вернее было бы сказать — слова-паразиты). Мероприятия всегда бывают «практические», задачи — «конкретные», недостатки — «имеющиеся» (а могут ли быть «не имеющиеся» недостатки?), внимание — «постоянное» или «неослабое», забота — «настойчивая» или «должная», размах — «широкий», поддержка — «ак-

тивная», *отклик* — «горячий», *сроки* — «сжатые», *критика* — «резкая», *массы* — «широчайшие», *почин* — «ценный», *вклад* — «неоценимый» и т. п.

Это и так называемые «повые» предлоги, т. е. обороты типа *в деле, в направлении, по вопросу, в связи* (с чем-нибудь) или *в этой связи, в области, в силу, в целях, по части, по линии, в свете, в разрезе* и мн. др.

Это и нарочитое, чаще всего неуместное употребление таких книжных слов, как *труженик* и *труженица, инцидент, форум, эпицентр, завоевания, довелось, иметься, являться, увязать и согласовать, данный, вышеизложенный* и др.

Штампы существуют не только на уровне «языковых единиц», примеры которых мы только что привели, но и, так сказать, «на уровне текста». Типичный штамп «на уровне текста», применительно к эпохе 30-х годов, сатирически изобразили в романе «Двенадцать стульев» И. Ильф и Е. Петров. Вспомним сцену торжественного митинга в Старгороде по случаю открытия трамвайной линии. Председатель Старкомхоза товарищ Гаврилин «начал свою речь хорошо и просто.

— Трамвай построить, — сказал он, — это не ешакá кушать.

В толпе внезапно послышался громкий смех Остапа Бендера. Он оценил эту фразу. Ободренный приемом, Гаврилин, сам не понимая почему, вдруг заговорил о международном положении. Он несколько раз пытался пустить свой доклад по трамвайным рельсам, но с ужасом замечал, что не может этого сделать. Слова сами по себе, против воли оратора, получались какие-то международные... И только к концу речи он поборол свою вторую международную натуру и заговорил хорошими деловыми словами:

— И я так думаю, товарищи, что этот трамвай, который сейчас выйдет из депа, благодаря кого он выпущен? Конечно, товарищи, благодаря вот вам, благодаря всех рабочих, которые действительно поработали не за страх, а, товарищи, за совесть. А еще, товарищи, благодаря честного советского специалиста, главного инженера Треухова. Ему тоже спасибо!..»

Наконец, уже к вечеру, нашли и вывели на трибуну Треухова:

«Треухов хотел сказать многое. И про субботники, и про тяжелую работу, обо всем, что сделано и что можно

еще сделать. А сделать можно много: можно освободить город от заразного привозного рынка, построить крытые стеклянные корпуса, можно построить постоянный мост вместо временного, ежегодно сносимого ледоходом, можно, наконец, осуществить проект постройки огромной мясокладобойни.

Треухов открыл рот и, запинаясь, заговорил:

— Товарищи! Международное положение нашего государства...

И дальше замямлил такие прописные истины, что толпа, слушавшая уже шестую международную речь, похолодела. Только окончив, Треухов понял, что и он ни слова не сказал о трамвае. „Вот обидно, — подумал он, — абсолютно мы не умеем говорить, абсолютно“».

Чем плохи речевые штампы? Прежде всего, своей холодностью, сухостью и безразличием к слушателю или читателю. А все это, в свою очередь, прямо граничит со смысловой пустотой, безжизненностью речи.

Известный советский языковед Е. Д. Поливанов, автор интересных статей о русском языке периода Великой Октябрьской социалистической революции, вспоминал оратора, который в 1917 году «на уличном митинге почти каждую свою фразу начинал словами: „Если посмотреть с точки зрения...“, но не сообщал — с какой же именно точки зрения надо смотреть» (см. Поливанов Е. За марксистское языкознание. Сборник популярных лингвистических статей. М., 1931, с. 169).

Утрата реальных коммуникативных функций определяет, по Е. Д. Поливанову, мертвый характер штампованных оборотов речи. При этом они, как мертвая вода, могут заражать все выступление, в котором встречаются. Следовательно, штамп не только пуст сам по себе, он еще и опустошает нашу речь в целом.

Лектор, который начинает свое выступление с обильного повторения трафаретов и штампов, рискует быть вообще не услышанным, — настолько они удручающе действуют на аудиторию, сразу и нередко до конца усыпляя ее внимание к содержательной стороне речи. Опытные ораторы хорошо знают об этом и стараются с первых же фраз наладить прочный и живой контакт со слушателями.

Мертвые трафареты губительны для животворной сти-

хии слова, для любого доклада, для каждой беседы, лекции или статьи. Характерно при этом, что многие нынешние шаблоны и трафареты в своих первых употреблениях были полны смысловой и эмоциональной живности.

Такие устойчивые обороты речи, как *пригвоздить к позорному столбу, проходить красной нитью, получить постоянную прописку, быть всегда в поиске, выйти на новые рубежи, дорога длиною в жизнь* и многие другие, первоначально могли сохранять известную новизну и образность. Однако при частом и, главное, бездумном употреблении они довольно быстро превратились в словесные штампы, ходульные приемы «оживления» речи и попросту обесмыслились.

И это вполне понятно. «Язык готовых выражений, штампов...» — отмечал А. Н. Толстой, — тем плох, что в нем утрачено ощущение движения, жеста, образа. Фразы такого языка скользят по воображению не затрагивая сложнейшей клавиатуры нашего мозга. „Буйная рожь“ — это образ. „Буйный рост наших заводов“ — это зрительная метафора. „Буйный рост нашей кинематографии“ — здесь уже полная потеря зрительного образа, бессмыслица...»

Надо сказать, что далеко не всякие слова и выражения стираются от простого частого их употребления. Например, формулы вежливости, речевого этикета (о них подробно говорилось на страницах журнала «Русская речь» в 1979—1980 гг.) от частого, многократного и каждодневного употребления не стираются и отнюдь не становятся штампами. Дело в том, что они функциональны: в них сохраняется исконный смысл, постоянно сцепляющийся с текстом и ситуацией, назначением этих формул — с их вечным и всегда новым, свежим пожеланием добра, здоровья, счастья, благополучия. «Будьте здоровы!», «Добрый день!», «Спасибо», «Пожалуйста», «Здравствуйте», «Прошу прощения»...

Точно так же, увы, не «стирается» от частого употребления и сквернословие. От излишнего и порой бездумного повторения ради «красного словца» оно не перестает быть грубым, не теряет своего низменного назначения оскорбить ближнего, нанести ему душевную травму. И в этом смысле сквернословие представляет собой не просто словесный мусор, а подлинное социальное зло, с которым нужно беспощадно и неустанно бороться.

А вот меткие народные пословицы, поговорки и при-
словья, крылатые слова интернационального фонда —
вечные сокровища языка. Их яркий блеск, тепло их муд-
рости не гаснут и не тускнеют от частого употребления.
Правда, и тут надо помнить, что «пословица к слову мол-
вится», то есть хороша она все-таки не сама по себе, а на
своем месте, когда употреблена со смыслом и к стати.

Образы Прометея, несущего людям огонь, Дон-Кихота,
бескорыстного и бесстрашного рыцаря-правдолюбца, образ
матери-Родины и многие другие навсегда останутся свя-
щенными для нас как символы высоких понятий, не ста-
реющих во времени. Понятия-слова никогда не выветри-
ваются в смысловом и эмоциональном отношении.
И лишь там, где нет мысли, образ рано или поздно пере-
ходит в расхожий штамп.

Объективно штампы выступают в двух разных функ-
циях. В первой из них — это необходимый элемент речи,
там, где ее главной особенностью является повторение
некоторых словесных клише, обеспечивающих точность и
однозначность понимания, традиционность употребления.
Это относится, например, к области официального обще-
ния — к канцелярской, деловой речи, к юридической сфе-
ре (языку законов, соглашений, договоров, декретов, рас-
поряжений, приказов и т. п.). Формулы документоведе-
ния складывались веками и по традиции сохраняют при-
нятую композицию, специфические обращения (или «за-
чины», заголовки), концовки, сугубо письменно-книжные
обороты речи и т. п. Например: *настоящим сообщаем;*
вышеуказанный, вышеозначенный; высокие договариваю-
щиеся стороны; уполномочен заявить, а также прошу
предоставить, с сего числа полагать в отпуске, во измене-
ние приказа, данный, текущий, вследствие, поставить во-
прос и т. п. Вот эти-то необходимые, стилистически оправ-
данные на своем месте клишированные обороты и слова и
называют стереотипами, или стандартами, речи.

Во второй своей функции или роли штампы выступают
как явление стилистической дефектности. Те же самые
книжно-письменные, официальные обороты и формулы,
о которых говорилось выше, выходя за пределы своего спе-
циального употребления, воспринимаются как неумест-

ные в бытовом общении или в ораторском выступлении канцеляризма.

Из всего сказанного ясно, что канцеляризм — лишь часть штампов (и, может быть, не самая главная), но часть очень заметная, стилистически ярко окрашенная. Все эти *по причине, в силу, в разрезе, в деле* (чего-нибудь), *по вопросу, вследствие, являться, иметься, надлежит* и мн. др.

Иногда говорят, что в условиях массовой коммуникации штампы и стандарты просто необходимы, что сам век НТР якобы этого требует. Мол, обращение к массовой аудитории, к разнородной среде неминуемо «усредняет» речь оратора, делает ее в известной степени механической, автоматической, а значит, требует применения всякого рода речевых штампов, словесных формул и клише.

Вряд ли с этим можно согласиться. Ведь в соответствии с психологическими законами восприятия, словесные повторения (клише) неизбежно автоматизируют живые ассоциации и тем самым ослабляют силу связанных с ними впечатлений. Штапованная речь не затрагивает мыслей и чувств слушателей или читателей, проходит мимо их сознания. Такая речь малоэффективна, она не достигает своей цели, и забывать об этом нельзя.

На том же основании — требовании быть понятным максимальному числу читателей — пытаются оправдать и штапованность газетного языка. При этом приводят слова известного французского языковеда-стилиста Ш. Балли: «Язык газет переполнен штампами — да иначе не может быть: трудно писать быстро и правильно, не прибегая к избитым выражениям» (Балли Ш. Французская стилистика. Перевод с франц. М., 1961, с. 109). Вспоминают также (в шутку и всерьез) этимологию самого слова *штамп* — от итальянского *stampare*, что значит «печатать» (буквально «оттиск», «штемпель»).

Думается, что никакими ссылками на специфические условия общения оправдать штампы нельзя, а уж тем более на страницах газеты, массовой печати — важном средстве партийной информации, пропаганды и агитации. Не случайно в постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» (1979 г.) специально говорится о необходимости совершенствовать язык и стиль наших газет и журналов, устной пропаганды, устранять такие их недостатки, как сухость и штапованность изложения, речевой формализм.

Самобытность — важное качество хорошей, мастерской речи (в отличие от речи только правильной, нормативной). Авторитет лектора и докладчика, их мастерства в сознании слушателей складывается из глубокого знания ими предмета, хорошего умения живо и интересно излагать мысли, а также из их личного обаяния, неповторимой индивидуальности. Обращение к штампованным элементам речи неизбежно оказывает отрицательное воздействие на каждую из этих сторон лекторского мастерства, приводит к ходульности и напыщенности речи, к пустой фразе и политической трескотне, против которых неустанно призывал бороться Владимир Ильич Ленин.

Для штампованной речи характерна неумная тяга к декларативности, к ненужной «звонкости», к частому использованию форм превосходной степени: *главнейший, важнейший, широчайший, серьезнейший* и т. п. В ней глагол вытесняется причастием или отглагольным существительным; вместо активных по значению конструкций появляются пассивные; возникают унылые цепочки зависимых существительных в косвенных падежах; путаный строй тяжеловесной фразы приводит к невразумительности, затемненности смысла. Например: «осветил вопрос» вместо *рассказал*; «поднял вопрос на должную высоту» или «поставил вопрос ребром» (как будто у *вопроса* есть «ребра»!); «принять меры по проверке» вместо *проверить*; «в осенний период времени» вместо *осенью*; «внести крупный вклад в борьбу за комплексную механизацию и автоматизацию» вместо *механизовать и автоматизировать*; «на сегодняшний день» вместо *сегодня, сейчас* и т. п. Но запутанность или нечеткость смысла — лишь одна сторона дела.

Бездумный словесный штамп неизбежно порождает логические и грамматические неправильности. Например: «инструкция по уходу и обслуживанию агрегатов» (надо: *инструкция по обслуживанию агрегатов и уходу за ними*), «рассмотреть под углом зрения», «в силу слабости», «при наличии отсутствия», «работа по разработке мер», «в этом направлении проведена борьба», «в разрезе вопросов», «негативные явления отрицательно сказываются» и мн. под.

В орбиту бессмысленных штампов включаются и «красоты штиля», то есть неуклюжие попытки оживить высту-

племя банальными, лежащими на поверхности образами. Например: «Отсюда стартуют истоки наших убытков» (как могут «стартовать» истоки?); «Снять желаемые плоды с дерева соревнования» (что это еще за «дерево?»).

Трудно докопаться до смысла фразы, понять, какая же конкретная задача в ней ставится: «Мы должны поставить вопрос о воспитании населения в деле улучшения отношения к проведению мероприятий по озеленению города». Что здесь главное: *вопрос, отношение, воспитание, мероприятия* или *практическое озеленение* — сказать трудно. За обилием штампов, за цепочкой зависимых косвенных падежей едва-едва просвечивает содержательная сторона высказывания.

Где и когда возникают штампы речи? Главным образом там, где преобладает наша умственная лень, нежелание (или неумение) думать над словом, где воздаётся дань дурной моде на расхожие обороты, когда беден наш словарный запас, не развито чувство языка, отсутствует знание его стилистических богатств и законов.

Обращаясь к молодым пропагандистам и лекторам, М. И. Калинин советовал: «Если ты говоришь, то говори свое. Слова будут другие, а суть одна и та же. Смотришь, и люди будут прислушиваться немного внимательнее... А то получается, что человек механически говорит. Надо, чтобы не механически, а органически лились слова, чтобы они выражали твою мысль. Нужно избегать говорить готовыми формулировками...» (Калинин М. И. О коммунистическом воспитании). Очень верные слова и очень важные советы.

Не надо бояться говорить своим языком, глубоко продумывая и переживая содержание своего выступления. Это — одно из главных средств против штампа, с его семантической опустошенностью, затасканностью и предельной предсказуемостью в речи, с его бесстрастной готовностью сослужить дурную службу говорящим и пишущим.

...Штампы бывают разные. Но лучше, чтобы их совсем не было в наших устных и письменных выступлениях.

Л. И. СКВОРЦОВ

КОГДА СЛОВА ИЗЛИШНИ...

В русском языке, как и в любом другом, существуют неполные предложения. Особенно характерны они для разговорной речи. Речь нашего повседневного общения неподготовленна (спонтанна) и проявляется в неофициальной обстановке при непосредственном участии говорящих. Разговорная речь противопоставляется книжному (кодифицированному) литературному языку, построенному по тем правилам, которые излагаются в современных грамматиках. То, что известно о неполных предложениях (например, по школьному курсу русского языка), относится в основном только к книжному языку. Между тем материал разговорной речи позволяет обнаружить в неполных предложениях много нового и, можно даже сказать, много необычного.

Но прежде несколько слов о том, что же такое неполное предложение вообще. Это такие предложения, в которых не весь содержащийся в них смысл выражается соответствующими словами, например: «Нынче идет снег, почти мокрый, желтый, мутный. Вчера шел тоже, на днях тоже шел» (Достоевский. Братья Карамазовы). В предложении «Вчера шел тоже» сказуемое (*шел*) предполагает подлежащее. Смысл же этого подлежащего «извлекается» из контекста: из предшествующего неполному предложению текста ясно, что при сказуемом *шел* подлежащим является *снег*.

В книжном языке контекст — основной «поставщик» смысла для неполного предложения. В разговорной речи круг таких «поставщиков» много шире. Если вы подходите к кассе кинотеатра с намере-

нием купить билет на очередной сеанс, то можете сказать кассиру: *Пожалуйста, один, подальше, середина*. Это будет означать: «пожалуйста, дайте (продайте) мне один билет на ряд подальше от экрана, в середину этого ряда». И, естественно, никому не придет в голову более подробно формулировать данную мысль. Весь необходимый смысл, «добавляемый» к немногим произнесенным словам, извлекается из ситуации, сопровождающей разговор (касса кинотеатра, билеты и проч.).

Перед нами, следовательно, еще один «поставщик» смысла — конситуация (предметное окружение). Ее роль хорошо видна в тех случаях, когда одно и то же неполное предложение имеет разный смысл. Вы сидите за столом, на котором стоит молоко, и хозяйка обращается к вам с предложением: *Молоко*. Это означает, что вам предлагают выпить молока. Если обращаетесь с таким предложением в столовой к раздатчице, это значит, что вы просите стакан молока. Если из кухни доносится шипение, то данное предложение означает «молоко убежало» и т. д. Или: неполное предложение *Один* — у кассы кинотеатра означает «один билет», у лотка, с которого торгуют помидорами, — «один килограмм помидоров» и т. п.

Все, что мы видим (предметное окружение, действия), слышим (звук), осязаем (запахи), может быть использовано для того, чтобы употребить соответствующее неполное предложение: А. показывает Б. на скворца. *Уже прилетели* (уже прилетели скворцы); А. прислушивается к пению птицы. *Жаворонок?* (жаворонок поет?); А. нюхает воздух. *А что это у вас бензином?* (пахнет бензином).

Вполне понятно, что подобные неполные предложения распространены главным образом в повседневной разговорной речи и не слишком хорошо известны в кодифицированном литературном языке. Ведь включить, скажем, в газету вместе с предложением его предметное окружение весьма и весьма затруднительно. Впрочем, оно может быть описано, и тогда в письменной речи появляются неполные предложения, аналогичные приведенным. Вот пример: Проклятый дощаник слабо колыхался под нашими ногами... В миг кораблекрушения вода нам показалась чрезвычайно холодной, но мы скоро обтерпелись. Когда первый страх прошел, я оглянулся; кругом, в десяти шагах от нас, росли тростники; вдали, над их верхушками, виднелся берег. «Плохо!» — подумал я (Тургенев. Льгов). Данное описание ситуации показывает, что именно было плохо.

Общение говорящих может происходить в условиях насыщенного предметного окружения. В этом случае надо выделить нуж-

ный предмет. Если вы, гуляя в парке со своим приятелем, говорите ему: *Какой огромный!* (о находящемся в поле вашего зрения дубе), то должны жестом указать на этот дуб. В противном случае сказуемое неполного предложения может быть отнесено ко всему огромному, что в этот момент здесь находится и обозначается существительным мужского рода: какой огромный пеня, фонтан, аттракцион и т. п. Необходимые предметы в ситуации могут выделяться разными способами. Обычны в таких случаях указательные жесты: А. показывает Б. журнал. *Будешь?* (будешь читать журнал?); направление взгляда: А. смотрит на шкаф в квартире Б. *Новый? Не видел я его у тебя раньше;* характерное выражение лица говорящего: Во время прогулки в лесу А. останавливается и внимательно слушает. *Соловей* (соловей поет).

Интересно отметить, что некоторые способы выделения нужного предмета в художественной литературе могут быть даны описательно: Сучок побежал за шестом. Во все время моего разговора с бедным стариком охотник Владимир поглядывал на него с презрительной улыбкой.— Глупый человек-с,— промолвил он, когда тот ушел,— совершенно необразованный человек, мужик-с, больше ничего-с (Тургенев. *Льгов*). Направление взгляда Владимира (на Сучка) дает понять, к кому относятся содержащиеся в неполных предложениях характеристики.

В разговорной речи есть еще один богатый и регулярно действующий «поставщик» смысла — это прошлые знания, прошлый опыт говорящих. А. знает, что ребенок Б. ходит в бассейн учиться плавать. А. встречает Б. с ребенком на улице. А. *Паучился?* Б. *Так, еле-еле* (еле-еле плавает). Используемые в общении прошлый опыт и знания говорящих называются апперцепционной базой. Это понятие было введено в лингвистическое описание известным советским языковедом Л. П. Якубинским (см.: *О диалогической речи.*— Сб. *Русская речь.* I. Пг., 1923). Можно различать два типа апперцепционной базы, дающей нужный смысл для неполного предложения:

1) постоянная — обобщает привычные, часто повторяющиеся действия говорящих. А. и Б. всегда чистят ковры на только что выпавшем снегу. А. говорит Б. *Снег какой! Почистить бы надо* (снег чистый, так что надо бы почистить ковры); А., Б. и другие лица обычно выходят из учреждения на обед ровно в 2 часа. А. обращается ко всем около двух часов. *Так как?* (собираетесь ли вы идти обедать?);

2) актуальная — представляет такой опыт и знания говорящих,

которые для них важны в данное время. А. накануне стояла в очереди за кофточкой, о чем знает Б.; на другой день Б. спрашивает А. *Досталось?* Б. *Нет, перед носом* (не хватило кофточек); А. сообщил Б., что в книжном магазине есть нужная для них книга, и просил купить ее; на другой день разговор по телефону, А. *Ну был?* (был в книжном магазине?). Б. *Был, приходи; и Ане я еще* (приходи за книгой; и Ане я еще купил эту книгу). А. *Да-да. Я забыл* (забыл сказать, что и Ане нужна эта книга).

«Поставщик» смысла для неполных предложений разговорной речи может быть сложным: компоненты предметного окружения и прошлые знания, опыт говорящих могут быть представлены вместе. Такие комплексы позволяют строить неполные предложения, обычные для разговорной речи, но весьма «экзотические» для кодифицированного литературного языка. Покажем одно из них. А. и Б. обычно делают уборку в своих квартирах по субботам утром (постоянная ашперцепционная база); в субботу они должны идти с детьми на утренний, в десять часов, спектакль в театр (актуальная ашперцепционная база); в пятницу вечером А. обращается к Б. *Уберемся в театр?* (сделаем уборку сейчас, потому что, как обычно, в субботу, убраться не удастся, так как идем в театр).

Заметим, что предложение *Уберемся в театр* было произнесено без какого-либо интонационного разделения, так сказать, без запятых. И если бы мы прочли такое предложение, ничего не зная о прошлом опыте говорящих, то, конечно, ничего, кроме недоумения оно у нас вызвать не могло бы. При этом не вполне понятно даже, какие знаки препинания следует поставить в приведенном предложении: оставить без всяких знаков, как это сделано здесь, чтобы подчеркнуть интонационную неразделенность частей, или поставить между ними запятую или даже точку, чтобы подчеркнуть их смысловую самостоятельность? Ответить на эти вопросы нелегко. Да в таких ответах и нет необходимости, потому что подобные неполные предложения в письменной речи неизвестны, они принадлежат исключительно разговорной речи.

Вполне возможно, что у многих читателей появятся сомнения в существовании таких предложений, может быть, кем-то они будут оценены как ненормативные, ошибочные. Сомнения такого рода легко объяснимы. Как было отмечено, разговорная речь в отличие от кодифицированного литературного языка неподготовленна, а поэтому мы не слышим, как формально выражаются наши мысли, и, следовательно, не знаем, как с грамматической точки зрения строим свои предложения в повседневной речи.

В этом случае мы думаем только о том, что́ сказать, и не думаем, как сказать (последнее получается само собой). А вот когда пишем, нас уже в равной мере заботит и смысл, и его оформление средствами литературного языка.

Понаблюдайте за разговорной речью окружающих и за своей собственной. Можно не сомневаться, вы быстро убедитесь в том, что в обыденных ситуациях мы говорим совсем не так, как пишем. Предложения вроде *Уберемся в театр* — совсем не редкая конструкция в разговорной речи. Просто мы не замечаем этих и многих других весьма своеобразных предложений.

Институтом русского языка АН СССР составлена хрестоматия «Русская разговорная речь. Тексты» (М., 1978), материал которой полностью подтверждает вывод о большом своеобразии разговорной речи по сравнению с кодифицированным языком. Интересно, что авторам этой хрестоматии понадобилась специальная система знаков, чтобы «переложить» устные тексты на письмо: обычные знаки препинания оказались для этой цели непригодными.

Однако было бы большой ошибкой считать, что в разговорной речи позволено все. Предметное окружение, прошлые знания и опыт говорящих открывают широкие, но далеко не беспредельные возможности для употребления неполных предложений. В использовании внеречевого окружения есть свои закономерности. И их нарушение ведет к нежелательным последствиям, к непониманию. Весьма показательна в этом плане речь одного из персонажей повести И. Грековой «Кафедра» — Дарьи Степановны, домработницы профессора Николая Николаевича (Энэн):

Особое своеобразие речи Дарьи Степановны придавали провалы и зияния, от которых многие фразы становились каким-то ребусом... Дарья Степановна обращалась с родным языком царски свободно, на мелочи не разменивалась. Собеседник — не дурак же он! — сам должен был понимать, о чем речь. В эту априорную осведомленность каждого о ходе ее мыслей она верила свято...

Больше всего любила передачу «Человек и закон». Невнимания профессора к этому зрелищу понять не могла, осуждала:

— Все с книжками да с книжками, вот и прозевали. Про шпату шестнадцать тридцать. Жене восемь лет, наточил ножик — раз! Ее в реанимацию, три часа, умерла.

— Восемь лет жене? — с ужасом спрашивал Энэн.

— Все вы понимаете, слушать не хотите. Не жене, а ему восемь лет. Мало. Я бы больше дала.

Е. Н. ШИРЯЕВ

Отвечает

МЕСТОЖИТЕЛЬСТВО И МЕСТО ЖИТЕЛЬСТВА

«В книгах и газетах иногда встречается слово *местожительство* (в слитном написании), однако в то же время данное наименование нередко пишется раздельно: *место жительства, по месту жительства*. Чем это можно объяснить?» — с подобными вопросами достаточно часто обращаются читатели в «Русскую речь».

Слово *местожительство* принадлежит к той немногочисленной группе сложных существительных, которые были образованы путем сложения основы существительного *место* с отглагольными существительными, называющими состояние или процесс. В «Словаре современного русского литера-

турного языка» в 17 томах отмечено семь таких образований: *местожительство, местонахождение, местообитание, местоположение, местопребывание, месторасположение, месторождение* (в некоторых других словарях приводится также *местопроизрастание*).

Смысловое содержание указанных слов формируется путем своеобразного «сложения», объединения в единое целое значения существительного *место* и значений соответствующих отглагольных существительных: *местожительство* — это место, где кто-либо живет; *местонахождение* — место, где кто-либо или что-либо находится, и т. д. В этих же значениях употребляются и составные наименования: *место жительства, место нахождения* и др. Причем обычно (особенно в том случае, если отглагольные существительные служат названиями активных действий или процессов) словосочетания с первым компонентом *место* не имеют соотносительных сложных существительных, и поэтому соответствующие значения могут быть выражены только с их помощью: *место испытания, место обнаружения, место преступления, место проведения* и под.

Когда в языке представлены оба варианта наименования — однословный и расчлененный — они выступают как синонимы, способные во многих случаях замещать друг друга.

Это нетрудно увидеть на следующих примерах, взятых из научной и художественной литературы: Основным *местом обитания* его [кавказского оленя] надо считать лесные зоны, хотя он охотно выходит на субальпийские луга (Туров. Кавказский заповедник); Оба вида ольхи отличаются и условиями своего *местообитания* (Кожевников. Весна и осень в жизни растений); Дукельский, с наступлением военных действий поселившийся со штабом на «Петропавловске», где раньше было лишь *место* его временного *пробывания*, не появлялся в городе (Степанов. Порт-Артур); Войдя в гостиную, обычное *местопребывание* княжен, он поздоровался с дамами, сидевшими за няльцами (Л. Толстой. Война и мир).

Своеобразием соотношения с расчлененными наименованиями отличаются сложные слова *местоположение* и *месторождение*. Первое из них находится в синонимических отношениях не только с малоупотребительным словосочетанием *место положения*, но и, главным образом, с отглагольными существительными *положение* и *расположение*. Показательно, что в толкованиях значения существительного *местоположение*, приведенных в словарях, само слово *место* отсутствует. В 17-томном Словаре, например, *местоположение* истолковано как «положе-

ние, расположение какого-либо пункта или участка земной поверхности». Из приведенных ниже примеров легко увидеть, что более естественной будет замена данного сложного существительного не словосочетанием *место положения*, а словами *положение* и особенно *расположение*: Деревня Маниловка немногих могла заманить своим *местоположением* (Гоголь. Мертвые души); С точки зрения *местоположения* Заболотье не представляло ничего замечательного (Салтыков-Щедрин. Пошехонская старина).

Существительное *месторождение* еще в конце XIX века употреблялось в своем первоначальном значении — «место, где родился кто-либо; родина кого-либо»; В настоящее время на Сахалине всего детей 2122... Детей, *месторождение* которых мне неизвестно, 5 (Чехов. Остров Сахалин). Однако впоследствии в данном значении оно устарело, и сегодня *месторождением* мы называем «скопление полезных ископаемых» (это переносное значение данного слова): *нефтяное месторождение*, *месторождение угля*. В значении «место, где кто-либо родился» используется словосочетание *место рождения*.

Несмотря на то, что остальные соотносительные сложные слова и словосочетания (за исключением *местоположе-*
ние — место положения, место

рождение — место рождения) составляют синонимические пары и во многих случаях могут замещать друг друга, существуют определенные грамматические условия, способствующие выбору одного из вариантов. Сложное слово преимущественно используется в формах именительного и винительного падежа единственного числа, а в косвенных падежах — оба варианта, причем вероятность применения составных наименований возрастает при наличии зависимых слов и особенно предлога: ...даже *местонахождение* судна ... отражало принципы полного равноправия... Самолеты, пролетавшие в этом районе, изменяли курс, чтобы не подойти ближе чем на триста километров к *месту нахождения* авианосца (Айтматов. И дольше века длится день).

Однако подобная грамматическая обусловленность выбора слова или словосочетания в той или иной позиции не носит характера жесткой закономерности. С одной стороны, в именительном и винительном падеже единственного числа могут выступать составные наименования (*место нахождения судна, место постоянного пребывания*), с другой — наличие предлога или зависимого слова не предполагает строго обязательного использования словосочетания: [Супруги] избрали для своего *местопребывания* село Кузь-

минское (Григорович. Деревня).

Наиболее последовательно составные наименования употребляются в предложных конструкциях со значением места (отвечают на вопросы где? куда? откуда?): [Американец] отправился к берегам Биг-Миами, к *месту пребывания* прежнего своего семейства (Пушкин. Джон Теннер); Через два часа Аксиныя — покорная жена — уже ехала с Лникушкой к *месту расположения* Татарской сотни (Шолохов. Тихий Дон). Но и здесь использование составного наименования будет обязательным только в сочетании с предлогом *по*: Я посылаю настоящее письмо в Петербург с тем, чтобы вам переслали *по месту нахождения* (Салтыков-Щедрин. Письмо Н. А. Некрасову, 1875, 6 авг.); В Свердловске и других городах существуют социально-педагогические комплексы (СПК), которые проводят большую работу *по месту жительства* (Правда, 1981, 23 янв.).

Не слово, а словосочетание употребляется и в том случае, когда возникает необходимость подчеркнуть множественность «мест» (жительства, нахождения, пребывания и т. д.): Всем семьям разрешено вернуться на прежние *места жительства* (Правда, 1981, 11 февр.). Однако нужно учитывать, что для большинства рассматриваемых синонимических пар основным,

более употребительным вариантом наименования остается сложное существительное с первым компонентом *место*.

Несколько иное соотношение между синонимами сложилось в паре *местожительство — место жительства*. Его своеобразие заключается, прежде всего, в достаточно широком использовании составного наименования в косвенных падежах (кроме винительного), особенно в предложных сочетаниях: Федор Иванович назначил мне Лаврики *местом жительства* (Тургенев. *Дворянское гнездо*); [К.] ...общественно полезным трудом не занималась, определенного *места жительства* не имела (Советская юстиция, 1980, № 23); При увольнении работника по соглашению сторон оплата проезда к *прежнему месту жительства* законом не предусмотрена (Советская юстиция, 1980, № 14).

Чаще, чем в других парах, словосочетание *место жительства* выступает и в формах именительного — винительно-

го падежа. Неслучайно в некоторых словарях («Орфографическом словаре русского языка», «Словаре трудностей русского языка») в соответствующих словарных статьях указывается: «*Местожитель*ство (но: место жительства)».

Таким образом, слово *местожительство* и словосочетание *место жительства* выступают как нормативно равноправные варианты наименования. Однако если в именительном и винительном падеже единственного числа основным следует признать сложное существительное *местожительство* (*постоянное местожительство, временное местожительство*), то в косвенных падежах по существу на равных с ним употребляется составное наименование *место жительства*. В конструкциях со значением места обычно используется словосочетание *место жительства*: *по месту жительства населения, переезд со старого места жительства*.

С. И. ВИНОГРАДОВ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Где правильно поставить ударение в слове *мышление*?

Н. Н. Красенков, Ленинград

В слове *мышлѣние* (устаревающее и книжное — *мышлѣние*) ударение ставится на втором слоге.

СЛОВА-ЗВУКООБОЗНАЧЕНИЯ

В

художественной прозе

Слух — один из способов постижения человеком объективного мира, одна из дверей в этот мир. Видимо, поэтому группа слов, обозначающих звуки, отличается значительной образностью.

В статье пойдет речь об использовании писателями в своих произведениях слов-звукообозначений. Это такие слова, которые с определенной долей условности можно было бы назвать сверхзвучащими, поскольку они не просто имеют звуковую оболочку, но и сами обозначают различные звуки. Например: *всплеск, гам, гром, грохот, ляг, скрип, дребезжить, звякать, стрекотать, крахтеть, хрустеть, булькать* и многие другие.

Анализ лексико-семантической группы слов-звукообозначений на материале произведений русских и советских писателей подтверждает положение Л. В. Щербы о тех факторах, которыми, по его мнению, определяются достоинства отдельных литературных языков. В своей работе «Современный русский литературный язык» он отмечал три фактора. Во-первых, это словарное богатство, наличие разнообразных средств выражения как для общих, так и для частных понятий. Во-вторых, богатство синонимии, так как именно синонимические ряды образуют систему оттенков одного и того же понятия. Наконец, в-третьих, степень внутренней сложности средств выражения, другими словами, возможность выражать разнообразные оттенки мысли и чувства (см.: Избранные работы по русскому языку. М., 1957, с. 121—122).

Откройте любимые вами страницы Л. Толстого или Тургенева, Пришвина или Аксакова, Бунина или Паустовского, многих других писателей — и на вас буквально хлынет половодье звуков, изумительное по своей яркости и эмоциональности, сдержанности и

строгости, сочности и «слышимости». Вот хотя бы несколько из многих тысяч интересных и важных примеров:

Доезжающие уже не порскали, а улюлюкали, и из-за всех голосов выступал голос Данилы, то басистый, то пронзительно-тонкий..., слышно было, как заревели с заливом голоса гончих, с тем особенным подвыванием, которое служит признаком гона по волку (Л. Толстой. Война и мир);

Застекленные двери во всех духанах и кофейнях были расшатаны. Они дребезжали и долго звенели при каждом толчке... в Батуме, особенно на турецком базаре Нури, вас оглушал калейдоскоп звуков — от блеяния бестолковых баранов до отчаянных криков продавцов кукурузы: «Гагаруз горячий!!», от заунывных стонов муэдзина на соседней мечети до писка дудок за окнами духанов и слезного пения подвыпивших посетителей... Зимние батумские дожди пели на разные голоса. Чем сильнее был дождь, тем выше он звенел в водосточных трубах. Пароходные же гудки были преимущественно одноголосые и баритональные (Паустовский. Бросок на юг);

Наружные звуки тоже долго не прекращались: то собака лаяла тонким упорным лаем; то пьяный мужик где-то все бурлил и не унимался; то какие-то ворота все скрипели... Но вот, кажется, наконец, все угомонилось. Один лишь маятник наших старых часов силло и важно щелкает в столовой, да слышится мерное и протяжное, словно трудное дыхание спящих людей. Я собираюсь приподняться... но вот опять что-то прошипело... потом вдруг охнуло... что-то мягкое упало — и шепот разносится, шепот скользит по стенам... Или ничего этого нет — и только одно воображение меня дразнит? (Тургенев. Часы).

Ни один писатель, ни один мастер художественной прозы — независимо от манеры его творчества, тематики и жанра произведений — не может обойтись без употребления слов-звукообозначений. Хотя, разумеется, и степень, и характер их использования в тексте будут разными у каждого автора.

Данные слова характеризуются общностью лексического понятия. Для звукообозначений-глаголов, например, это будут понятия «звучать», «издавать звук», «производить звук», «сопровождаться звуками», «производить звуковой эффект».

Самое простое подразделение слов-звукообозначений на более мелкие группы может быть произведено на основании источника звучания. Таких групп окажется три. К первой можно отнести слова, которые обозначают звуки природы, издаваемые ветром,

дождем, бурей: *гром, гул, плескать, журчать* и т. д.; ко второй — звуки, производимые различными предметами, а также машинами, аппаратами: *гудок, лягз, таракстеть, хрустеть* и т. д.; к третьей группе, видимо, целесообразно отнести слова, которые обозначают звуки, издаваемые человеком и животными: *писк, шепот, мычать, шикать* и т. д.

Звукообозначениям в русском языке, кроме указания на источник звучания, присущи и другие признаки, например: интенсивность, длительность. Это является еще одним подтверждением того, что в значении слова отражено не только явление, но и понятие о каком-либо его ведущем свойстве или качестве.

Анализ слов-звукообозначений, наблюдение над их употреблением в текстах художественной прозы показывают следующее. Те звуки, которые издаются людьми и животными (и в первую очередь — людьми), и, соответственно, называющие их слова отличаются от тех звуков (и слов), которые связаны с предметами неживой природы. Первые являются как бы сигналом мысли, эмоционального и физиологического состояния человека или иного живого существа и поэтому целенаправлены. Вот примеры:

— Убью, говорят тебе: уйди! — Диким стоном, ревом вырвался голос из груди Харлова, но он не оборачивал головы и продолжал с яростью смотреть прямо перед собой (Тургенев. Степной король Лир); Помнится, один день выдался особенно неудачный: раза три пришлось «сидеть» в грязи по ступицу; ящик мой то и дело бросал одну колею и с гиканьем и завыванием переползал в другую; но и в той не было легче (Тургенев. Странная история).

Слова же, которые связаны со звуками неживой природы, как бы зависят от качеств и природных свойств источника звука (стекло, песок, дерево, металл), от видов движения звука и характера среды, в которой звук возникает:

Полк с глухим дребезгом нестройно вскинул ружья. Где-то залязгали штыки; На миг откуда-то пахнуло теплом и запахом полыни, большая темная ветка зашелестела по головам, и тотчас же потянуло сырым холодом, точно дыханием старого погреба (Куприн. Поединок).

Звук — это сигнал того или иного явления действительности. Но воспринимать звук сложнее, чем, скажем, цвет. Ведь цвет предмета мы, как правило, наблюдаем на протяжении более или менее длительного времени, часто даже без ограничения этого периода. Звук же нами воспринимается чаще всего в течение ограниченного отрезка времени. Все это обуславливает относительную

субъективность слуховых ощущений, что находит отражение и в языке художественной литературы.

Конечно, нужно учитывать, что художественной прозе в целом свойственны метафоричность и разнообразные отклонения от нормы. Но разве не свойственна метафоричность нашей разговорной речи? Вряд ли можно возражать против того, что писатели отражают сложившуюся практику речевого употребления, а метафоры — пусть даже самые смелые — базируются на скрытой логике смысловой структуры.

На страницах романов, повестей, рассказов слова-звукообозначения используются как в своем прямом значении, так и в переносном. Причем случаи метафорического употребления слов различны. Так, например, И. С. Тургенев и А. И. Куприн часто использовали метафору, которая давала им возможность создать наиболее красочный и индивидуализированный образ. В полной мере это относится и к той лексико-семантической группе слов, которая является объектом рассмотрения.

На основное значение слова-звукообозначения как бы наслаивается добавочное. Оно-то и служит базой для семантической и синтаксической сочетаемости слова в предложении и становится преобладающим. При помощи этого приема явлениям и предметам приписываются признаки, им не свойственные. Так метафора раздвигает границы сочетаемости слова-звукообозначения. Поскольку же переносное значение слова выявляется только в контексте, то метафорическому переосмыслению подвергается целиком все словосочетание.

Писатели реализуют метафорические переносы по-разному: от одного явления природы к другому, от природы на человека, от человека на другие живые организмы, а также явления природы и предметы и т. д. Такое употребление звукообозначающей лексики показывает, что главное направление метафорических переносов в языке — от самого человека и от ближайшей к человеку действительности на весь остальной мир (см.: Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975). Перенос значений слов, обозначающих чувства, ощущения человека, идет от низших (осознание, обоняние) к высшим (зрение, слух).

Весьма часто метафоры основываются на метонимических переносах, например: «зал радостно зашумел». Однако частотны и другие случаи метафорического употребления слов-звукообозначений. Они могут быть сведены в несколько групп. Прежде всего это многочисленные олицетворения, перенос человеческих звуковых характеристик на признаки самих предметных действий: — Тру-ту-ту-ту-ту-у... — со внезапной яростью пробурчал фাগот, выделявая окончательную фиоритуру (Тургенев. Несчастливая); Малень-

кий, по отчаянной храбрости паровой катерашка «Герой», который ежедневно бежит между Ялтой и Алушкой, пыхтя, как зарывшая собака, и треплясь, точно в урагане, в самую легкую зыбь, пробо-вал было установить пассажирское сообщение и с Балаклавой (Куприн. Листригоны).

В художественной литературе весьма часто встречаются оли-цетворения, осуществленные на материале звукообозначающей лексики. И. С. Тургенев и А. И. Куприн использовали этот прием и данный материал ненавязчиво, но чрезвычайно точно. В их про-изведениях неодушевленные предметы или явления природы не-редко получают как бы свой характер, свое настроение и стано-вятся почти полноправными персонажами рассказа, повести, романа. Вот еще примеры:

У каменных колодцев, где беспрерывно тонкой струйкой бежит и лепечет вода, подолгу, часами, судачат о своих маленьких хозяй-ских делах худые, темнолицые, большеглазые, длинноносые гре-чанки... (Куприн. Листригоны); Я чувствовал, что мы понеслись еще быстрее прежнего; ветер уже не выл и не свистал — он визжал в моих волосах, в моем платье... дух захватывало... (Тургенев. Призраки).

Используя подобную разновидность метафорического переноса значений слов, обозначающих звуки, писатели могли представить действия отдельных предметов как поступки людей. Поэтому неодушевленные предметы и явления природы могут, если так можно выразиться, «оживать». Писатель свободно использует (а читатель воспринимает) звукообозначение с таким типом метафорического переноса в одной фразе с другими словами, употребленными без переноса, в их прямом значении. Приведем один пример: Изред-ка, чуть слышно и словно не спеша, перешелтывались листья, да отрывисто жужжали, перелетывая с цветка на соседний цветок, запоздалые пчелы, да где-то ворковала горлинка — однообразно и неумолимо (Тургенев. Вешние воды).

Возможен также перенос на человека звуков, издаваемых жи-вотными, птицами, насекомыми. Примеры такого рода особенно часты на страницах тургеневской прозы: Слёткин зашипел от зло-бы; Евлампия так и уперлась ему в лицо глазами; Без всякой ви-димой причины он [Мартын Петрович] вдруг начинал скучать; за-пирался один к себе в комнату и гудел — именно гудел, как целый пчелиный рой... (Степной король Лир); Нимфодора Семеновна ле-жит на диване и клохчет курицей; Подошел он [старик] в этаким

виде к образам, перекрестился...— и, обернувшись ко мне, только хрюкнул: объясняй, мол! (Собака).

Перенос осуществляется с одного предмета на другой, и оба они являются неодушевленными: Голос чтеца зазвенел и задрожал, произнося эти неприятные для него слова... (Тургенев. Степной король Лир); А там вдруг болото захлюпало у нас под ногами, показались круглые моховые кочки, которых я тоже никогда не видал... (Тургенев. Стук... Стук... Стук!..).

Нужно отметить, что употребление слов-звукообозначений в переносных значениях реализуется писателями в определенных условиях. Нередко метафоричность развивается при помощи разнообразных сравнений и сравнительных оборотов: И опять появляется на сцену синее эмалированное ведро, и опять поют песни, похожие на рев зимнего урагана в открытом море (Куприн. Листригоны); Во всю дорогу Сувенир трещал как сорока, хихикал, рассуждал о том, предоставит ли ему братец что-нибудь, и тут же обзывал его идиолом и кикиморой; — Поздно, голубушка,— заговорил он [Харлов], и каждое слово звенело, как медь (Тургенев. Степной король Лир).

Г. В. ГОРБАНЕВСКАЯ

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Во время поездки в автобусе «Икарус» привлекла меня надпись: «вовнутрь открывается». Правильно ли это?

П. Г. Захаров, Грозный

Стилистически нейтральному наречию *внутри* синонимично просторечное слово *вовнутрь*. Не обладая по сравнению с *внутри* никакими дополнительными смысловыми или экспрессивными свойствами, наречие *вовнутрь* может быть оправдано в художественной литературе, в печати лишь при особых художественных задачах — создании речевой характеристики героя, стилизации речи и т. п. «Оглядев крышу, Потапыч говорит Алешке: «Хватит. Теперь *вовнутрь* надо» (К. Воробьев. Повести и рассказы).

Вне таких условий употребление просторечного слова *вовнутрь* неправильно.

Василий
Ильич
ЧЕРНЫШЕВ
1867—1949

Василий Ильич Чернышев в истории русской науки явление необыкновенное. По достижению получив высокое звание члена-корреспондента Академии наук СССР, в своих анкетах он писал «образование низшее» или «начальное». И формально это было действительно так. Сын крепостного крестьянина, ставшего художником-ремесленником, он сумел окончить только учительскую семинарию в г. Кирикаче Владимирской губернии, которая в то время стояла рангом ниже гимназий и не давала права на получение среднего образования. Только могучий талант народного самородка позволил ему стать наравне с крупнейшими языковедами-русистами.

По окончании семинарии в 1886 году В. И. Чернышев многие годы был учителем в сельских, а затем уездных школах. Одаренный умом и любовью к родной речи, он уже в те ранние годы вел языковые наблюдения, вел записки и размышлял о связях местных говоров с литературным языком. Будучи учителем Менцовского уездного училища (Калужской губернии), Василий Ильич внимательно изучил первые выпуски словаря русского языка под редакцией академика Я. К. Грота (буквы А — Д) и в 1896 году написал «Проект некоторых преобразований в дальнейшей обработке академического словаря». В «Проекте» было много словарных добавлений,

уточнений значений слов, были высказаны свежие лексикографические соображения. В. И. Чернышев послал свою работу в Академию наук в Петербург, где она попала в руки академика А. А. Шахматова, начавшего создавать новый академический словарь, по своим установкам сильно отличавшийся от гротовского словаря. А. А. Шахматов верно определил, что неизвестный мешковский учитель может быть хорошим его помощником в словарном деле и предложил В. И. Чернышеву переехать в Петербург, сначала на должность учителя начального городского училища.

В 1898 году этот переезд состоялся. Для Василия Ильича Чернышева началась новая и славная эпоха в его жизни. Из неизвестного учителя вырастает большой ученый. Средней и высшей школой для него стало постоянное общение с А. А. Шахматовым и окружавшими этого замечательного человека лингвистами, среди которых особенно следует выделить П. К. Симони, совсем молодого тогда ученика А. А. Шахматова С. П. Обнорского. В. И. Чернышев получил отличное образование у крупнейших лингвистов того времени. «Дипломами» и «диссертациями» В. И. Чернышева были его многочисленные исследования, нараставшие лавинообразно. Круг научных интересов его оказался очень обширным: русские народные говоры, лексикология, фразеология и особенно лексикография, язык писателей, нормы русского литературного языка и культура русской речи, проблемы орфографии, жаргоны ремесленников, педагогика. В небольшой статье невозможно дать хотя бы краткое описание и оценку всех исследований этого замечательного языковеда (научная деятельность В. И. Чернышева подробно описана в статье В. В. Виноградова «О трудах В. И. Чернышева по русскому языку», напечатанной в качестве предисловия к двухтомнику «Избранных трудов» В. И. Чернышева (т. I, М., 1970, с. 6—48). См. также А. М. Иорданский. В. И. Чернышев (1867—1949) «Русская речь», 1969, № 4; М. Г. Булахов. Чернышев Василий Ильич («Востоочнославянские языковеды», т. 3, Минск, 1978); Русский язык. Энциклопедия. М., 1979), поэтому мы ограничимся здесь только самым главным.

В. И. Чернышев — один из крупнейших русских лексикографов. Много лет работая над шахматовским словарем, он приходит к важному выводу: конечные цели этого словаря недостижимы ввиду необъятности его задач, и сам словарь, являясь важным источником для исследователей, непригоден для повышения культуры речи широких народных масс. А. А. Шахматов стоял на принципиально антиформализаторских позициях. Он считал, что устанавливать ли-

тературные нормы употребления слов не дело лингвистов. Лингвисты, по его мнению, должны собирать в академическом словаре все, что только попадает в поле их зрения — слова литературные, диалектные, узкоспециальные, жаргонные, окказиональные образования и т. п., не давая им должной стилистической оценки.

Однако словарный состав русского языка необозрим, поэтому в таком тезаурусе были неизбежны существенные пропуски, случайность в отборе материала, то есть полнота описания всех разновидностей словарного состава современного русского языка мыслима только теоретически, а практически недостижима. Кроме того, шахматовский словарь, ставивший на равную доску любые слова, не мог быть нужным справочным пособием для изучения русского литературного нормированного языка. Стране нужен был нормативный академический словарь.

В. И. Ленин еще на заре Советской власти поставил перед языковедами задачу создать образцовый словарь русского литературного языка от Пушкина до Горького. Впервые завет Ленина нашел свое воплощение в знаменитом четырехтомном толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова. Однако этого словаря было недостаточно. Нужен был по возможности самый полный академический словарь нормативного типа, чего настоятельно требовала советская общественность, сама жизнь. В тридцатые годы В. И. Чернышеву это становится ясно. Не без его активного участия работа над шахматовским словарем (не оконченным и наполовину) в 1938 году была прекращена.

Президиум АН СССР выносит решение о создании нового академического словаря и назначает В. И. Чернышева руководителем словарного сектора Института языка и мышления АН СССР и главным редактором словаря. В. И. Чернышев разрабатывает теоретические основы и лексикографические принципы этого нашего крупнейшего лексикографического предприятия (см. его работы «Проект академического словаря русского литературного языка». М.—Л., 1938, «Принципы построения «Академического словаря современного русского литературного языка». Русский язык в школе, 1939, № 2 и др.).

Первые тома вчерне были составлены еще до войны, работа над ними была продолжена после войны, 1-й том семнадцатитомного словаря вышел в свет в 1948 году еще при жизни Василия Ильича. Мне вспоминается его радость, когда я принес к нему на квартиру в Ленинграде на подпись сигнальный экземпляр этого труда. Большой академический словарь (БАС) был продолжен с некоторыми существенными изменениями его принципов (см. окончательную отшлифовку профиля БАС в работе «Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка». М.—

Л., 1958, написанной под моим руководством) и успешно завершена в 1965 году. В. И. Чернышев в 1970 году (посмертно) вместе с другими пятью учеными за эту большую коллективную работу был удостоен высшей награды — звания лауреата Ленинской премии.

Значителен вклад В. И. Чернышева в русскую диалектологию. Он описывает многие говоры центральной России (московские, владимирские, калужские, калининские и др.) и ее северо-запада (псковские, новгородские). Для этих описаний характерна точность наблюдений, исключительная фактологичность, установление связи местной речи с жизнью и бытом народа, литературой. И до сих пор его диалектологические записи являются ценным первоисточником для изучения русских говоров. Ему не чужды были и новые веяния в этой отрасли науки. Когда в 1935 году в Ленинграде началась подготовительная работа по собиранию материалов для диалектологического атласа русского языка, Василий Ильич принял в ней активное участие, в частности, в составлении «Вопросника» для атласа. Будучи уже на склоне лет, в 1936 году Василий Ильич поехал в первую (для атласа) экспедицию в район озера Селигер, где изучал особенности речи местного населения г. Осташкова. Кажется, это была последняя его диалектологическая поездка.

Выходец из народных низов, В. И. Чернышев беспредельно любил диалектную речь, речь своего младенчества, отлично понимал ее огромное значение в истории русского языка. В то же время он ясно представлял себе, что ведущая роль в современном обществе принадлежит литературному языку. Он много внимания уделял изучению языка писателей, немало работ своих посвятил языку Ломоносова, Карамзина, Майкова, Крылова, Пушкина, Гоголя, Кольцова, Тургенева, Некрасова, Успенского и других выдающихся представителей русской литературы. Особый интерес вызывало у него исследование народных истоков творчества русских классиков, их связи с фольклором. Например, в 1927—1929 гг. он совершил поездки по пушкинским местам на Псковщине. В 1950 году (уже посмертно) вышел его сборник «Сказки и легенды пушкинских мест», представляющий несомненный интерес для пушкиноведов.

Но главное, пожалуй, в том, что В. И. Чернышев старался охватить закономерности развития современного русского литературного языка в целом, причем в увязке его с актуальными проблемами преподавания и культуры речи. Из многочисленных его работ, посвященных этой проблеме, прежде всего следует назвать книги «Законы и правила русского произношения. Звуки, формы, ударение. Опыт руководства для учителей, чтецов и артистов» (опуб-

ликвана трижды в 1906, 1908 и 1915 гг.) и «Русское ударение. Пособие к его изучению и употреблению» (СПб., 1912). Главное в этих книгах — отстаивание московских норм произношения как единственно образцовых в литературном языке начала XX века. Этой точки зрения он придерживался (с учетом происходящих изменений) до конца своей жизни. В описании орфоэпии Василий Ильич был прямым предшественником Д. Н. Ушакова, наиболее четко сформулировавшего особенности старомосковского литературного произношения.

Указанные книги и другие работы, пожалуй, были лучшими для своего времени пособиями по культуре русской речи. Василий Ильич Чернышев был одним из родоначальников современной теории и практики культуры речи. Доводы его в пользу тех или иных норм всегда подкреплялись авторитетными источниками, которые он знал великолепно. Как-то при мне один молодой сотрудник произнес слово «кóрысть» с южновеликорусским ударением. Василий Ильич с лукавинкой его поправил: «А вы вспомните пушкинское: в коры́те много ли коры́сти, такое ударение осталось и теперь». Молодому человеку пришлось только устыдиться. Василий Ильич учил правильному произношению не только в своих печатных работах, но и во всей своей повседневной деятельности, в общении с людьми. А это общение он очень любил. Его выступления часто звучали на учительских конференциях и иных совещаниях.

Одним из любимых увлечений Василия Ильича Чернышева было исследование проблем русской орфографии. Он принимал самое активное участие в подготовке реформы русской орфографии 1917—1918 гг., его деятельность в этой области оставила свой след и на частичных изменениях орфографии 1956 года. Значительно наследие В. И. Чернышева и в педагогике. Став крупным ученым-исследователем, Василий Ильич всегда оставался учителем, учителем народным.

Когда мы вспоминаем о деятельности ученых, для нас небезразличны и их человеческие качества. Все меньше остается людей, имевших счастье работать вместе с Василием Ильичем Чернышевым. Такое счастье выпало на мою долю. Я познакомился с Василием Ильичем в 1931 году, когда поступил в аспирантуру Института языка и мышления АН СССР в Ленинграде, и испытывал его благотворное влияние до конца его жизни. Он был человеком могучего телосложения, щедрым, добрым и в то же время требовательным. И хотя он, кажется, от рождения страдал серьезной болезнью сердца, он по-настоящему любил жизнь. Василий Ильич

умел создавать атмосферу непринужденности и благожелательности. С ним работалось легко, всегда можно было рассчитывать на его поддержку, добрые советы.

Умер Василий Ильич, как жил,— в работе. 20 мая 1949 года на диалектологической конференции в Ленинграде он был очень грустным и сказал мне, что проводил на летний отдых в Ригу свою любимую внучку и боится, что больше никогда ее не увидит. Я спросил у него, придет ли он на завтрашнее утреннее заседание, на что Василий Ильич ответил утвердительно. 21-го мая он пришел пешком с 7-й линии Васильевского острова, где он жил, до Университетской набережной, д. 5, и перед заседанием зашел в академический книжный магазин. Умер Василий Ильич внезапно, сидя в кресле этого магазина. С книгой в руках.

Ф. П. ФИЛИН

член-корреспондент АН СССР

директор Института русского языка
АН СССР

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Отличаются ли по значению слова *эрудированный* и *начитанный*?

В. Шараева, г. Элиста

Обратимся к словарям современного русского литературного языка.

Эрудированный — книжн. Обладающий эрудицией.

Эрудиция (книжн.) — Начитанность, глубокие познания в какой-нибудь области науки (Словарь русского языка С. И. Ожегова).

Начитанный — много читавший, хорошо знакомый с литературой (С. И. Ожегов); *Начитанный* — много читавший и получивший основательные знания, широкую осведомленность в результате чтения (4-х томный словарь русского языка).

Следовательно, слова *эрудированный* и *начитанный* имеют разные значения и их следует употреблять в зависимости от контекста.

В 1967 году педагогическая и научная общественность чествовала профессора Сергея Ефимовича Крючкова в связи с его 70-летием. Большая Ленинская аудитория Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина была переполнена. В десятках выступлений, в сотнях адресов и телеграмм ученики Сергея Ефимовича Крючкова, друзья и товарищи по работе выражали ему свою благодарность и уважение, единодушно подчеркивая тот факт, что вся творческая жизнь С. Е. Крючкова — это пример органического взаимодействия лингвистической науки и практики школьного и вузовского преподавания, причем взаимодействия не кабинетного, а активного, действенного, вынесенного в студенческие аудитории и на трибуны учительских и научных конференций.

15 лет, отделяющие нас от того юбилейного дня, и почти 43 лет, отдаляющие от дня смерти С. Е. Крючкова (он умер 25 июня 1969 года), отнюдь не поколебали этой оценки. Напротив, сейчас, после стольких перемен в науке о русском языке и в методике его преподавания, можно с полным основанием повторить: «Практическая направленность, научность, использование передового педагогического опыта и высокая идейность отличают научные работы, учебники и учебные пособия, написан-

Сергей
Ефимович
КРЮЧКОВ

1897—1969

ные С. Е. Крючковым» (Русский язык в школе, 1969, № 5, с. 109); «Трудно назвать другого такого современного ученого, который бы так органически сочетал в себе лингвиста и методиста» (Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина. Современный русский язык, М., 1970, с. 404).

Сергей Ефимович Крючков родился 22 января 1897 года в Москве в семье рабочего-текстильщика. Понятно, сколько настойчивости и упорства нужно было ему проявить, чтобы в то трудное время успешно завершить среднее, а затем и высшее филологическое образование. С большим уважением и благодарностью Сергей Ефимович вспоминал своих учителей П. Н. Сакулина, М. Н. Розанова, М. Н. Петерсона и других выдающихся русских ученых. Со многими из них С. Е. Крючкову вскоре пришлось тесно сотрудничать. Это, прежде всего, Д. Н. Ушаков, который всегда оставался для него идеалом ученого и человека, И. Г. Голанов, под руководством которого С. Е. Крючков долгие годы работал на кафедре русского языка МГПИ имени В. И. Ленина. Но особое влияние оказал на него В. В. Виноградов, во многом определивший его творческие позиции. Сейчас можно лишь с разной степенью вероятности предполагать, что у С. Е. Крюčkова было от Д. Н. Ушакова, что — от И. Г. Голанова, а что — от В. В. Виноградова. Несомненно, что все они многое определили в его научной жизни. Но несомненно и другое, что главное в ней — это научно-методическое начало, определенное культурным строительством в нашей стране, сформировавшееся под влиянием активной жизненной позиции ученого-гражданина, педагога с большой буквы.

Уже в 20-е годы, в годы ликвидации неграмотности, С. Е. Крючков был в числе тех русских ученых, которые создавали первые учебники для советской школы. В 1926 году А. М. Земским, С. Е. Крючковым и М. В. Светлаевым под руководством и при непосредственном участии Д. Н. Ушакова был создан учебник русского языка для взрослых («Грамматика для школ взрослых», последнее, 14-е, издание вышло в 1940 году). В 1931 году одним из первых пособий для средней школы выходит «Задачник по стилистике» (для школ взрослых повышенного типа; пособие по развитию речи) А. М. Земского, В. Т. Кроткова, С. Е. Крюčkова и др.

Переход школы к всеобщему среднему десятилетнему образованию и осуществление политехнического обучения выдвинули новую задачу — поднять общеязыковую грамотность учащихся. Эта задача привела к пересмотру не только учебных программ, но и учебников. К 1954—1955 учебному году был подготовлен новый

учебник русского языка С. Г. Бархударова и С. Е. Крючкова (ч. I — для V—VI классов и ч. II — для VII—VIII классов). Этот учебник выдержал 17 изданий.

Мы привели лишь несколько примеров того, как активная жизненная позиция С. Е. Крючкова определяла его научно-методическую деятельность. К этому нужно прибавить, что ученый был исключительно работоспособным. Десятки названий учебных пособий всех видов, десятки изданий на протяжении более пятидесяти лет, миллионные тиражи! Здесь и учебник для массовой дневной и вечерней (сменной) школы, пособия для взрослых и задания для заочников, пособия для школ глухонемых и для учащихся, не владеющих русским языком, сборники упражнений и комплекты таблиц с методическими указаниями, пособие для учащихся старших классов и орфографический словарь.

Обращаясь к научной и методической сторонам этих пособий, нельзя не видеть прежде всего их абсолютную грамотность и верность поставленным целям. Нередко можно было услышать (да и теперь бывает), что, мол, «Крючков слишком орфографичен», что вся наука у него подчинена орфографии и пунктуации, что и к методическим новшествам он относится очень осторожно и не спешит их применить в своих пособиях.

Упреки в сугубом «орфографизме» и «консерватизме», адресованные С. Е. Крючкову, не совсем справедливы. Когда он был убежден в научной и методической перспективности той или иной новой концепции, то смело вводил соответствующие теоретические положения в практику. Так, например, им были введены в школьный учебник русского языка (изд. 9-е, переработанное, 1962) элементы структурно-семантической классификации: сложноподчиненные предложения с присловной придаточной частью были ограничены двумя типами (определятельными и изъяснительными). Что же касается многих методических новшеств, например алгоритмов, поисковых задач и др., то, как показывает практика, известный консерватизм С. Е. Крючкова, не отрицающий принципа, по противостоящей моде, вполне оправдан. Таким образом, Сергея Ефимовича Крючкова как автора учебных пособий всегда отличали трезвый методический реализм, умение видеть адресата и цели пособия и, конечно, глубокие научные знания, позволявшие ему отбирать действительно необходимые понятия и строить из них достаточно последовательную систему знаний. При этом ряд тем был для него не только предметом той или иной методической интерпретации, но и собственно научных разысканий, например присоединительные конструкции.

Статья С. Е. Крючкова «О присоединительных связях в современном русском языке» (сб.: Вопросы синтаксиса современного

русского языка. М., 1950) — это в сущности первое синтаксическое описание весьма распространенного и сложного, неоднородного по своей природе и функциям явления. Эта статья, без всякого сомнения, стимулировала активное изучение присоединительных конструкций в 50—70-е годы. Десятки специальных работ были посвящены определению их сущности и границ, описанию отдельных видов и стилистических функций, разграничению присоединения и парцелляции. Весьма характерным для научно-исследовательской работы С. Е. Крючкова представляется тот факт, что при изучении этих конструкций он обращается к детской речи, замечая, что присоединительные связи типичны и для языка детей, например: *Они увидели молнию. И побежали домой.* И здесь же фактически дана методическая рекомендация: нельзя такие построения считать ошибочными.

Большой интерес представляют исследования ученого в области синтаксиса сложного, особенно сложноподчиненного предложения (см.: Крючков С. Е., Максимов Л. Ю. Типы сложноподчиненных предложений с придаточной частью, относящейся к одному слову или словосочетанию главной части.— Вопросы языкознания, 1960, № 1; Они же. К вопросу о типологии сложноподчиненных предложений.— Ученые записки МГПИ имени В. И. Ленина. М., 1960). В этих статьях делается попытка последовательно построить классификацию сложноподчиненных предложений на основе структурно-семантического подхода. В общей классификации, в частности, выделяется местоименно-союзный соотносительный тип (*Он так работал, что его все хвалили*) наряду с местоименно-соотносительным (*Он работал так, как требовала инструкция*), уточняются границы между другими типами и т. д. Как и статья о присоединительных связях, эти работы вызвали многочисленные отклики и были использованы (теперь говорят «внедрены») С. Е. Крючковым при переработке не только учебника для педучилищ А. М. Земского, С. Е. Крючкова и М. В. Светлаева, но и учебника для массовой школы, при создании комплекта таблиц, в ряде специальных методических статей.

Наконец, была еще одна область деятельности С. Е. Крючкова, где особенно тесно сходились интересы С. Е. Крючкова — автора учебников и научного сотрудника Института русского языка АН СССР,— это русское правописание. Вместе с такими известными учеными, как Д. Н. Ушаков, В. В. Виноградов, А. Б. Шапиро и др., он принимал активное участие в большой работе по унификации правил русской орфографии и пунктуации, которые, как известно, были изданы в виде свода в 1956 году.

Его работа «О спорных вопросах современной русской орфографии» (изд. 1 и 2. М., 1952 и 1954) и статьи в журнале «Русский

язык в школе»: «Переход школ на унифицированную орфографию» (1957, № 7), «Об улучшении русского правописания» (1964, № 6) и др., несомненно, сыграли важную роль в подготовке общественного мнения и в самом освоении, прежде всего школой, унифицированной орфографии. Естественно, что эта работа нашла прямое отражение в школьном «Орфографическом словаре» Д. Н. Ушакова и С. Е. Крюčkова, выдержавшем с 1934 года и до сегодняшнего дня 45 изданий (С. Е. Крючкoв является соавтором с 6-го издания, 1944 г.).

Заметим, что и в данном случае наглядно проявляется благотворное взаимодействие научного и педагогического начал, когда научный подход рождает наиболее целесообразные методические решения, а методические поиски приводят к новым научным решениям. Так, система помет, принятая в школьном «Орфографическом словаре», легла в основу оформления материала в «Орфографическом словаре русского языка» АН СССР, в составлении которого С. Е. Крючкoв также участвовал. То же в полной мере можно сказать и о его многочисленных работах, прямо адресованных учителю и опубликованных в различных педагогических изданиях.

С. Е. Крючкoвым было написано более 130 научных и научно-методических работ, сыгравших заметную роль в развитии народного образования, методики и русистики. Однако представление о профессоре С. Е. Крючкoве было бы далеко не полным, даже искаженным, если бы мы ограничились обзором только его научно-методических трудов. Как уже говорилось, С. Е. Крючкoв никогда не был кабинетным ученым. Свыше 50 лет отдал он делу народного образования, воспитанию и образованию молодого поколения. Тысячи учителей обязаны С. Е. Крючкoву своим филологическим и методическим образованием. Немало его учеников преподает русский язык в различных вузах нашей страны.

С. Е. Крючкoв был человеком исключительной жизненной энергии, обладал темпераментом настоящего бойца и тонким искусством опытного оратора и полемиста. Эти качества помогали ему в многочисленных научных дискуссиях отстаивать свою точку зрения. А дискуссий было много: на заседаниях различных комиссий, членом которых был С. Е. Крючкoв, на учительских конференциях Москвы, Московской области и разных городов Советского Союза, при составлении программ и обсуждении учебников. И, конечно, бесконечные встречи с учителями — необходимая проверка теории практикой. И еще хотелось бы сказать о непримиримости С. Е. Крючкoва ко всякой рутине, о твердости его характера, когда дело шло о принципиальных вещах, и о мягкости, даже нежности, в отношениях с друзьями и учениками.

За свою безупречную работу профессор С. Е. Крючков был награжден орденом Трудового Красного Знамени и медалями, а также знаком «Отличник народного образования» и медалью К. Д. Ушинского. И конечно, настоящий памятник С. Е. Крючкову — долгая жизнь его книг.

Л. Ю. МАКСИМОВ

**Сергей
Игнатьевич
БЕРНШТЕЙН
1892—1970**

■

Любимый ученик А. А. Шахматова, ближайший коллега и ученик Л. В. Щербы С. И. Бернштейн оказал огромное влияние на целый ряд научных направлений в советской лингвистике.

Сергей Игнатьевич Бернштейн родился в Тифлисе 15 января 1892 года. В 1916 году окончил историко-филологический факультет Петербургского университета. В первые годы он занимался в основном вопросами экспериментальной фонетики и теории декламации, в частности создал в Государственном институте истории искусств (1923) Кабинет изучения художественной речи и осуществил целый ряд фонографических записей авторского чтения Блока, Маяковского, Есенина и других поэтов и писателей. Много позже его ученик Л. А. Шилов разыскал и восстановил эти и многие другие записи.

С 1931 года С. И. Бернштейн живет и работает в Моск-

ве — до 1935 года занимается языком радиопередач (эти работы собраны и изданы в 1977 году в виде брошюры «Язык радио»), а затем его интересы равномерно распределяются между фонетикой и синтаксисом русского языка. А главное, в эти годы Сергей Игнатьевич занимается большой педагогической деятельностью — в МГПИ имени В. П. Потемкина, МГПИИЯ, МГПИ имени В. И. Ленина, МГУ имени М. В. Ломоносова.

В начале 50-х годов С. И. Бернштейн работает старшим научным сотрудником в Институте языкознания АН СССР и является одним из создателей «Словаря языка Пушкина». В 1954 году он уходит на пенсию, но, несмотря на возраст и болезнь, не бросает научной работы. Скончался Сергей Игнатьевич в Москве 28 октября 1970 года на 79-м году жизни.

Эта сухая биография, однако, очень мало дает для понимания того вклада, который был внесен С. И. Бернштейном в советскую и мировую науку о языке.

При жизни ученый издал только одну книгу: «Вопросы обучения произношению. Применительно к преподаванию русского языка иностранцам» (1937) — первая в нашей стране специальная монография, посвященная обучению русскому языку как иностранному. В ней впервые сформулированы те важнейшие методические идеи, которыми живет сейчас теория и практика преподавания русского языка иностранцам, и прежде всего обоснован тот метод, который теперь называется «сознательно-практическим». Мысли Сергея Игнатьевича Бернштейна настолько актуальны, что появилась необходимость в переиздании книги (это и было сделано в 1971 году в сборнике «Вопросы фонетики и обучения произношению»).

Как теоретик фонологии, С. И. Бернштейн занимал свою позицию, не разделяя ни одной из теоретических «крайностей» — ни идей Ленинградской, ни идей Московской фонологической школы. Это не значит, что он остался где-то «посередине», — нет: его фонологическая концепция является синтезом «московских» и «ленинградских» взглядов. Причем этот синтез был осуществлен еще в 1936 году в статье «Основные понятия фонологии», но Сергей Игнатьевич позволил ее опубликовать только в 1962 году (в «Вопросах языкознания»), и то после долгих уговоров...

Здесь уместно сказать о той невероятно высокой требовательности к себе, необычайно развитом чувстве авторской ответственности, которые не позволяли Сергею Игнатьевичу отдавать рукописи в печать до того момента, когда он считал их полностью завершенными. А этот момент все оттягивался и оттягивался и порой

вовсе не наступал при его жизни... Так и вышло, что архив Сергея Игнатьевича оказался полон незавершенных книг и статей, и лишь единицы «пробились» в печать.

Говоря о фонологических идеях С. И. Бернштейна, необходимо подчеркнуть, что он намного опередил развитие лингвистики, высказав еще в 30-е годы целый ряд положений, ставших общим достоянием значительно позже, например, мысли о фонеме как «альтернативном ряде», о звуке речи как абстракции, идеи фонетических универсалий, «фонетического нуля», концепцию, что «словоразличение есть лишь вспомогательное средство для словоупотребления, которое, в свою очередь, служит предпосылкой словоупотребления».

Интересна позиция С. И. Бернштейна в вопросах языковой нормы и культуры речи: в 1936 году он поставил эти проблемы не как узколингвистические, но в то же время как социологические и социально-психологические.

Если фонологические идеи С. И. Бернштейна все же достаточно полно отразились в его опубликованных работах (хотя, например, написанный им в середине 30-х годов «Словарь фонетических терминов», не потерявший своего значения и доныне, остался в рукописи), то синтаксические взгляды мало кому известны в полной мере. Вернее будет сказать, что они стали во многом общераспространенными, минуя этап публикации — через многочисленные курсы, которые ученый читал своим студентам и аспирантам.

В сущности, опубликованных работ С. И. Бернштейна по синтаксису насчитывается всего около десятка, причем все они либо посвящены (формально, по крайней мере) изложению взглядов других ученых (А. А. Шахматова и А. М. Пешковского), либо написаны для второго издания БСЭ и носят соответствующий характер. Но зато сохранились стенограммы и записи его курсов по синтаксису русского языка. Сейчас завершена работа над объединением всех этих материалов (включая и опубликованные статьи) в единую книгу, которая будет называться «Введение в синтаксис русского языка» и появление которой, несомненно, не может не стать событием в нашей лингвистике. Но даже если обратиться только к напечатанному, видно, что именно С. И. Бернштейн впервые сформулировал основы того подхода, который в 60—70-х годах отразился в работах Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Г. А. Золотовой, С. Д. Кацнельсона и др., подхода, который лучше всего охарактеризовать формулой самого Сергея Игнатьевича, выдвинутой еще в 1920 году: «Грамматические категории суть клише, выработанные человеческой мыслью в целях языкового общения» (Известия Отделения русского языка и словесности АН, т. 25). Отсюда путь не от формально-языковой системы к ее реализации в речи, а от функ-

циональной стороны высказывания к обслуживающим его грамматическим средствам, отсюда сама идея «семантического синтаксиса».

В этом плане особенно интересен выдвинутый С. И. Бернштейном «принцип целостности», согласно которому контекст актуализирует какую-то сторону целостного значения слова (или части слова, если все слова рассматривать как такой контекст). Иначе говоря, не смысл предложения (или высказывания) складывается из значений слов, а, напротив, выбор этих слов и их конкретных значений диктуется смыслом предложения. Да и вообще, как писал Сергей Игнатьевич, «словосочетания, как и отдельные слова, с точки зрения социальной функции языка как орудия мышления и общения, представляют ценность лишь в качестве элементов предложения». Отсюда и резкая антиформалистическая направленность синтаксических взглядов ученого: для него, например, «в основе различения частей речи лежит распределение слов... по категориям семантическим... Мы потому сознаем в слове „формы“ лица, числа, времени и наклонения, что предварительно осознали его как глагол».

Очень важен и следующий из этих рассуждений тезис, что для членов предложения возможны типовые (морфологизованные) и неморфологизованные способы выражения. Глагол в личной форме — морфологизованный способ выражения сказуемого; ах в «Татьяна ах!» (Пушкин) — неморфологизованный. Существенной особенностью грамматической концепции Сергея Игнатьевича является ее типологическая универсальность: это концепция, которая одинаково хорошо «работает» не только на русском, но и на языках самых различных типов, а значит, она может стать основой для сопоставления русского с другими языками, в частности, при обучении. С. И. Бернштейну принадлежат пионерские исследования в области актуального членения русского высказывания, к его мыслям восходит популярное сейчас понятие парцелляции.

Излагая взгляды Сергея Игнатьевича, все время сдерживаешь себя — чтобы о них написать так, как они этого заслуживают, мало рамок большой монографии, что тут говорить о краткой журнальной статье! И, наверное, лучше, чтобы читатель сам обратился к публикациям С. И. Бернштейна.

А. А. ЛЕОНТЬЕВ

ДВЕ КНИГИ О РУССКИХ ФАМИЛИЯХ

В 1981 году издательство «Детская литература» выпустило книгу Ю. А. Федосюка «Русские фамилии», а в издательстве «Наука» вышла книга «Современные русские фамилии» А. В. Суперанской и А. В. Сусловой. Появление этих двух книг о русских фамилиях вызвало интерес не только языковедов, но и всех любителей русского слова. Книжки, написанные известными специалистами, явились итогом многолетних разысканий авторов и заметно восполнили существовавший в русской ономастике (науке о собственных именах) пробел в изучении фамилий.

В работе «Современные русские фамилии» А. В. Суперанской и А. В. Сусловой получили дальнейшее развитие мысли, изложенные в нескольких главах книги «О русских именах» (Л., 1978) тех же авторов (об этой книге см.: Русская речь, 1978, № 5). Популярный этимологический словарь «Русские фамилии» Ю. А. Федосюка является вторым, дополненным и переработанным изданием книги под тем же названием (М., 1972). Достаточно указать, что только количество анализируемых фамилий во втором издании возросло с 1500 до 2500. Многие словарные статьи будущей книги предварительно публиковались в течение ряда лет на страницах журнала «Наука и жизнь».

Словарь «Русские фамилии» открывает небольшое введение, в котором очень сжато объяс-

няется многообразие русских фамилий, история их развития, происхождение самого термина *фамилия*. Книга рассчитана на широкий круг читателей, но автор справедливо видит задачу научно-популярного издания не в упрощении материала, а в простом, ясном разговоре о сложном. Поэтому словарь изобилует самым разнообразным языковедческим материалом. Только в фамилиях, начинающихся на букву А, дано толкование следующих фонетических явлений: последовательная мена *e* на *o*, затем *o* на *a* — Алисов, Алпатов; мена *ѣ* на *x* — Алхимов; изменение *e* в *л* перед *n* — Алпатов; утрата конечного *-ик*, *-ий* в именах — Андронов, Алфимов; удвоение *м* — Аммосов и т. п.

Авторы по-разному определяют понятие «русская фамилия». Ю. А. Федосюк в статье «К вопросу о принципах составления этимологического словаря русских фамилий» считает, что русская фамилия — это фамилия, «имеющая в мужском роде формант *-ов*, *-ев*, *-ин*, *-кий*, *-их*, *-ых*, *-аго*, *-ово* и распространенная среди русских...» (сб. Русская ономастика. Рязань, 1977). А. В. Суперанская и А. В. Сулова к русским относят «в первую очередь те фамилии, которые образованы от слов русского языка с помощью русских словообразовательных средств: *Зайцев*, *Коровкин*, *Кисловский*, а также все виды фамилий, происшедшие от имен личных, включавшихся в прежнее время в различные календари, церковные и светские».

В то же время в их книге приведено большое количество нестандартных, по терминологии авторов, фамилий, как *Гулько*, *Слепак*, *Ксендз*, *Пере-*

бейнос и т. п. Для установления их русского характера авторам приходилось обращаться к имени и отчеству называемого, уточнять местожительство носителя фамилий. Среди нестандартных фамилий могли быть украинские, белорусские и иноязычные, не оформленные русскими суффиксами, различные диалектные прозвища, записанные в качестве фамилий в 30-е годы XX века тем лицам, которые еще не имели паспортов. Нестандартные фамилии, таким образом, являются фамилиями только по их общественной функции в современном употреблении, а не по историческому развитию и морфологическим показателям.

В словаре «Русские фамилии», написанном истинным любителем и знатоком русского слова, почти для каждой фамилии найдены пословицы, поговорки, крылатые выражения. Ю. А. Федосюк приводит огромное количество цитат, толкований слов, начиная от поэтов, драматургов XVIII века, до современных писателей, ученых, общественных деятелей. Поэтому каждая словарная статья воспринимается как миниатюрный этюд из жизни русского слова, русского народа.

В качестве примера приведем несколько словарных статей.

ГОГОЛЕВ. Гоголь — птица из породы уток-нырков. Н. В. Гоголь писал о своем тезке, гоголе: «Блестит речное зеркало, оглашенное звонким ячаньем лебедей, и гордый гоголь быстро несется по нем». «Ходить гоголем» — держаться важно, величаво. И в этом значении слово встречается у Н. В. Гоголя. Разбогатевший

художник Чертков «прошелся по тротуару гоголем, наводя на всех лорнет» (повесть «Портрет»).

ЛАБУТИН. Лабуга. Лабуга — неуклюжий, бестолковый человек. Прозвище это встречается в поэме Есенина «Анна Снегина»:

У Прокла был брат Лабуга,
Мужик — что твой пятый туз.
При всякой опасной минуте
Хвальбишка и дьявольский

трус.

МЛЯКОВ. Маяк — скупщик, торговец. В работе «Развитие капитализма в России» В. И. Ленин писал о деревенских торговцах и ростовщиках: «...для обозначения их существует богатый подбор местных названий. Вспомните всех этих прасолов, шibaев, щетинников, маяков, ивашей, булыней и т. д. и т. д.»

Умелое сочетание простоты и лаконичности изложения, насыщенность иллюстративным материалом превращают словарь в ценное справочное пособие. Неоднократные ссылки на первое издание словаря находим, например, в популярной у читателей «Русской речи» серии статей В. А. Никонова «Из словаря русских фамилий».

Словарь, к сожалению, не может содержать развернутого изложения теоретических проблем происхождения фамилий, их словообразовательных моделей и т. п. Поэтому выход книги А. В. Суперанской и А. В. Сусловой «Современные русские фамилии» представляется очень своевременной. Авторы книги систему именования людей ставят в непосредственную зависимость от развития общества. Рост городов и государственного дело-

производства способствовал ускорению возникновения языковой категории — фамилий. Считается, что если первые фамилии появились у социальной верхушки общества в XIV веке, то у основной массы населения — крестьянства — официальные, а не уличные фамилии начинают возникать во второй половине XIX века после освобождения крестьян от крепостной зависимости, завершается же этот процесс в 30-е годы на глазах старшего поколения советских людей.

Авторы книги, реконструируя основы русских фамилий, устанавливают связь фамилий с нарицательными словами. Доходчиво, с большим количеством примеров изложены в книге главы, посвященные периферийным явлениям в русских фамилиях. Читателя удивляют «причуды» языка, превратившие англичанина *Гамилтона* в русского *Хомутова*, немца *Кос фон Далена* в *Козодавлева*, а еще больше поражает фантазия руководителей духовных училищ, «облагораживавших» фамилии будущих священников. Так, *Пьянков* превратился в *Собриевского*, *Петузов* стал *Алекторовым*,

А. И. Попов.

СЛЕДЫ ВРЕМЕН МИНУВШИХ

В 1981 году издательством «Наука» в серии «Страницы истории нашей Родины» выпущена книга А. И. Попова «Следы времен минувших» (отв. редактор член-корреспондент АН СССР Ф. П. Филин). Она состоит из ряда очерков, посвященных истории географи-

Благоволин — Беневоленским, а по названиям церковных приходов и церковных праздников в русском именнике появились многочисленные *Богоявленские, Успенские, Рождественские* и т. п. С интересом читаются страницы о псевдонимах, двойных фамилиях известных деятелей искусства, фамилиях литературных героев. Авторы этой книги в отношении фамилий установили акцентологические типы ударений, выявили историческую изменчивость и... моду на употребление фамилий.

В приложении к книге рассматриваются особенности склонения русских личных имен, отчеств и фамилий, а также иноязычных фамилий, встречающихся в русских текстах.

Работа А. В. Суперанской и А. В. Сусловой — опыт изложения в русском языке вопросов возникновения, функционирования, структуры, типических моделей и перспектив развития русских фамилий. Обе книги во многом удовлетворяют все возрастающий интерес к русским фамилиям.

Г. К. ВАЛЕЕВ

ческих названий Озерного края — Ленинградской, Новгородской и Псковской областей.

Видимо, нет такого человека, который с детства не задумывался над происхождением различных географических названий — топонимов. Что скрыто за многовековым именем? Ответить на этот вопрос очень трудно. Ф. П. Филин отмечает: «Чтобы их [топонимы] правильно объяснить, нужно принимать во внимание все обстоятельства их возникнове-

ния: конкретно-исторические события, географические особенности местности, экономика и социальный уклад населения, его этническую принадлежность, время образования имени и многое другое».

Во вводной статье «От редактора» Ф. П. Филин знакомит читателя с автором книги А. И. Поповым (1899—1973), который был на редкость разносторонним ученым — филологом, историком, математиком, философом: «Пожалуй, трудно назвать ученого (по крайней мере нашего времени), который так хорошо знал бы древнерусскую письменность как источник сведений о географических названиях: А. И. Попов с его феноменальной памятью был своего рода живой энциклопедией, у него можно было получить любую справку».

Книга А. И. Попова состоит из «Предисловия», «Введения», семи глав и «Приложения». В конце ее приведен обширный список литературы.

В «Предисловии» сообщается о тех задачах, которые стояли перед автором при написании книги: «1) дать общее представление о происхождении и истории главнейших географических названий края; 2) на ряде конкретных примеров как частного, так и сравнительно общего порядка показать рациональные приемы собирания и обработки материала географических названий, не выходя за пределы изучаемой территории; 3) дать несколько образцов приложения топонимических данных к различным вопросам исторической географии». Во «Введении» рассказывается о географии Озерного края, о его заселении, об отражении истории

края в географических названиях.

Главы I—V посвящены названиям крупнейших географических объектов Озерного края и его городов (читатель узнает об истории таких известных наименований, как *озеро Ильмень, озеро Селигер, Валдайские горы, Опочка, Ломоносов, Новгород, Великие Луки, Пушкин* и др.); наименованиям, возникшим на основе этнических (племенных) имен (*водь, чудь, ижора* и т. п.), русских личных имен и фамилий; известным топонимам Ленинградской области (*Охта, Васильевский остров, Гатчина, Пелла* и др.).

В VI главе рассказывается об использовании данных топонимики в историко-географических исследованиях, приводятся приемы и примеры обработки материала географических названий. В увлекательной форме автор показывает, как с помощью науки о географических названиях было точно указано местонахождение села Тязино, в котором был заключен так называемый Тязинский мир между Россией и Швецией в 1595 году.

Глава VII посвящена литературе по топонимике и исторической географии Озерного края и источникам топонимического исследования. В ней подробно рассматриваются работы выдающихся ученых XIX—XX веков.

Большой интерес для читателей представит «Приложение», в котором содержатся советы начинающим топонимистам по сбору и обработке материала. Автор указывает на источники, из которых могут черпать топонимический материал археологи, историки, краеведы, учителя: летописи,

писцовые и переписные книги, договорные и уставные грамоты, разного рода юридические документы; объясняет, почему при сборе материала следует самым тщательным образом отмечать ударение во всех географических именах. А. И. Попов подробно останавливается на рассмотрении вопросов, связанных с обработкой топонимического материала в педагогических и научных целях.

«Предлагаемая читателям книга „Следы времен минувших“, — пишет Ф. П. Филин, — результат многолетних разысканий автора, один из последних его трудов. В ней четко выражена теоретическая кон-

цепция А. И. Попова, которая не может не вызывать интереса у филологов и историков. В то же время, написанная на высоком научном уровне, она рассчитана на самые широкие круги читателей. Книга доступна для всех образованных людей, особенно тех, кто интересуется историей нашей страны».

В заключение отметим, что А. И. Попов является автором ряда интересных материалов, опубликованных в «Русской речи» в 1968, 1972, 1973 годах («Славяне, Русь, Россия», «Арск. Торопец. Великие Луки», «Ветлуга. Озеро Лача» и др.).

В. В. КАСАРКИН

М. Р. Львов.

ШКОЛЬНЫЙ СЛОВАРЬ АНТОНИМОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Слов с противоположными значениями, как и соответствующих понятий, очень много. Поэтому перед автором «Школьного словаря антонимов русского языка», выпущенного издательством «Просвещение» в 1980 году, стояла трудная задача: отобрать лексические пары, которые наиболее часто употребляются в русском языке.

Смысловые отношения между антонимами русского языка довольно сложные. В словарь включены только такие антонимы, в которых «противоположность членов пары бесспорна, значения симметричны...» (с. 6). Такое ограничение лексического материала можно объяснить методическим на-

значением издания. Ведь это пособие для учащихся.

Есть еще одно ограничение в отборе антонимов. Словник ориентирован на те произведения художественной литературы, критики и публицистики, которые изучаются в средней школе и предусмотрены программой внеклассного чтения. Таким образом, сложился словник — около 600 антонимических пар.

Поиски читателем нужного слова и антонима к нему облегчаются приложенным в конце книги алфавитным индексом-справочником: в нем перечислены антонимы, выступающие в словарной статье вторым членом пары.

Словарные статьи имеют однотипную структуру. В виде заголовка дана антонимическая пара (*короткий — длинный, мягко — жестко, награда — наказание, нагревать — охлаждать*), затем представлено толкование значений заголовочных слов (*Нижний — верхний: 1. Находящийся, рас-*

положенный внизу. — Находящийся, расположенный сверху, наверху... 2. Близкий к устью реки. — Близкий к истокам реки). Далее следуют иллюстрации к каждому значению из художественных, публицистических произведений, пословицы и поговорки. Особенно интересно использование антонимов в одном и том же контексте, например: Но меркнет *день* — настала *ночь* (Тютчев. День и ночь); Но не хочу, о други, *умирать*; Я *жить* хочу, чтоб мыслить и страдать (Пушкин. Элегия). Примеры подобраны очень удачно; хорошо раскрывая значения сопоставляемых в данной словарной статье слов, они подчеркивают их антонимичность.

В третьем разделе вступительной статьи (с. 12—14) автор раскрывает основные способы использования антонимов в литературно-художественных текстах. Этот раздел мобилизует внимание читателя, заставляя анализировать «изобразительную» сторону отрывков из художественных произведений.

Словарная статья содержит еще два важных компонента: гнездо антонимов и синонимическую пару. В первом показана связь антонимов с производными словами, сохранившими ту же противоположность значений, что и у исходных (заголовочных) слов: *грубо* — *ласково*, *грубость* — *ласка* в словарной статье *Ласковый* — *грубый*. Во втором приводятся синонимы к каждому из рассматриваемых в словарной статье слов, которые тоже составляют антонимические пары, соотносимые с заголовочной: *нежный* — *грубый*, *нежный* — *резкий* (та же статья).

Нужно сказать еще об одном элементе словарных статей. В подзаголовках содержатся указания на некоторые формы заголовочных слов; совершенный вид глаголов, составляющих антонимическую пару (*Умирать* — *возродиться*. Совершенный вид; *умереть* — *возродиться*); формы сравнительной и превосходной степени прилагательного, если они имеют другой корень (*Хороший* — *плохой*). Слова, специально разбираемые автором и приводимые в гнездах антонимов и синонимических парах, при необходимости сопровождаются стилистическими пометами.

Словарь помогает школьникам внимательно относиться к слову, ориентирует их на точное знание как антонимов, так и синонимов. В подтверждение можно указать на такие словарные статьи, как *Быстрый* — *медленный* и *Быстрый* — *медлительный*, *Веселиться* — *грустить*, *Веселиться* — *печалиться*, *Веселиться* — *скупать* и *Веселиться* — *тосковать*, *Вверх* — *вниз* и *Кверху* — *книзу*, *Надежда* — *безнадежность* и *Надежда* — *отчаяние*, *Наслаждение* — *мука*, *мучение* и *Наслаждение* — *страдание*, *Труд* — *безделье*, *Труд* — *лень* и *Труд* — *праздность*.

В целом рецензируемый словарь — полезное пособие. Более всего он нужен школьникам, чтобы как можно лучше, выразительнее они могли изложить мысли в сочинении, точнее дать характеристику литературному герою. «Школьный словарь антонимов русского языка» с интересом будет встречен также всеми, кого волнуют проблемы культуры русской речи.

А. Ю. БЕЛЬЧИКОВ

Товарищ Домбровский из Ленинграда просит объяснить причину отсутствия в словарях русского языка слов *репеллент*, *куруровать*, *ужесточить*, а также разъяснить значение и происхождение этих слов.

Слова *репеллент*, *куруровать*, *ужесточить* сравнительно недавно появились в русском языке, поэтому в толковые словари русского литературного языка еще не попали.

Новые слова образуются в языке постоянно, но их словарная фиксация обычно отстает. Это связано с тем, что составление толковых словарей — процесс трудоемкий и длительный. Кроме того, толковые словари литературного языка воздерживаются от включения неустоявшихся новшеств.

В Словарном секторе Института языкознания АН СССР под руководством доктора филологических наук Н. З. Котеловой работает группа сотрудников, которые занимаются регистрацией и описанием новой лексики русского языка. В 1971 году вышел подготовленный ими словарь-справочник по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения». Сейчас подготовлен второй такой словарь на материале 70-х годов. Этой группой составляются также ежегодники «Новое в русской лексике». Это более мобильные лексикографические издания, дополняющие существующие толковые словари.

Слова *репеллент* и *ужесточить* зарегистрированы в Словаре-справочнике «Новые слова и значения» (М., 1971). *Репелленты* определяется как «средства для отпугивания насекомых, птиц». Оно образовано на основе латинского *repellens* — отталкивающий, отгоняющий.

Глаголу *ужесточить* дается следующее определение: «сделать более строгим (какие-либо ограничения, требования и т. п.)». Словообразовательной базой для этого глагола послужило прилагательное *жесткий* в значении «не допускающий отклонений; безоговорочный».

Глагол *куруровать* не вошел в словарь-справочник «Новые слова и значения», так как получил распространение только в последнее десятилетие. В картотеке Словарного сектора Института языкознания АН СССР сейчас появился богатый материал, иллюстрирующий его употребление и, несомненно, в очередных издаваемых словарях глагол *куруровать* займет свое место. О новизне слова можно судить, например, по следующей цитате: «Нужно сказать, что наиболее маститые писатели на Втором совещании сами не руководили семинарами, но принимали участие скорее в роли наблюдателей, как теперь принято говорить — курировали» (Ваншенкин К. На совещании молодых). Своим происхождением глагол *куруровать* обязан латинскому глаголу *curare*, что значит — «заботиться, стараться, хлопотать, не оставлять без внимания».

Т. Н. Бурцева

ДАГЕСТАНСКИЙ советский писатель Эффенди Мансурович Капиев широко известен как поэт, переводчик, военный корреспондент, создавший подлинно национальные художественные произведения на русском языке. Велико значение его творчества для многонационального и многоязычного Дагестана. По мере распространения русского языка как средства межнационального общения творчество Капиева выполняло прогрессивную миссию пропагандиста русского языка среди народов Дагестана.

Эффенди Мансурович Капиев родился в 1909 году в семье лакаца Мансура Капиева, мастера золотых и серебряных дел. Отец будущего писателя хорошо владел русским языком, в семье Капиевых свободно говорили, читали и писали по-русски.

Знание русского языка с детских лет во многом определило судьбу Эффенди Мансуровича Капиева, сыграло большую роль в его воспитании. Отец заботился о том, чтобы в доме были детские книжки на русском языке и любил вечерами читать детям вслух. Такие чтения привлекали в семью Капиевых родственников, друзей, соседей. Особенно любили слушать русские сказки. Языком обыденного общения в семье был родной лакский, но в присутствии гостей вся семья переключалась на русский. Таким образом, домашние литературные чтения служили своеобразной школой русского языка для всех участников. Эффенди Мансурович усвоил русский язык в двуязычной семье, для которой этот язык был таким же родным, как и лакский.

С шести лет он начал ходить в русскую школу в Аргаки. Русский учитель Николай Васильевич был другом семьи Капиевых, часто бывал у них, помогал любознательному мальчику в изучении русского языка.

РУССКИЙ ЯЗЫК
КАК СРЕДСТВО
МЕЖНАЦИОНАЛЬНОГО
ОБЩЕНИЯ

ПРОПАГАНДИСТ
РУССКОГО
ЯЗЫКА
В
ДАГЕСТАНЕ

■

С 1928 года начинается трудовая деятельность Эффенди Капиева, всецело связанная с русским языком: сначала он был учителем русского языка в дагестанском ауле Аксай, затем сотрудником русской и кумыкской газет, работал директором русского театра в Махачкале. Обширные знания и свободное владение русским языком выделяли его среди дагестанских писателей тридцатых годов. Он становится ответственным секретарем писательской организации. Несколько лет изучает народное творчество; пешком или верхом на лошади добирался он до самых отдаленных уголков Дагестана, выявляя талантливых поэтов, рассказчиков, собирая мудрые народные изречения, чтобы потом все это сделать достоянием широкого читателя.

Неустанный глашатай русской ориентации в культурном развитии своего народа, Капиев видел в русском языке то единственное средство, благодаря которому можно объединить разрозненные творческие силы писателей Дагестана в одну общedaгестанскую литературу, чтобы вековые культурные традиции и новые творческие ростки служили культурному переустройству жизни республики. В 1932 году он выпускает сборник стихов «Дагестанские поэты», в 1933-м основывает литературный журнал «Штурм». В 1934 году вышла в свет «Дагестанская антология», а в 1939-м — сборник стихов «Песни горцев», в котором помещены избранные стихи горских поэтов. В 1940 году появляется сборник стихов с символическим названием «Резьба по камню». Многие из опубликованных в нем стихотворений принадлежали самому Эффенди Капиеву, были здесь и им сделанные переводы. Ему принадлежат переводы произведений устного народного творчества дагестанцев, а также стихов аварцев Махмуда и Гамзата Цадасы, даргинца Батырая, лезгина С. Стальского, лакцев Абуталиба и Гаруна Саидова. В переводах он старался воспроизвести горский песенный колорит, горские краски и ритмы, передать самобытность мировосприятия и самовыражения дагестанца.

Точно надпись на клинке
Брови черные твои,
Точно кровь на том клинке
Губы красные твои.
Если б полюбила ты
Так, как я тебя люблю,
В самый лютый зимний день
Лед покрылся бы травой.

Особенно привлекал Капиева лезгинский поэт Сулейман Стальский, вся молодая жизнь которого прошла в безрадостном труде

батрака, чернорабочего. Советская власть подняла его па вершину славы народного поэта. Орденом Ленина были отмечены его заслуги перед советской литературой. Личность поэта, образ мыслей, вся жизнь как бы воплощали в себе судьбу дагестанских народов, их характерные черты. Фигура Сулеймана Стальского была настолько исключительна, что Эффенди, чутко следивший за культурным пульсом республики, не мог пройти мимо столь колоритного таланта в литературной жизни Дагестана. И Капиев задумал написать книгу о нем. Цель была не в том, чтобы прославить личность поэта, ибо слава Сулеймана облетела весь Советский Союз еще до появления первых повелев Эффенди. С трибуны I Всесоюзного съезда советских писателей М. Горький сказал: «На меня и — я знаю — не только на меня произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский. Я видел, как этот старец, безграмотный, но мудрый, сидя в президиуме, шептал, создавая свои стихи. Затем он — Гомер XX века — изумительно прочел их. Берегите людей, способных создавать такие жемчужины поэзии, какие создает Сулейман».

Замысел книги «Поэт» был намного шире простого жизнеописания знаменитого поэта. В предисловии к «Поэту» Капиев пишет: «...автор стремился не столько показать личность поэта, сколько постичь в нем душу своего древнего горского народа на фоне того нового быта, что дала ему революция». Книга вышла целиком в 1944 году в Ставрополе, уже после смерти поэта. Насколько удался автору его замысел, видно из слов Н. Тихонова: «Он нарисовал аульное общество в бурных собраниях и ежедневных трудах, влияние Сулеймана на своих земляков, нравы и обычаи. Это оказалось совсем другое общество, чем могут подумать люди, не знающие современного Дагестана. Они могут подумать, что горы похожи на своих предков времен Хаджи-Мурата или, что уж совсем смешно, на горцев рассказов Марлинского, а это вполне современные люди, которых не удивишь ни техникой, ни каким-нибудь заморским чудом» (Капиев Э. Избранное. Махачкала, 1946).

Э. Капиев был чрезвычайно требователен к себе. Просиживая целые ночи напролет над одной страницей прозы, он доводил ее до совершенства. Редкое трудолюбие и высокие требования к самому себе способствовали совершенствованию познаний в русском языке. Он был всегда благодарен и внимателен к замечаниям читателей. Характерна такая деталь из воспоминаний сестры писателя. Однажды в Буйнакске, во дворе дома, где жили Капиевы, Эффенди читал написанный им рассказ о мотыльке «с белыми капельками на крыльях». Одна русская старая женщина заметила: «Не капельками, а крапинками». В родном языке Эффенди понятия «капля», «крапинка», «точка» выражаются одним словом, которое на рус-

ский переводится обычно как «капля». Неточность была устранена, и в книге «Поэт» мы теперь читаем: «Вдруг желтый с черными кругами цветок срывается со стебелька и начинает летать. За ним другой, с белыми крапинками. Оказывается, мотыльки» (Капиев Э. Поэт, Кн. II, Ставрополь, 1944).

Широкому читателю известны «Записные книжки» Э. Капиева, сборник довоенных дневников, зарисовок и фронтовых записей, которые он вел с 1941 по 1944 год, находясь в действующей армии, на передовой (Капиев Э. Записные книжки. М., 1956). Он видел ужасы войны и с поразительной силой реализма в небольших, но удивительно метких деталях военного быта изображал весь драматизм происходящих на его глазах событий. Обратимся к «Записным книжкам» поэта:

«Мы с другом только что встретились и сразу же пришлось пойти в наступление. Друга моего я любил всей душой, и радость встречи, теплота близости его сердца, вдохновляли меня в бою.

Но вот за спиной услышал я стон... Друга моего ранили, окровавленное лицо его па мгновение мелькнуло в моих глазах, но отстраняться было некогда, я поручил его бойцам, а сам продолжал преследовать врага...

Бой длился еще некоторое время. Когда же, наконец, я получил возможность прийти в себя и бегом вернулся к палатке — мой друг лежал на носилках.

Самое страшное было не в бою, не в стоне, не в смерти, плывавшей вокруг меня целых два часа, а в том, что когда я дотронулся до руки моего друга, рука эта была холодной, как лед, и не ответила...»

Или еще: «Убитый под телеграфным столбом. Провода оборваны, и столб, как вдова с распущенными волосами над телом мужа, воет в ветре».

В самом начале своего творческого пути с трибуны I съезда дагестанских писателей Э. Капиев провозгласил лозунг: «Да здравствует зрелость и никаких скидок!». Этому девизу он был верен всю жизнь. Очевидно, поэтому, читая его книги, мы не ощущаем, что написаны они не русским, а лакцем. Вся жизнь он был пропагандистом русского языка, выражая любовь к нему в своих произведениях, являясь подлинным патриотом-интернационалистом. Вместе с тем это был писатель, глубоко любящий свой народ, его язык и культуру. «Я пишу по-русски, но я писатель своего народа», — признавался он. Он понимал, что история развития лакского языка и культуры лакского народа тесно связаны с многонациональной советской культурой и это общение помогает отшлифовать грани исконной, самобытной красоты родного языка. «Народы наши взаимно дополняют и обогащают друг друга, — писал он, —

Сформировалась многогранная, испытанная и великая в каждой мелочи общая душа нашего обновленного советского народа. Именно это и есть одна из тайн непобедимости нашей страны» (Капиев Э. Избранное. М., 1959).

С удивительной нежностью относился Капиев к русскому народу и русскому языку. В одной из его фронтовых записей говорится о том, как в разгар войны, в 1943 году он случайно оказался у могилы поручика Апшеронского полка Всеволода Николаевича Грунина, который сто лет назад погиб от пули горцев. Эффеңди, потрясенный увиденным, говорит: «Странная судьба выпала на мою долю — как мне с ней быть? Сын гор, я душой и мыслями и всем моим существом русский человек, и без русского языка, без русской среды нет мне в жизни ничего родного». «Это я, потомок твоих кровных врагов,— обращается он к праху В. Н. Грунина,— произношу тебе, как родному: пусть твоя мысль встретится с моей мыслью — они братья.., твоя молодая кровь, пролитая на этих скалах, впиталась в почву, и ты видишь — взросло новое племя, в моих жилах течет частица и твоей крови, брат мой... Родная душа пришла на могилу, и, как видишь, на твоём русском языке говорит тебе: мир праху твоему, Всеволод, и за себя, и за своих предков...» (Капиев Э. Записные книжки. Ставрополь, 1959).

Творчество Э. Капиева формировалось в советское время, оно овеяно пафосом социалистического строительства и представляет собой явление принципиально нового соотношения родного и русского языков как гармонически взаимодополняющих компонентов национально-русского двуязычия и новой функции русского языка в многонациональном Дагестане. Объективно закономерное, добровольное принятие русского языка как средства межнационального общения народами многонационального Дагестана Э. Капиев передает художественно, но с глубокой научной достоверностью. В «Записных книжках» есть рассказ «В Москву с тремя народными поэтами». Речь идет о Гамзате Цадасе, Сулеймане Стальском и Абдуле Магомедове, которые в одном купе с Эффеңди ехали в Москву.

«Долго сидели и лежали старики на своих полках молча. Сулейман говорил лишь по-лезгински и по-тюркски, Абдула — лишь по-кумыкски, Гамзат — лишь по-аварски. Друг друга они не понимали. Я стоял в коридоре вагона у окна. Вдруг слышу оживленный разговор в нашем купе. Что такое? Ведь там никого, кроме стариков, кажется, не было,— кто там спорит? Вхожу — и что же? Старики наконец нашли, оказывается, общий язык — это был русский язык».

Красота русского языка вызывала самые искренние чувства Э. Капиева: «О великий русский язык! — обращается он.— Стою перед тобою на коленях, благослови и усынови меня, но не как при-

блудного, а как найденного сына. Радуюсь, торжествую, люблю. Верен ли я твоим заветам, точен ли я в своих чувствах и порывах без примеси лжи?

Родившись немощным и принадлежа к самому маленькому, затерянному в горах племени, я обрел тебя, и ныне я не сирота. О, как могуча, как светла и задушевна твоя стихия! Прости мои ошибки, если они грубы, прости и заблуждения отцов. Без тебя нет и не было будущего, с тобою мы воистину всемогущи» (Капиев Э. Избранное. М., 1959).

Особую любовь лакца Э. Капиева к русскому языку, его заветную мечту писать на русском языке можно понять. Среди лакцев, более двадцати процентов которых уходили на заработки в разные российские губернии, социальный престиж русского языка был достаточно высоким. До революции мастеровые лакцы всячески старались устроить своих детей в русскую школу, кое-кому удавалось найти дорогу и в столичные вузы. Немало предшественников и у Э. Капиева среди лакцев, писавших на русском языке. В 1867 году сподвижник знаменитого языковеда П. К. Услара Абдулла Омаров написал на русском языке этнографические очерки «Как живут лаки» и «Воспоминания муталима», позднее Д. Бутаев опубликовал очерк «Свадьба лагов» в «Этнографическом обозрении». В 1912 году в Петербурге газету на русском и лакском языках «Заря Дагестана» издавал Саид Габиев и почти в каждом номере помещал свои стихи или прозу на русском языке. Вспомним отзыв А. С. Пушкина о рассказе черкеса Султана Казы-Гирея «Долина Ажитугай»: «сын полудикого Кавказа... изъясняется на русском языке свободно, сильно и живописно» (Современник, т. I, СПб., 1836). Высокую оценку дал этому же рассказу В. Г. Белинский: «„Долина Ажитугай“ примечательна как произведение черкеса (Султана Казы-Гирея), который владеет русским языком лучше многих наших мастеров» (Белинский В. Г. Полн. собр. соч., т. II, М., 1953).

Итак, русскоязычное творчество Э. Капиева можно считать исключительным явлением в истории культуры нерусских народов не в смысле того, что он первый или единственный в своем роде. Заслуга его в том, что в наиболее значительные периоды истории своего народа он смог воплотить в русское слово думы, чаяния и будни горцев и способствовал своим творчеством на русском языке укреплению дружбы наших народов.

В предисловии к книге «Избранное» (Махачкала, 1946) Н. Тихонов писал: «Его книги не забудутся. Они останутся в советской литературе как книги о простоте и величии свободного человеческого духа, книги, написанные в эпоху величайшей борьбы и победы, честные и глубокие книги».

А. А. АБДУЛЛАЕВ

На одной из новостроек Хабаровска расчищали площадку под будущее здание. К покосившемуся домику, покинутому жильцами, подъехал бульдозер. Медленно сползла крыша, начали рушиться стены. И вдруг из строительного мусора взметнулись какие-то листки. Оказалось, что в потолке разрушенного дома был тайник, набитый ценными для прежних хозяев бумагами. Недолго думая строители сгребли «макулатуру» и разожгли костер. Но часть бумаг удалось спасти от безжалостного огня: вот перечень церковных праздников, список усопших родственников, молитвы и восемь листов (всего восемь листов!) неизвестной книги.

Что это за книга, кому она могла принадлежать и как попала на Дальний Восток? Об этом рассказывает Л. М. Городилова в статье «Сия зримая малая книжица». Свое мнение по данному вопросу высказывает З. Н. Ивлева в статье «Прадед современного букваря».

Редакция надеется, что наблюдения и выводы специалистов заинтересуют наших читателей.

*

Пожелтевшая плотная бумага, филигранные (водяные знаки, видимые на свет) не просматриваются. Листы небольшого размера, «в осьмушку», к сожалению, среди них нет титульного, поэтому трудно сразу сказать, как называлась книга. Но на седьмом листе читаем:

**Сия зримая малая книжица.
По реченному алфавитица.
Напечатана бысть по царьскому велению.
Вамъ младымъ дѣтемъ к научению.**

Ты же благоумное отроча сему внимай.
И от нижния степеня на вышнюю восступай.
И нелѣностиѣ и не нерадивѣ всегда учися
И дидакала своего во всем добремъ наказании
блудися...

Стало быть, перед нами «алфавитица», или букварь.

Известно, что первая печатная азбука была сделана более четырехсот лет назад первопечатником Иваном Федоровым. Единственный экземпляр (самого раннего из известных датированных изданий 1574 г.) этого российского учебника в настоящее время находится в библиотеке Гарвардского университета (США). «Азбукой» Ивана Федорова открывается история российских печатных книг для обучения чтению и письму.

Продолжил традиции русского первопечатника Василий Бурцов, издавший в 1634 году «Букварь». Простота оформления, четкость шрифта, использование красного цвета для выделения букв, слогов — вот характерные черты этого издания. По содержанию же «Букварь» Бурцова очень напоминает азбуки Ивана Федорова: в начале книги помещается алфавит, расположенный в прямом и обратном порядке, затем следуют двух- и трехбуквенные слоги, грамматические сведения. Во второй части содержатся связанные тексты — молитвы, а также «Сказание како состави святыи Кирилъ Философъ азбуку по языку словеньску и книги переведе от греческих на словенский языкъ» Черпорицца Храбра, включенное Иваном Федоровым в «Азбуку» 1578 года и в другие (недатированные) издания его учеников.

В 1637 году вышло второе издание азбуки Василия Бурцова — «Букварь языка славенска сиречь начало учения детем хотящим учиться чтению божественных писаний с молитвами и со изложением кратких вопросов о вере». В этом выпуске букваря после предисловия напечатаны вирши неизвестного автора (возможно, самого Василия Бурцова), прославляющие учение. Второе издание знаменательно тем, что в нем впервые встречается гравюра с изображением «училища» — сцены из школьной жизни.

Долгие годы «Букварь» В. Бурцова широко использовался в России как пособие для обучения грамоте. Книга, найденная в тайнике разрушенного дома в Хабаровске, по всей вероятности, является одним из переизданных экземпляров «Букваря» Бурцова. На это указывает четкий шрифт, расположение материала (по одиннадцать строк на полную страницу, как в букваре 1637 г.), одинаковое с «Букварем» использование красного цвета, те же стихи. К сожалению, мы располагаем лишь частью книги, поэтому не можем достаточно полно охарактеризовать ее содержание. Текст найденной азбуки начинается с третьего листа, весьма потемневшего

от времени: начало могло быть утрачено еще в дни пользования книгой. До седьмого листа рассказывается о необходимости обучения грамоте, о той задаче, которую преследовал составитель азбуки. Как младенцы, поначалу питающиеся молоком матери, подрастая, прикасаются «къ твердѣй дебелѣй пици», так и «начинающие учиться грамотѣ первѣе простымъ словесемъ и слогам учатся», а затем уже «яко по лестнице... к книгам и к прочим божественным догматам касаются». Автор букваря так описывает этапы обучения: «...первие починают учиться по сей составнѣй словенъстѣй азбуцѣ по ряду словамъ и потомъ узнавъ писмена и слоги и изучивъ сию малую книжицу азбуку начинаютъ учить часовникъ и псалтырю и прочая книги». В предисловии «алфавитицы» кратко раскрывается роль премудрого мужа Кирилла Философа, который «яко звѣзда явился» и «писмена зъ греческаго языка на нашъ русский языкъ преложи, и имена имъ нарекъ, и грамоту русскую состави». Одна из утраченных частей «Азбуки», по-видимому, содержала традиционное «Сказание...» Черноризца Храбра, так как в начале ее прямо указывается: «...премудрыи святии мужъ Кирилъ Философъ о немъ же в концы же книжицы сея написано суть». Сохранились стихи, прославляющие учение («сия зримая малая книжица...»), в которых образно говорится:

**Къ мяккому воску чисто печать воображается.
Тако же и учение во младости кренѣ въкореняется.
Сего ради во младыхъ ногтѣхъ учению прилежи.
И всякое дѣтское мудрование от себе отложи.
Аще научиши себе во младости.
То будетъ ти покой и честь во старости...**

На 16 листе и его обороте даются буквосочетания: *блѣ, влѣ, глѣ...*, *блѣ, влѣ, глѣ, длѣ...*, *блѣ, влѣ, глѣ, длѣ* и т. д. Скорее всего, книгу получил священник для использования в преподавании церковнославянской азбуки. Обстоятельства сохранили для потомков лишь малую часть азбуки, но тем дороже для нас эта живая память о первых учебных книгах. Многие русские печатные книги, прожившие долгую и сложную жизнь, теперь справедливо заняли почетные места в различных книгохранилищах страны, таких, как Государственная библиотека им. В. И. Ленина в Москве, Публичная библиотека им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и др. Но ведь не исключена возможность того, что есть еще экземпляры, скрытые от исследователей толстыми стенами тайников, обнаружить которые часто помогает случай. Поэтому так важно бережно относиться к старым печатным изданиям: пытливому исследователю они расскажут о неизвестных фактах истории русской культуры, раскроют секреты отдаленной эпохи.

Л. М. ГОРОДИЛОВА

Проходят годы, все большую ценность приобретают пожелтевшие листы старых печатных изданий. Особенно это относится к учебным книгам и материалам. Сейчас для нас драгоценна каждая страничка старинного букваря, а изношенные современные учебники мы, не задумываясь, выбрасываем. Так, очевидно, делали и наши предки. Может быть, поэтому в нашей стране не известно ни одного полного экземпляра первопечатной «Азбуки» Ивана Федорова, изданной четыреста лет назад. Мы узнали об этой книге совсем недавно. Полные экземпляры первопечатных учебников Ивана Федорова, сохранившиеся в библиотеках мира, легко перечислить. Это — знаменитое львовское издание 1574 года (библиотека Гарвардского университета, США), «Начало учения детем, хотящим разумети писание» острожского издания 1578 года (библиотека города Готы, ГДР) и два экземпляра «Начала учения...» без указания времени и места издания, находящиеся в библиотеках Великобритании. Единственный известный в СССР фрагментарный экземпляр «Азбуки» И. Федорова хранится в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Через 60 лет после выхода в свет самой ранней из датированных первопечатных азбук Ивана Федорова в Москве «снисканиемъ и труды многогрѣшнаго Василия Федорова, сына Бурцова и прочихъ сработниковъ» был напечатан «Букварь». Василий Федорович Бурцов-Протопопов в 1633—1642 годах ведал технической частью Московского печатного двора. Изданный им на втором году типографской деятельности (в 1634 году) учебник включает те же раз-

СОВРЕМЕННОГО БУКВАРА

дела, что и азбуки русского первопечатника. Заключительную часть книги, как и в «Начале учения детемь...», составляет «Сказание о письменах словянских» Черноризца Храбра, повествующее, «как состави святыи Кириль Философъ азбуку по языку словеньску». Сходство содержания и методических принципов дает основание считать «Букварь» Василия Бурцова дополненным поздним переизданием федоровского учебника.

Однако московский типограф середины XVII века внес существенное новшество в оформление учебной книги малого формата: выделил новые буквы и заголовки красным цветом. В 1637 году Василий Бурцов отпечатал второе издание «Букваря», которое впервые в русской традиции печатания учебников использует иллюстрацию: после предисловия следует черно-белая гравюра с изображением типичной для того времени сценки учебной жизни: учитель наказывает розгами ученика. В предисловии к изданию 1637 года помещены стихи о значении и методах учения, с отрывком из которых нас знакомит Л. М. Городилова. Эти стихи — одно из самых ранних печатных русских поэтических произведений.

Книга Василия Бурцова долгое время считалась первым печатным русским букварем московского издания. Исследование недатированных экземпляров «Азбуки» Ивана Федорова, находящихся в библиотеках Оксфорда и Кембриджа, поколебало это мнение (см. журнал «Русская речь», 1981, № 2).

В том, что в Москве до появления первых печатных учебных книг существовало множество рукописных азбук, нет никаких со-

мнепий. Автор самого раннего из известных зарубежных печатных учебников русского языка, названного по месту издания «Нисским букварем» (1690 г.), прямо ссылается в предисловии на имеющиеся в его распоряжении рукописные азбуки. Были использованы рукописные материалы по обучению грамоте и создателями первых печатных букварей, отражавших уже сложившуюся в России методическую традицию: буквослагательный метод, включение в состав текстов для чтения, кроме молитв, нравоучений и отрывков из сочинений богословов, имеющих отношение к языку, и т. п.

Бурцовский «Букварь» надолго стал самым популярным учебником грамоты, его влияние легко обнаружить в учебниках, изданных во второй половине XVII — начале XVIII века. После введения Петром I гражданского алфавита книга Бурцова не потеряла своего значения как учебник церковнославянской грамоты и в таком качестве много раз переиздавалась. Переиздания конца XIX века очень точно копируют книгу Бурцова 1637 года: отсутствуют какие-либо изменения в тексте, довольно точно воспроизведены заставки и гравюра (хотя слово *училище* над гравюрой напечатано красной, а не черной краской), сохранены нумерация тетрадей (через каждые 8 листов книги), количество строк на странице, без всяких изменений перепечатано послесловие бурцовского издания. Однако в перепечатках XIX века имеются и некоторые отличия от старопечатного оригинала. В них, например, последовательно осуществляется нумерация листов книги, соблюдены пробелы между словами в тех местах, где они в издании 1637 года не соблюдаются.

Поздние издатели стремились сохранить старый рисунок шрифта. Это им в значительной степени удалось в отношении строчных букв, хотя здесь и имеются некоторые отличия в деталях рисунка букв. Что касается заглавных букв и надстрочных знаков, то расхождения здесь более значительны. Отличия поздних копий четко прослеживаются в найденном в Хабаровске фрагменте, о котором сообщает Л. М. Городилова. В то же время фотокопии страниц фрагмента обнаруживают их полную идентичность соответствующим страницам книги, отпечатанной в Москве в 1885 году. Послесловие бурцовского «Букваря» воспроизведено в этом издании полностью. В конце книги помещено второе послесловие, в котором кратко сообщается о месте и времени издания, а также указывается источник перепечатки с повторением некоторых данных послесловия «Букваря» 1637 года.

Интересно отметить, что несмотря на эту ссылку, перепечатка, видимо, осуществлялась с переиздания бурцовского «Букваря», относящегося ко второй половине XVII века. Это обнаруживает сравнительный анализ шрифта книг. Типографские шрифты для русской старопечатной книги создавались на основе шрифтов руко-

писных книг вплоть до отражения неустойчивости в начертании отдельных букв (*р, у, ѓ, ж*). В букварях Василия Бурцова можно наблюдать различные варианты начертания минускульного (строчного, с определенным наклоном) *р*: причем преобладают начертания вертикального *р* и с наклоном вправо без закругления в нижней части. В поздних перепечатках также наблюдаются колебания в начертании *р*, но явно преобладают буквы с закруглением в нижней части влево. Расположение букв *р* без закругления внизу абсолютно совпадают в фотоконии фрагмента из Хабаровска и «Азбуке Кирилла и Мефодия» 1885 года издания.

В букварях изданий 1634 и 1637 годов и поздних перепечатках различается написание строчных букв *е* и *л* (в поздних переизданиях *е* с четко вычерченными углами, *л* с утолщением завитка слева). Но особенно бросаются в глаза различия в рисунке знаков препинания, надстрочных знаков и заглавных букв, которые соответствуют новым шрифтам Московского печатного двора конца XVII — начала XVIII века. По сравнению со шрифтом середины XVII века, который использован в бурцовских букварях, заглавные буквы стали более декоративными (см. табл.).

<i>Буквари бурцова</i>	і	Ѕ	З	Е
<i>Новый шрифт Печатного Двора, воспроизведенный в перепечатке 1885 года</i>	і	Ѕ	З	Е

Таким образом, хотя текст и расположение материала на хабаровских листах точно совпадают с букварями Василия Бурцова, можно с полной уверенностью утверждать, что книга, которой принадлежат эти листы, является перепечаткой «Букваря» Василия Бурцова 1637 года. Точное время перепечатки может быть установлено лишь на основе анализа бумаги фрагмента, во всяком случае, это период — не ранее конца XVII — начала XVIII века, когда были созданы новые шрифты Московского печатного двора. Полная идентичность полиграфического оформления обнаруженных в Хабаровске листов с соответствующими страницами старообрядческого издания «Азбуки Кирилла и Мефодия» 1885 года дает очень веские основания датировать фрагмент второй половиной XIX века. В любом случае хабаровская находка составляет ценный материал для исследования.

З. Н. ИВЛЕВА

"А в грамотах из города"

Зарубежные географические названия в русском языке XVII века

а название столицы Англии London (Ландэн) — Лондон? Всегда ли шведское Stockholm (Стокгольм) имело в России такую форму и где истоки вариантов топонимов в разных языках? Вопросы эти интересуют многих, и они закономерны: ведь речь идет о названиях, а здесь нужна ясность и точность, иначе географический объект может быть не узан. У топонимов звучание, форма слова имеют гораздо большее значение, чем у имен нарицательных. Почему же все-таки появляются варианты?

Чтобы ответить на этот вопрос, обратимся к XVII веку, когда в русский язык широким потоком вливаются иноязычные топонимы. В их оформлении участвуют не только русский язык и язык-источник, но и языки-посредники, диалекты, вследствие чего одно географическое название приобретает различные варианты.

Остановимся на нескольких, на наш взгляд, наиболее интересных фактах освоения русским языком иноязычных географических названий. Богатый материал по интересующему нас вопросу мы находим в «Путешествиях русских послов XVI—XVII вв.» (изд-во АН СССР, М.—Л., 1954) и в вестях-курантах (см.: Вести-Куранты. 1600—1639 гг. Изд-во «Наука», М., 1972; Вести-Куранты. 1642—1644 гг. Изд-во Наука, М., 1976; Вести-Куранты. 1645—1646. 1648 гг. Изд-во Наука, М., 1980).

Люддина тишут...»

Лондон. Примером того, как на ту или иную форму географического названия влияли различные языки, может служить топоним *Лондон*. Сейчас эта форма передает английское написание London.

Подобная передача имеет давнюю традицию. Так, в вестях-курантах мы часто встречаем варианты, ориентирующиеся на письменную форму или немецкое прочтение: *Монпельр* (фр. Montpellier — *Монпелье*); *Полигн*, *Палигна* (фр. Poligni — *Полиньи*); *Пьемонт* (ит. Piemonte — *Пьемонт*); *Савиглиано* (ит. Savigliano — *Савильяно*); *Невбори* (англ. Newbury — *Ньюбери*) и т. д. Однако название столицы Англии в русском языке XVI—XVII веков не встречается в форме, близкой к написанию.

Первые фиксации этого топонима в вариантах *Лунда*, *Лунд*, *Ланден*, *Лонден*, *Луден*, *Лунден*, *Люнден*, *Лундин*, *Люддин* отмечаются в дипломатических памятниках интересующего нас периода: «Да королевна же Федора и Неудачи спрашивала про свою про Аглинскую землю: Ехали де есте нашу Аглинскую землёю от города Скарбара до *Лунды*, и вы видели какова Аглинская земля, и вам, едучи, пужи какие не было ли?» (Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 117); «В городе *Лондене* ныне трицет тысяч мушкетов изготовлено и дватцет воинских кораблей также уготовлены» (Вести-Куранты. 1600—1639 гт., с. 45, л. 26); «Из Аглинской земли из города *Лундена* подлинные вести есть, что туды из Французской земли из горада Париса от конте де ля Листеря нарочной гонец приехал з договорными статьями...» (Вести-Куранты. 1600—

1639 г., с. 173, л. 69); «А в грамотах из города *Люддина* пишут, что к ним в Аглинскую землю караблик пришел от карабелного каравана х королю с вестми...» (Вести-Куранты. 1600—1639 г., с. 116, л. 62).

Столь многообразные формы топонима *Лондон* появились под влиянием английского, немецкого и русского языков. Вариант, *Ланден*, например, отражает английское произношение, *Лонден* — немецкое. Следует отметить, что в XVII веке немецкий язык оказал существенное влияние на становление иноязычной топонимии в русском языке.

Определенные фонетические изменения произошли в названном топониме и под влиянием русского языка. Такова замена звука *o* на *y*, обусловленная, как видно, близостью их артикуляции (*Лонден* — *Лунда*, *Лунд*, *Луден*, *Лунден*, *Люнден*, *Лундин*, *Люддин*).

Фонетические изменения наблюдаются и в формах *Луден*, *Люддин*: выпадение *n* стало возможным потому, что в топониме имеют одинаковую или близкую артикуляцию три звука (*л* и два *n*). Можно привести ряд примеров в топонимии, когда русский язык, стремясь облегчить произношение, упрощал некоторые звуки или их сочетания: Pfalz (*Пфальц*) — *Пальса*, Wimpfen (*Вимпфен*) — *Вимфель*, Neienburg (*Нейенбург*) — *Нюбург* из диалектного нем. Niunburg и др. Кроме этого, некоторые изменения в форме *Люддин* связаны с влиянием модели русского и других славянских языков, оформляющих географические названия при помощи суффикса принадлежности *-ин-* (ср. польск. Londyn); возможно также, что подобные формы сближаются со словом «люди».

Стокгольм. Название шведской столицы в русских памятниках XVI—XVII веков в такой форме не употребляется. Этот топоним в указанный период приобретает облик *Стекольн*, *Стекольнь*, *Стекольна*, *Стекольня*, *Стекольно*: «Вести ж были в *Стекольне*, что будто свейские люди взяли Парнов город» (Вести-Куранты. 1600—1639 г., с. 28, л. 27); «...С дацким королем помешка может быть не менши шведской морской стороны к *Стекольню* обя...» (Вести-Куранты. 1642—1644 г., с. 53, с. 115); «Сентября в 29 говорил послом Пантелей Юрьев: ...Советники королевские велели вам сказывати, что от государя нашего приехал в *Стекольну* гонец...» (Путешествия русских послов XVI—XVII вв., с. 22); «Перевод с вестового пятчатово листа, что прислал к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии торговой немчин из *Стекольни* Мельхер Бекман...» (Вести-Куранты. 1600—1639 г., с. 224, л. 41).

Эти формы были привычны и понятны каждому русскому человеку и существовали на протяжении нескольких веков. Их, по свидетельству Я. К. Грота, можно было услышать из уст простолюдина даже во второй половине XIX века.

Возникновение таких форм большинство исследователей связывают с фактом так называемой ложной этимологии. Например, известный немецкий лингвист М. Фасмер считает, что русские варианты возникли «...под влиянием слова *стекольна* «стекольное производство» из шв. *Stockholm*» (Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. М., 1971). Однако за этим фактом стоят и определенные фонетические изменения.

Как же происходило народное осмысление шведского топонима? Впервые с этим названием мы встречаемся во 2-й Софийской и Холмогорской летописях под 1497 годом в формах *Стекольна*, *Стекольна*: «Того же лета приидоша немци из заморья из *Стекольна*, Свейского государства...» (Полное собрание русских летописей. Т. 33, Холмогорская летопись. Изд-во Наука, Л., 1977, с. 131, л. 415). В памятниках позднейшего времени форма *Стекольна* также преобладает над другими, появившимися явно под влиянием ложной этимологии. Употребление в русском языке такого варианта вызвано различием в фонетических системах русского и западноевропейских языков. Так, придыхательный звук (h) не был характерен для русского языка, а поэтому он опускался или заменялся близкими по значению звуками *x*, *g*. Выпадение этого звука произошло и у топонима *Стокгольм*. В русских формах этого названия обнаруживаются и другие фонетические изменения: замена звука *o* в первом слове на *e* и звука *m* на *n*.

Итак, первоначальное употребление формы *Стекольна* вместо шведского *Stockholm* (*Стокгольм*) связано с фонетическим освоением иноязычного слова (через промежуточные формы *Стокольм*, *Стеккольм* (См.: Письма и бумаги императора Петра Великого, т. 1—2. СПб., 1887—1889; Русская историческая библиотека, т. 16. СПб., 1897). В дальнейшем этот топоним переосмысливается и приобретает формы *Стекольна*, *Стекольна*, явно связываясь со словом *стекло*. Вариант *Стекольна* появляется как противопоставление этим формам, близким к нарицательной лексике (*стекольна* — *стекольное производство*). Такое употребление сразу же говорит о том, что это топоним (ср.: *Ельня*, *Вильно* и др.).

Приведенные примеры функционирования иноязычных географических названий в русском языке указывают на сложность и специфичность их образования и употребления в XVII веке, что несомненно повлияло на всю их дальнейшую топонимическую историю. Обилие вариантов в топонимии этого времени, связанных с увеличением и расширением языковых контактов, позволило в дальнейшем упорядочить написание и произношение, выделить нужную и наиболее приемлемую форму того или другого иноязычного географического названия.

В. И. МОЗГОВОЙ
Рисунок В. Леонова

Иногда негладким поворотом в развитии действия народных сказок является такой: загубленные темными силами зла герои — поборники добра, обрызганные живой водой, воскресают. При этом останки или раны их сначала обрызгивают мертвой водой.

Например, в сказке «Иван-царевич и серый волк» говорится:

Лежит Иван-царевич мертвый, над ним уже вороны летают. Откуда ни возьмись, прибежал серый волк и схватил ворона с вороненком.

— Ты лети-ка, ворон, за живой и мертвой водой, тогда отпущу твоего вороненка.

Ворон, делать нечего, полетел, а волк держит его вороненка. Долго ли летал, коротко ли, принес он живой и мертвой воды. Серый волк sprыснул мертвой водой раны Ивану-царевичу, раны зажили; sprыснул его живой водой — Иван-царевич ожил.

Кошеч, убив Ивана-царевича, — повествуется в сказке «Марья Моревна», — бросил его в смоленной бочке в синее море. Орел вытащил бочку на берег, сокол полетел за живой водой, а ворон за мертвою. Слетелись все трое, разбили бочку. Ворон брызнул мертвой водой — тело срослось, соединилось; сокол брызнул живой водой — Иван-царевич вздрогнул, встал и говорит:

— Ах, как долго я спал!

Живой росой отзывалась живая вода народных сказок в поэме Лермонтова «Демон». Узнав о смерти жениха,

...Рыдает бедная Тамара;
Слеза катится за слезой,
Грудь высоко и трудно дышит;
И вот она как будто слышит
Волшебный голос над собой:
«Не плачь, дитя! не плачь напрасно!
Твоя слеза на труп безгласный
Живой росой не упадет:
Она лишь взор туманит ясный,
Ланиты девственные жжет!..»

Чудодейственная живая вода в народных сказках называется *и живящей*, а порой, как в сказке «Сестрица Аленушка и братец Иванушка», *ключевой*:

Собрали народ, пошли на реку, закинули сети шелковые и вытащили Аленушку на берег. Сняли камень с шеи, окунули ее в ключевую воду, одели ее в нарядное платье. Аленушка ожила и стала краше.

*

Отождествление сказочной живой воды с реальной ключевой показывает, что фантастическое уходит корнями в действительность. И в самом деле, живой водой в древней Руси называлась та, что была ключом, родниковая, а в более широком смысле — вообще текучая. Напротив, недвижная, спокойная слыла водою *мертвой*. Издревле известные восточным славянам, эти определения воды в поэзии сказок преобразовывались, приобретали особые значения: живая, текучая вода становилась животворной, а мертвая, спокойная — целительной. От мертвой, по словам сказителей, страстались части изрубленного человека, оживавшего затем от живой воды. Такое переосмысление названий *живая* и *мертвая* (вода) предопределялось тем особым значением, которое придавалось воде (без нее ведь нет ничего живого!) в верованиях восточных славян, да и многих других народов. Обрызгивание и умывание водой, приобретающей, как думали тогда, в различных магических процедурах волшебные живительные свойства, относилось к излюбленным приемам ведовства.

Заглянем в старинные рукописи. Три с половиной века назад одна из московских целительниц в расспросных речах показывала, что «грыжи людем уговаривает а наговаривает на громовую стрелку да на медвежей поготь да с тое стрелки и с ногтя дает пить

воду а приговариваючи говорит как де ей старой жонке детей не раживать так бы де у кого та грыжа и болезни не было» (Московская деловая и бытовая письменность XVII века. М., 1968). *Громовою стрелой* или *стрелкой*, а также *чертовым пальцем* называли каменный слиток, образующийся в песке от удара молнии. *Медвежий ноготь* — по-видимому, растение *медвежьих когти*. Другая обвиняемая в ведовстве простодушно признавалась: «у которых людей в торговле товар заляжет и она тем торговым людям наговаривает на мед а велит им тем медом умыватца а сама приговаривает как де пчелы ярые роядца да слетаютца так бы де к тем торговьм людям для их товаров купцы сходились и от того де ее наговору у тех торговых людей на товары купцы бывают скорые». Она же наговаривала на хлеб, соль и мыло: «хлеб с солью велела женам есть как де хлеб да сол(ь) люди любят так бы де муж жену любил а мылом женам же велела умыватца скол(ь) де скоро мыло к лицу прильнет стол(ь) бы де скоро муж жену полюбил» (Там же).

Ведовство властями и церковью преследовалось. В середине XVII века в царском указе отмечалось, что чародеи и волхвы над больными и младенцами «чинят всякое бесовское волхвование», а далее следовало предписание: ворожей мужиков и баб к больным и ко младенцам в дом не призывать. Ведовство осуждалось в одном ряду с такими, отвращавшими народ от церкви, предосудительными действиями, как безмерное пьянство, скomorошество, пение «богомерзких» песен, кулачные бои и сквернословие. В расспросных речах о ведовстве и дошли до нас сведения о древней водной магии. О ее проявлениях в народных сказках, о живой и мертвой воде старинная письменность ничего не сообщает. Это объясняется и тем, что сказки, в отличие от наговорных формул, которые иногда записывались, бытовали лишь в устном исполнении, и тем, что в их рассказывании прегрешений не усматривали. Тем более существенными представляются косвенные свидетельства о данной магии в виде знакомых той эпохе аналогичных названий реальной воды. Видимо, в народном представлении связи между соответственными разновидностями реальной и волшебной воды были настолько естественными, что не возникало необходимости в каких-то особых, отличных от первых, наименованиях вторых. Эти связи особенно наглядно выражались, в частности, в том, что, согласно церковному уставу, например, XI века место у воды считалось священным: у воды молились.

В Словаре русского языка XI—XVII вв. живая вода в смысле «колодезная или проточная, годная для питья» отмечена примером из перевода с польского языка на русский «хождения» в Святую землю конца XVI века: «Близ Вифлиема... есть кладезь, имеа воду

свежу и живу». Однако из этого не следует, что в более раннюю эпоху в языке восточного славянства такого названия не было. И, действительно, в известном Успенском сборнике, писанном в XII—XIII веках, находим упоминания *живой воды*: «вода живая жадати не даеть; даждь ми сию воду живую; насыти ся живых вод». Кроме того, в Исторической палее XII века, правда, по списку XV века, встречаем в применении к воде определение *животная*, образованное от слова *живот* в древнем значении «жизнь»: «Види же Лот землю содомскую краснейшую паче всея земля, воды имеющи животныи». Употребление подобного определения воды косвенно указывает на использование в том же смысле и определения *живая*.

Есть основания полагать: единичные упоминания *живой воды* в деловой письменности XVII века представляют собой далекие отголоски более заметного употребления этого названия во времена великорусской и древнерусской народностей.

Такого прозрачного развития значений в направлении от реального к волшебному, как в названии *живая вода* («текучая — свежая — животворная»), в названии *мертвая вода*, возможно, вследствие утраты каких-то промежуточных звеньев, в общем не прослеживается, но все же совмещение в нем, как и в сочетании *живая вода*, реального и волшебного значений — явление не случайное.

*

Ознакомимся с некоторыми данными XVII века. В 1649 году новосилец Епифан Тишевский ездил отводить землю военному человеку «в деревню Лаврову ...х Каменому лесу х Квошеватой кулиги на десет(ь) чети да под Якшиным лесом по Фоустов рубеж по живую воду на пят(ь) чети». Служившая в качестве рубежа, границы земельного владения живая вода, разумеется, являлась текущим источником. А в 1696 году в воронежских местах выделяли покосы «в урочище от Верхнева колодезя вниз по живой воде по обе стороны речки Полатовой». Здесь с определением воды *живой* на текучесть ее указывает и расположение покосов «вниз» по ней. Бывало, овраг, по которому бежала *живая вода*, получал то же название. Такой овраг отмечали, например, по течению реки Плавы на юге Тульской губернии. В отдельных случаях, выделяя угодыя, в числе ограничивающих их примет называли уже не *живую воду*, а просто *живые рубежи*, причем в ряду последних попадались и болота: «а промеж тех пусташей живои рубеж болота» (Памятники южновеликорусского наречия. Отказные книги. М., 1977). Иногда, отмечая живой рубеж, не писали, какой именно —

ручей или речка, или болото: «от таг(о) дуба через болшой холм по живой рубеж от живог(о) робежа на камен(ь)я» (Там же). Видимо, название *живой рубеж*, в отличие от названия *живая вода*, употреблявшегося в качестве межевой приметы, с течением времени приобретало более широкое значение, знаменуя рубеж, образуемый и течением ручья или речки и застойной тихой водой. В составе названия *живой рубеж* определение *живой* осознавалось и как «природный» в противоположность значению «не природный, а созданный» (рубеж), т. е. намеченный людьми в виде грапей-зарубок на деревьях, а в безлесье на вкопанных столбах, а также в виде выкопанных ям с насыпанным в них древесным углем. *Живыми* называли кое-где и природные межевые приметы неводного характера. Ср.: *живое урочище* «природный знак для межи, как речка, гребень, овраг» (Словарь Даля).

Значение «текучий», подобно тому, как это бывает и ныне, с давних пор естественным образом «переливалось» в переносное значение «часто меняющийся, неустойчивый, непостоянный». Ср. в древнерусском языке: *текли* «проточный» и «непостоянный» (Срезневский И. И. Материалы для Словаря древнерусского языка). Поэтому, например, плавучие мосты, разводимые на время половодья или по другим причинам, словом, временные, непостоянные, слыли тогда *живыми*: «Велели ему на той реке живой мост распустить, чтоб через тое реку воровским казаком от Алатаря к ним пройтить было немочно» (Словарь русского языка XI—XVII вв.); «я... дошел до живог(о) мосту да испужался итит(ь) дале чтоб меня на дороге не убили воры» (Московская деловая и бытовая письменность XVII века); «велено мне холопу твоему быт(ь) в об(ъ)езде за Московю рекою з живаго мосту по Пятницкою улицу налево» (Там же); «в село Преображенское на дело живаго моста, что на реке Яузе в Лебяжьей роще, 200 бревен сосновых» (Арх. бум. Петра).

Сооружение, изделие для временного пользования обыкновенно строилось, изготовлялось наспех, бывало недостаточно устойчивым, «живым», и, вследствие этого, слово *живой* в применении к такому сооружению или изделию означало «сделанный кое-как». Значение «временный» в этих случаях нередко несколько затенялось, а то и полностью вытеснялось значением «сделанный кое-как». Выражение *шить на живую нитку* — наглядный тому пример. Первоначально оно значило «стегать наскоро, временно, приметать редкими стежками», а затем приобрело переносный смысл («делать» кое-как, непрочно). Свойственное народно-разговорной стихии, оно в том или ином варианте звучит и в художественной литературе: «Вода в Чусовой стояла очень низко, и наше, шитое на живую нитку, суденышко постоянно задевало за... подводные камни» (Ма-

мин-Сибиряк. В глуши); «Вокруг заброшенной барской усадьбы средней руки группируется десятка два деревянных, на живую нитку состроенных дач» (Чехов. Кулачье гнездо). Ср. сходное изменение семантики: *сделать живой рукой* «живо, скоро, спешно» и *делать на живую руку* «кое-как, непрочно». Примеры из художественных произведений: «Вице-директор заявил, что лично примет участие в юбилейном торжестве... Тогда, на живую руку, был составлен краткий церемониал» (Салтыков-Щедрин. Сон в летнюю ночь); «Уже кое-где торчали остовы палаток...; дымилась смазанная на живую руку печь, пахло оладьями» (Бунин. Деревня).

Семантическая связь выражений *на живую нитку* и *на живую руку* с обозначением *живой* реальной воды представляется более вероятной, нежели связь с наречием *живо*. С последним, возможно, связано выражение (сделать) *живой рукой* «быстро» и т. п. (Сделать) *живой ниткой*, как будто, не говорят. Словом, в современном русском языке сохраняются лишь косвенные свидетельства существования в прошлом наименования *живая вода* в реальном значении.

Наименование *мертвая вода* в смысле «застойная, непроточная» осязательных отзвуков не оставило, хотя в середине прошлого века в литературном языке как *мертвая* отмечалась «вода в заводском пруде ниже ларевого или вешнячного порога, не действующая на колесо» (Акад. Слов. 1847 г.). Поясним: *вешнячный* от *вешняк* «в плотинах и запрудах: отверстие с творилом и спуском для стока прибылой воды» (Там же). Это несколько специализированное значение *мертвой воды* являлось тогда пережиточным. Да и связь между наименованием *мертвой* реальной, непроточной воды и таким же названием волшебной уже не осознавалась. Наподобие сказочной *живой*, и *мертвая* сказочная вода представлялась ключевой: «И в той долине два ключа: Один течет волной *живою*... Тот льется *мертвою* водою...» (Пушкин. Руслан и Людмила).

*

Итак, вышав из обихода в своих реальных значениях, *живая* и *мертвая вода* в виде волшебных отражений напоминают все же о себе в русских народных сказках.

С. И. КОТКОВ

Рисунок С. Гавриловой

По Золотому кольцу России

Дорога из Суздаля во Владимир, по которой мы продолжаем историко-топонимическое путешествие, идет мягкими увалами. То тут, то там на пологих холмах среди перелесков возникают старинные села. Многие из их названий встречаются еще в русских летописях. Так, село *Павловское* (в основе этого наименования лежит антропоним) купила еще жена Александра Невского; иначе говоря, село существовало уже в XIII веке и пережило татаро-монгольское нашествие. Другое село — *Борисовское* — чуть моложе, оно известно с XIV века по завещанию Ивана Калиты: «А прочь Московских сель, даю сыну своему Семену села своя купленная: ...в Володимери Борисовское». Слева от дороги раскинулось село *Батыево*. Его название возвращает нас к трагическим событиям середины XIII века, когда дымом пожарищ и кровью многих тысяч мирных жителей ознаменовалось татаро-монгольское нашествие. Старинная легенда живописно повествует о том, что на месте села располагалась ставка хана Батыева. Местные жители называют холм около этого села *Батыевым курганом*. Неподалеку от села Батыева стоит другое село — *Заполицы*. Название его образовано от древнерусского слова *заполица*. Так в древности называли отдаленное поле в перелесках,

на неудобных для пахоты местах, за основными пахотными землями, превращавшееся иногда в сенокосное угодье. На дороге из Суздаля во Владимир есть и другие географические объекты, названия которых могут вызвать интерес.

*

Боголюбово. Сейчас Боголюбово имеет официальный статус поселка городского типа Владимирской области. В древности же это был княжеский город *Боголюбов* — свидетель возвышения, славы и трагической гибели одного из выдающихся политиков древней Руси князя Андрея Боголюбского.

Город-замок Боголюбов вырос в 1158 году на берегу Клязьмы, недалеко от устья реки Нерль. С годами Клязьма отошла от крутого берега и на ее месте осталась *Боголюбовская старица*. Старица эта имеет еще два названия — *Старая Клязьма* и *озеро Монастырское*. Построенный по четкому плану, окруженный с трех сторон мощными валами, Боголюбов представлял собой дотоле невиданный в Суздальской земле «город камен». Можно предположить, что город получил свое название (прямо или опосредованно) по чтимой в нем с самого его основания иконе «Боголюбивый образ божией матери», а в прозвище князя отразилось наименование новой княжеской резиденции.

Народные легенды связывают ряд географических названий с трагической смертью Андрея Боголюбского. Как известно, он пал от руки заговорщиков в своем дворце в Боголюбове. По преданию, убийцы князя — Кучковичи — были схвачены братом Андрея Всеволодом. Их волокли из Владимира до *Плавучего озера*, разрезав им пятки и насыпав в раны мелко насеченного конского волоса. Затем Кучковичей посадили в просмоленные кораба и бросили в озеро. Название озера, видимо, связано с тем, что на поверхности его плавают торфяные кочки, иногда достигающие больших размеров. Неподалеку от Плавучего озера находится другое — *Поганое* (или *Поганец*). В нем, по преданию, была утоплена жена Андрея Боголюбского, замешанная в его убийстве. *Поганые озера* в Центральной России встречаются нередко, обычно их названия указывают на заболоченность берега, затхлую воду и т. п.

Рядом с Боголюбовом находится архитектурное чудо Владимиро-Суздальской Руси — *храм Покрова на Нерли*, стоящий в стороне от селений среди пойменных лугов и озер. Храм построен в 1164 году после победоносного похода владими́ро-суздальских дружин на волжских болгар. О названии *церковь Покрова на Нерли* в «Русской речи» уже рассказывалось (см.: Чурмаева Н. В. Листая учебник. — Русская речь, 1976, № 3, с. 129).

Большинство наименований географических объектов в окрестностях Владимира славянского происхождения: *Княжьей луг*, *Ярилина долина*, село *Доброе*, село *Красное* и т. д.

*

Первые упоминания о Владимире относятся к началу XII века. В летописи под 1108 годом отмечается, что «того же лета свершен бысть град Владимир Залеский Володимером Мономахом...». *Владимир-Залесский*, *Владимир-на-Клязьме* — появление таких названий связано с тем, что на Украине уже был другой город Владимир — *Владимир-Волынский*, основанный при Владимире Святославиче.

Казалось бы, история возникновения названия города объясняется легко: Владимир Мономах называет основанную им крепость своим именем. Однако уже в середине XII века летописные сообщения получают приписку: «...а заложи его (город Владимир.— М. Г., В. Д.) бо преже Владимир Киевский», то есть Владимир Святославич.

Кто же из князей основал город Владимир? Многие ученые считают, что город был основан в начале XII века князем Владимиром Мономахом.

С XII века Владимир начинает претендовать на первенство сначала в Залесской земле, а затем и на Руси. По аналогии с Киевом притоки Клязьмы во Владимире получают наименования *Лыбедь*, *Рпень* (*Ирпень*) и *Почайна*; главные ворота Владимира получают название *Золотые*.

Названия ворот и частей города, частей его укрепленных участков упоминаются в многочисленных источниках. Например, в подробном сообщении летописи о штурме города татарами в феврале 1238 г.: «...от Золотых ворот у Старого Спаса внидоша по примету черес город, а сюде от северные страны от Лыбеди ко Ориничым воротам, и тако вскоре взяша Новый град... и вси людье бежаша в Печерный город».

Перед нами упоминание о двух частях города: внутренней — *Печерный город* и внешней — *Новый город*. Удовлетворительного объяснения топонима *Печерный город* пока нет. В центральной части Владимира никаких пещер (*печер*, *печор*) не существует. Правда, в крепости Владимира было много белокаменных построек, а белый камень добывался в *пещорах*, образовавшихся в толще известняковых пород. Однако такая версия появления названия выглядит малоубедительной. Возможно, что урочище на берегу Клязьмы, на месте которого был впоследствии построен город Владимир, могло иметь какое-то неславянское название, перешедшее впоследствии на *Печерный город*.

Интерес топонимиста привлекают многочисленные внутригородские наименования во Владимире. Однако в кратком очерке нельзя упомянуть и о десятой их части. Расскажем еще только об одном — о названии *церковь Николы в Галеех* (известна с XII века). Оно интересно тем, что доносит до наших времен наименование местности, которое не зафиксировано в письменных источниках. Храм Николы, покровителя путешественников, был построен на низком берегу Клязьмы, вероятно, неподалеку от пристани. Что же означало название *Галеи*? Макс Фасмер в своем «Этимологическом словаре русского языка» указывает, что слово *галея* использовалось для обозначения вида судна и было заимствовано из греческого. Например, Ипатьевская летопись под 1182 годом сообщает, что русские войска, шедшие по Волге «на Болгары», высадились в устье реки Цевцы и «ту оставиша галеи и Белозерский полк». Возможно, *Галеей* было названо место, где строились речные суда.

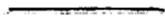
В состав Владимира уже в XII—XIII веках входила и территория к востоку от Печерного города. Летописи не говорят о владимирском посаде, но в актах XV—XVII веков мы встречаемся с названием *Ветшаный город*. Топоним *Ветшаный* (*Ветшаной*, *Ветчаный*), то есть ветхий, старый, служит указанием на древность этих укреплений, вероятно, запущенных в связи с падением роли города Владимира, когда первым городом Руси стала Москва.

В более поздние времена подобно тому, как на заре своей истории Владимир заимствовал ряд топонимов из Киева, он начал использовать и московские названия. В XVII—XVIII веках Владимир делился уже на *Кремль* (бывший Печерный город), *Белый город* (Ветшаный) и *Китай-город* (Новый). Наряду с этим западная часть Владимира часто именовалась *Земляным городом*, а восточная — *Посадам*.

М. В. ГОРБАНЕВСКИЙ

В. Ю. ДУКЕЛЬСКИЙ

Рисунок С. Газриловой

Прошли хмурые дни ноября и декабря, наступила, по выражению фенологов, «коренная зима» — с морозами, снегами, сугробами, синими льдами.

Январь — ее середина. В это время наблюдается прибавление света, солнце начинает светить дольше: «Январь на порог, прибыло дня на куриный шаг (на час)»; «Январь (к концу месяца) два часа прибавит». Январь в старину называли *Васильевым месяцем*, а его первый день *Васильевым днем*, днем Василия-солнворота. Народная примета, относящаяся к этому дню, гласит: «После Василия-солнворота заотсвечивает», то есть «солнце начинает доле светить» (архангельские говоры).

С 1-м января (по старому стилю) были связаны следующие народные приметы: «Выпавший на Новый год снег предвещает урожай»; «Если в ночь под Новый год звезд не видно — грибы не родятся»; «Если в ночь на Новый год небо звездное — горох и орехи будут»; «Туман на Новый год — к урожаю».

Слово *январь* пришло в русский язык через греческий из латинского *januarius*, образованного от имени древнего италийского бога обращения солнца (Фасмер М. *Этимологический словарь русского языка*. Т. IV).

Январь, по наблюдениям фенологов, — самый холодный месяц в году. В это время часты сильные морозы.

В бывшей Смоленской губернии был такой обряд: женщины перед Новым годом ставили кутью на стол и причитали:

Мороз, мороз, ходи кутью есть...
Летом не ходи, под межой не лежи
и гороху не щипли, а то ребята
палками заколотят, бабы кочергами
и вилами убьют, мужчины косами,
а жнецы серпами зарежут.

Мороз величали Морозом Васильевичем: «Марос, марос Васильевич, хади кутью есь, а ў летку ни бывай, пад калодый пралижай — а то будим вялежным кнутым сечь» (б. Смоленская губ.).

Морозы от Рождества до Нового года называли Васильевскими, за ними следовали Крещенские, Афанасьевские, Тимофеевские, затем, уже в феврале, — Сретенские и Власьевские. О Крещенских морозах говорили: «Коли силен мороз на Водокреши, на хлеба не ропщи»; об Афанасьевских: «Афанасий и Кирилло забирают за рыло», «Афанасий-ломонос — берет за нос»; о Тимофеевских: «Не диво, что Афанасий-ломонос морозит нос, а ты подожди Тимофея-полузимника, подожди Тимофеевских морозцев».

Сильный мороз в кузбасских говорах носит название *трещёба* («А холода-то были, *трещёбы*-то какие были, воробей замерзал на полете»); в подмосковных говорах — *рычók* («Ух, нынче *рычки* хрюшпы, только и можнъ до соседъ добежать»). О сильном морозе в Иркутской области скажут: *дунь* (*дунх*) *трещит* («Туман, марос такой, шта *дун'* *тряшшйт*, из пазы ни вылазиў бы»). В смоленских говорах сильный мороз называется *пекун* («Марос сянни *пякун* и старый вясетца, ажно барода грясетца», в тех же говорах *печь* — «сильно морозить»).

В забайкальских говорах сильный мороз именуется *морозьяка*, *разморозь* («В этакий *разморозь* только утварь и починять у печки»). Мороз, стужа называются также *затуха* (белозерские говоры).

К середине зимы обычно выпадает много снега. В красноярских говорах снег называется *кух* («Посмотри в окно: какой пушистый *кух* валит»), в обских — *падь*. Мелкий снег в разных говорах именуется такими словами: *зимка*, *кружак*, *чихта*, *кидь*, *моль*.

Хлопья снега в русских говорах называются *букóрки*, *ляпуха* («Как *лепухи* седни летят большушшы!»), *кидь*, *куки* («Когда *куки* снега носит, то метель»). Снег, идущий большими хлопьями, носит названия *лопуха*, *падь*, *кижа*, *облбй*, *облбйник*, *пáдера*, *рянда*, *шалеу́т*, *заваль*. Снегопад называется *валёж*, *падь*, *погбда*, *кужиль*, *запад*, *буря*, *кутёха*.

Красив в зимнюю пору заснеженный лес:

Заколдовав невидимкой,
Дремлет лес под сказку сна,

Словно белою косынкой

Подвизался сосна.

Е с е н и н. Пороша

Обильный снег висит на ветвях деревьев, иногда они прогибаются под его тяжестью. Такой снег именуется *багруга, бхить, гйря, гўта, гюкѧ, хмарь, кўхта* («*Кухта* в лесу бывает зимой, заденешь березу, так тебя всего обсыпит» — новосибирские говоры).

Снежные равнины блестят, переливаются на солнце. Вспомним строки А. Фета:

На пажитях немых люблю в мороз трескучий

При свете солнечном я снега блеск колючий,

Леса под шапками иль в инее седом

Да речку звонкую под темно-синим льдом.

«На пажитях немых...»

Словом *лудь* (*луда*) в архангельских говорах называется ослепительная белизна снега при солнечном свете.

По тому, каков снег на полях, судили о будущем урожае: «Гладкий снег на полях — к неурожайному году» (б. Пензенская губ.); «Если в полях снег лежит неровно, холмами, сугробами — к урожаю ярового хлеба»; «Снег буграми и гребнями — к урожаю ржи» (б. Нижегородская губ.); «В поле снег грядами — хороший урожай ржи» (б. Калужская губ.).

Издавна зима на Руси славилась своими сугробами. Названия сугробов в русских говорах образованы от глаголов: *вить* — *субѧй, сувѧли, зѧвиль*; *мести* — *заметь, замѧт, намѧт* («Чтобы свернуть в деревню, надо было с полдня копать *намѧт*» — забайкальские говоры), *омѧт, сумѧт*; *бить* — *забѧй, зубѧй* («Зимой падера такне *зубѧи* гверды наметѧт» — среднеуральские говоры), *набѧй, субѧй, суббина, снубѧй*; *веять* — *увѧя, посвѧек*; *грести* — *сугрѧб, угрѧб, зўгрѧб*; *вертеть* — *сўверть*; *дуть* — *задым, надѧым, надѧыми, надѧу* («В заулках бывают у нас большы *надувы*» — среднеуральские говоры).

Известный биолог Л. П. Сабанеев, описывая зимнюю охоту на зайцев нагоном в своем «Календаре природы», употребляет слово *дути* в значении «сугробы у опушки леса»: «Так как в ветер гона не слышно, а в иней заяц западает и лежит очень крепко, то надо выбирать тихие и ясные морозные дни. Становиться (стрелкам на помера.— Т. Г.) надо или на *дути* — сугробах у опушки, или на тропе». Из других названий сугробов отметим еще: *грѧва, бугор, вѧрох, заврѧг, буерѧчек, целѧк, сумжѧй, сулѧт*.

Украшение зимы — пушистый иней. В Древней Руси он именовался словом *слана*. Вот его употребление в «Повести временных лет» (1068 г.): «...сланою плоды оузнабляя...».

В русских говорах иней называется так: *бѣлый морбз, морбз, обморозъ, вйшарь, вйшай и вйшей* («Деревья обросли вишеем» — курские говоры), *вишь, вбдровъ, гала(о)га, гудега, густега* («Много гудеги — к хлебородному году; мало густеги — к неурожайному году» — архангельские говоры), *засвятка, ѡвень, ѡня, ѡморок, кить, кйча, кѡпотъ, коржѹха, кѡржевина, коржѡвина, кѹржа, кѹржа(е)вень, куржѡк* («Если хороший, толстый *куржак* на ветвях, говорят, хороший урожай будет» — новосибирские говоры), *коряпѹха, кѹхта, окухта, облив на деревьях, ѡкидь, ѡпѡка, пѹхта, рѹмега, чйчега, чйчела, ѹдега*.

А вот приметы, связанные с инеем: «Иней на Рождество — к урожайному году» (б. Ярославская губ.); «Много инея зимою — много орехов»; «Густая опока на деревьях — к урожаю овса» (б. Тамбовская губ.); «Если на Павла Обнорского (10 января по старому стилю) падет на стоги иней — быть лету сырому да мокрому» (б. Тульская губ.).

Вслед за Январем приходит февраль с метелями и оттепелями. Народные названия этого месяца — *бокогрѣй, широкіе дороги, кривые дороги, февральчик* — *короткий кафтанчик*.

Про февраль поется:

Пришел месяц бокогрѣй,
Землю матушку не грел —
Бок корове обогрел.
И корове, и коню,
И седому старику,
Морозу Морозовичу.
Ты, Морозко, не сердчай,
Из деревни убегай...

В народе говорят: «Февраль медведю в берлоге бок нагрет», «В феврале зима с весной встретится впервой», «Февраль солнце на лето поворотит», «Февраль три часа дня прибавит», «Февраль — спиби рог с зимы», «Январю-батюшке морозы, февралю метелицы», «Вьюги, метели под февраль полетели».

В русских говорах много названий вьюг, метелей: *вьюга, вѡбѡха, завѡва, завитѹха, вѣя* («На дворе такая *вѣя*, что ничего не видно» — смоленские говоры), *завѣй, заувѣя, вѣялица, меть, метѹха, замѣт, заметь, перемѣтка* («Перемѣтка на Сречиння к холодной весне» — смоленские говоры), *зѡвер(е)ть, подвернѣй, кутѹха, кутѣль* («На дворе *кутель* — метель» — подмосковные говоры), *курѡ, курево(а), крѹтень, крѹтелица, завирѹха, по(д)носѹха, дѹйма* («Дуйма преть» — смоленские говоры), *дуѣнь, дуѣль, дѹйка* («Зимой *дуйка* такая бывает» — уральские говоры), *сной* («Сегодня *сной* такая же будет, сверху валит» — казанские говоры), *пѡмжа, рял, хѡлина*,

сўдра, куртá, хвиль, хйжа («Под хйжу-то не вижу» — пермские говоры), *хита, хить, хўрта, чйчер, зйба, погбда* («Погода (вьюга) велика, заметет старика» — кашинские говоры), *пáде(о)ра, дерўга* («Зимой бывают *деруги* большие: не можно ни идти, ни ехать» — владимирские говоры), *ветелюга, пыль, ворогуша, зáволбка, (по) ползўха, ползунбк, тащйха, забой* (*забйть* в камчатских говорах — «задуть, занести снегом»). Вспомним, у Есенина:

Ах, метель такая, просто черт возьми.

Забивает крышу белыми гвоздьми.

«Ах, метель такая, просто черт возьми...»

В Древней Руси вьюга носила название *вьялица (виялица)*: «И сташа десье зли: мразь, *вьялица* страшно зьло» (Новгородская I летопись, 1134 г.).

2-го февраля (по старому стилю) праздновалось Сретение, с этим праздником, «когда зима с летом встречается», также были связаны приметы относительно будущей весны: «Какова погода на Сретение, такова и весна будет»; «Если оттепель (на Сретение.— Т. Г.), то весна будет ранняя и теплая, если холодно — весна поздняя; если снег — весна дождливая»; «На Сретение зима весну встречает, заморозить красную хочет, а сама лиходейка — от своего хотения только потеет».

На Сретение вечером заклинали солнце, чтобы оно выглянуло «из-за гор-горы» и показало этим, что оно встретилось с весной. Считалось, что если солнце перед закатом выглянет, значит прошли последние морозы; если же солнце не покажется, то это предвещает сильные Власьевские морозы. При заклинании солнца вечером в Сретеньев день пели:

Солнце-ведрышко,
выгляни, красное, из-за горы,
Выгляни, солнышко, до вешней поры.
Видело ль ты, ведрышко, красну весну,
Встретило ли, красное, ты свою сестру?
Видело ли, солнышко, старую ягу,
Бабу ли ягу, ведьму зиму?
Как она, лютая, от весны ушла,
От красной бегла, в мешке стужу несла,
Холод на землю трясла, сама оступилась,
Встретивши весну, солнцеву сестру.

Т. В. ГОРЯЧЕВА

Рисунок В. Толстоногова

В XVIII веке в русский язык вошло множество слов из западноевропейских языков. Это объясняется тем, что преобразования, коснувшиеся в Петровскую эпоху буквально всех сторон русской жизни, породили множество новых понятий, связанных с политикой, науками, искусством, с новым бытом. Теперь невозможно представить себе наш язык без таких слов, как *политика, революция, армия, флот, философия, алгебра, математика, география, медицина, театр, опера* и т. д. В XVIII веке русский язык пополнился и огромным количеством слов, выражающих обиходные понятия, связанные с бытом: *суп, картофель, рис, кастрюля, туфли, салфетка, графин* и т. д. Два столетия для истории языка — срок небольшой. Потому процессы, связанные с поздними заимствованиями, прослеживаются сравнительно легко.

Тем не менее одна из сторон этих процессов до сих пор остается почти не изученной. Речь идет о проникновении иноязычной лексики в русские народные говоры. Как ведут себя «иноземцы» на русской народной почве? Способны ли прижиться в диалектах эти в большинстве своем «городские» слова? Или же диалекты попросту отторгают их? Если же подобные слова все-таки попадают в говоры, то остаются ли неизменными их внешний облик и семантика?

Скажем сразу: да, иноязычная лексика, совсем недавно пришедшая в русский литературный язык, активно проникает и в говоры. И не просто усваивается ими, но преобразуется, приспосабливаясь к новым условиям. Более того, от заимствованного слова па

диалектной почве образуются новые слова, имеющие уже чисто диалектный характер. Процессы «преобразования» заимствованной лексики в народных говорах очень интересны. Многие из заимствованных слов (как, например, *шаль* или *жилетка*) кажутся теперь настолько привычными для народной речи, что в них не всегда легко распознать бывшего «иностратца».

Однако в большинстве случаев такой «вчерашний иноземец» довольно легко обнаруживает себя хотя бы изменением внешнего облика слова: *крулты*, *хрунты* вместо *фрукты*; *катетка* вместо *кокетка*; *тухли* вместо *туфли*; *трахмал* и *трукмал* вместо *крахмал*.

Стремление понять, осмыслить непонятные поначалу слова приводит к так называемой «народной этимологии». Заимствованное в первые десятилетия XVIII века слово *крахмал* в диалектной речи превращается в *трукмал* — результат своеобразного соединения иноязычного слова с привычным *трук*. Проникшее в диалекты для обозначения теплой мужской верхней одежды (длинного и узкого пальто или шубы в талию) слово *дипломат* также было переделано — в *тепломат*. Более того, в конце XIX века в Вологодской губернии, наряду с общенародным *теплый*, стали употреблять прилагательное *тепломатный* с тем же значением.

Причины, в силу которых иноязычные слова попадают в говоры, в большинстве случаев объяснить нетрудно. Так, например, развитие фабричного производства в России привело к проникновению в деревенский быт таких видов одежды, как пиджак, сюртук, туфли и т. д. А их появление в крестьянском обиходе повлекло за собой и появление соответствующих наименований. Так, одежда типа пиджака появилась в крестьянском быту в конце XIX — начале XX веков. К тому же периоду относится и широкое распространение в диалектах существительных *пижак*, *спижак*. В XIX веке жилетка, сшитая из фабричной ткани, вытеснила бытовавшую до того времени безрукавку. В связи с этим получило распространение в говорах слово *жилетка*.

Однако далеко не всегда появление в диалектах заимствованного слова паходит такое простое объяснение. Гораздо чаще, пожалуй, попадая в диалектную речь, иноязычное слово изменяет значение, как бы приспособляясь к условиям крестьянской жизни. Подобные изменения чрезвычайно интересны: ведь диалекты усваивают иноязычную лексику отнюдь не пассивно, а активно, творчески, приспособляя слова к особенностям крестьянского быта.

Так, например, в XVIII веке пришло в русский язык слово *туфли*. В крестьянском обиходе подобный вид обуви появился очень поздно, — видимо, не ранее начала XX века. А слово *туфли* в языке крестьян было известно уже в первой половине XIX века. В. Бурнашев в «Опыте терминологического словаря сельского хо-

вайства, фабричности, промыслов и быта народного» (СПб., 1843—1844) отмечает употребление его в значении «лапти, сплетенные из пеньковых веревок». Подобная «приспособляемость» слова обнаруживается и в записях диалектной лексики, относящихся уже к XX веку. Так, на Рязанщине *туфлями* назывались лапти с высокими бортами, которые носили старухи, а в Московской области — даже сапоги: *У этой трое туфель, а двое — с длинными голенищами, хромовые.*

От жилетки рукава — так говорят, когда хотят сказать о чем-либо несуществующем. Действительно, жилетка, как известно, — одежда без рукавов. Однако в говорах этим словом обозначают и одежду с рукавами: в Нижегородской губернии мужчины носили короткий кафтан из нанки или плиса, который назывался жилеткой. В Тобольской губернии *жилетка* — теплый женский жакет с рукавами.

Слово *манжеты* появилось в русском языке в первые десятилетия XVIII века. Рязанское *манжеты* еще обнаруживает тесную смысловую связь с общенародным словом: на Рязанщине манжетами именуют полоски кумача, которыми обшивают рукава нарядной свадебной рубахи. А вот в Челябинской области *манжеты* делаются не только на рукавах, но и... вокруг талии: *Манжеты на рукавах и кругом талии были. На груди шили манжеты. Манжеты у кофтов и спереди и сзади, как складочки, из этого же материала.* Иными словами, манжеты здесь — это декоративные складки на рукавах и груди женских кофт и платьев. В Пермской области *манжетами* называют оборки женского платья, а в Медвежьегорском районе Карел. АССР — рукава халата: *Капот с широкими да пышными манжетами шили.* Заметим, кстати, что слово *манжеты* заимствовано из французского языка, где *manchette* — «рукавчик», *manche* — «рукав». У заимствованного *манжеты* на диалектной почве развилось еще одно значение: на юге России *манжетами* стали называть женское украшение из бисера, плотно облегавшее шею, спускавшееся на грудь и прикреплявшееся либо к полоске ткани, либо к витке, которую завязывали сзади. Такое украшение в старину называли *нашейником, поджерелком, бородой*. В Пензенской области его и теперь называют *манжетами*.

Рюшами на Дону в первые десятилетия нашего века назывались кружева, а также тонкая («кружевная») резьба, обрамлявшая окна крестьянских домов.

Своеобразные изменения претерпело и слово *шляпа* (*шляпка*). В северных областях России (Волог., Арх., Пск. и др.) им называли сноп, которым накрывали несколько поставленных в поле снопов. В Кировской и Владимирской областях *шляпой* называют круглые крупные соцветия подсолнуха, а на Алтае — деревянную

деталь изгороди, скрепляющую столбы (иначе — *схват* или *наглобучник*).

Даже такое типично городское слово, как *фрак*, обозначающее вид официальной вечерней одежды мужчин, попало в говоры; правда, значение его здесь претерпело неожиданные изменения. *Фраком* в народе именовали широкий воротник женского пальто или шубы (Моск., Нижегород., Куйбыш. и др.): *А славный фрак. Стоит денег, только поне эки-те воротники не носят. Отпороть его от епанчи да сделать к шубам воротники. Воротника три, знать-то, из экого фрака будет* (Перм.).

Иноязычные слова, обозначающие отвлеченные понятия, в говорах также меняют свои значения. Например, словом *нация* в Смоленской губернии обозначали характер, нрав человека: *Этот человек уж нации такой. Нацией* в различных областях России называют манеру поведения, обычай, привычку (Арх., Новосиб., Перм. и др.): *Эка ведь нация у тебя завсе швыркать носом. Ровно муха в рот-то залетела; У нас нет такой нации, чтобы бабы пировали* (Перм.). Употребляют слово *нация* и тогда, когда говорят о способе ношения одежды, моде. *Такая уж теперь нация*, — рассуждали олонецкие по поводу женских головных уборов.

Займствованные слова, попадая в говоры, нередко конкретизируются, «опредмечиваются».

Так, в некоторых областях *музыкаль* называют музыкальные инструменты (Перм., Ряз. и др.): *Мой миленький идет, Под полой разные музыка несет*. Иногда словом *музыка* обозначают гармонию: *Один на музыке* (на гармонике.— Е. Э.) *играет, а другой на скрипке* (Перм.). На Урале губную гармонику называют *музычкой*. В западных областях (Смол., Брян.) *музыка* — деревенский музыкант: *Як музыка пришли, так веселье началось*.

Рязанские и вологодские кружевницы называли узор кружев *манером*, а в Нижегородской губернии под названием *манерец* был известен узор на ситце (в Тверской губернии его называли *манерчик*).

Ко второй половине XVIII века относится появление в нашем языке слова *кокетка* (французское *coquette* — «жеманница»). В говорах оно получило новое, предметное, значение — «парный головной платок с рисунком или отделкой (бахромой, вышивкой)». Это значение широко бытует в Сибири и на Урале: *Кокетки сами вязали, с пряжи* (Омск.); *Кокетки кашемировые, светлые: красные, розовые — всяким светом были* (Томск).

Так входит в народный язык займствованные слова, зачастую, казалось бы, никак не связанные с крестьянским бытом, — входят, приспособляясь к новым условиям и прочно укореняясь в народной речи.

На диалектной почве от них образуются новые слова, не известные общенародному языку. А это — лучшее свидетельство усвоения иноязычных заимствований русскими говорами. Вот несколько примеров.

От слова *комедия* в диалектах образовались прилагательные *комедный* — «смешной, забавный» (Урал., Дон., Брян. и др.), существительные *комедница* — «ломака, кривляка» (Кубан.), *комедьянец* — «насмешник» (Пск.), *комедейщик* — «озорник, весельчак»: *Такое комедное дитё!* (Дон.); *Хороший у меня брат, работающий, к тому же комедейщик* (Краснодар.). Широко распространился в русских говорах глагол *комедить* — «смешить, развлекать» (Арх., Олон. и др.): *А чего комедить-то людей!* (Арх.). В Архангельской области этот глагол имеет еще одно значение — «ходить ряженым во время святок»: *Так вот комедят, комедят — покойниками наряжались.* Известны в говорах глаголы *комедовать* — «паясничать» (Смол.), *комедничать* — «кривляться, ломаться, жеманиться» (Брян.) и др.

Шкафчик или полку для посуды на Урале и в Сибири именуют *тарельником* или *тарелочником* (от заимствованного в XVIII веке существительного *тарелка*). В Подмосковье навес от дождя над местом, где лежит зерно, называется *шляп* (от *шляпа*): *Коли вон в поле жали, делали поставушку и накрывали шляпом, чтобы зерно не мочило.* О больших хлопьях снега в Медвежьегорском районе Карел. АССР говорят: *Таки больши шляпья валяются!* Растения с большими широкими листьями (лопух, репейник) носили названия *шляпник* (Смол.), *шляпочник* (Пск., Смол.). Сходные наименования имели и водяные растения с большими круглыми листьями — желтая кубышка и водяная лилия: *шляпюк* или *шляпушник* (Пск.).

От слова *маскарад* (в форме, известной XVIII веку, — *машкарад*) образовалось вологодское *машкараха* — «ряженая»: *Ходила ты машкарахой?* То же происхождение имеет уральское *машкар* — «ряженный», а также брянское *машкарочка* — «проказница, баловница».

На диалектной почве от заимствованного существительного *мода* возникли глаголы *модеть*, *модиться* — «наряжаться», *намодиться* — «нарядиться»: *Намодилась она, причепурилась.* Во Владимирской губернии о человеке, который стесняется, церемонится, говорили: *Помодился, из-за стола голодным вышел.* А в Свердловской области глагол *модеть* означает «важничать, чваниться»: *На свадьбе сидела в стороне от всех, модела.* Глагол *понатуриться* (от заимствованного *натура*) проник даже в тексты народных песен. *Молода жена не послушалась, понатурилась, Повела коня на синее море* — так поется в свадебной песне Орловской губернии о жен-

щине, которая проявила своенравие, ослушалась, заупрямилась — «понатурилась».

В говорах, таким образом, мы встречаемся с явлением удивительным: иноязычное слово, лишь недавно попавшее в литературный русский язык, не просто приживается на диалектной почве, но и обрастает большим количеством новых слов, образованных от него уже в диалектной речи. Примеров такого рода — множество, ибо творческие возможности языка поистине безграничны.

Е. Н. ЭТЕРЛЕЙ

Рисунок С. Гавриловой

ЧИТАТЕЛЬ СПРАШИВАЕТ

Есть ли разница в значении слов *честолюбивый* и *тщеславный*?

А. В. Домбровский, Ленинград

Прилагательные *честолюбивый* и *тщеславный* являются синонимами, словами близкими, однако не тождественными по значению. Различие между ними очень тонкое и трудно определяемое. В «Словаре синонимов русского языка» (Л., 1970) дается общее определение данного синонимического ряда: о человеке, его мыслях, желаниях и т. п.; стремящийся к славе, почету, а также следующие определения для каждого слова: *честолюбивый* — стремящийся добиться высокого почетного положения, приобрести известность, славу и т. п.; *тщеславный* — такой, который любит почет, славу, почести и стремится к ним ради них самих, слово выражает отрицательную оценку. Именно отрицательная оценка, имеющаяся непосредственно в самом слове *тщеславный* (*тще* — восходит к древнерусскому *тъць* «пустой, напрасный, суетный») и составляет особенность смыслового содержания этого слова.

Т. Н. Бурцева

Где правильно поставить ударение в слове *атом*?

Н. Н. Красенков, Ленинград

В слове *атом* ударение ставится на первом слоге (устаревшее и в профессиональной речи *атѳм*).

Мёд на Руси

«И я там был, мед и пиво пил, по усам текло, в рот не попало, на душе пьяно и сытно стало» — такими словами часто заканчиваются знакомые всем с детства сказки. А вот какой напиток называется в них словом *мед*, пожалуй, знает сегодня не каждый.

История слова *мед* в русском языке уходит своими корнями в глубокую старину, ведь бортничество (добыча меда диких пчел) являлось одним из древнейших занятий восточных славян. В их речи слово *мед* употреблялось в двух значениях: «продукт бортничества» и «хмельной напиток из меда».

В значении «хмельной напиток из меда» слово отмечается в древнерусском языке с XI века: «И възимати вмъ... по крычакъ-цю випа. и по шести меду» (Славянский патерик, XI в.). В Лаврентьевской летописи 1377 года сообщается, что киевский князь Владимир, счастливо избежав ловушки, подстроенной ему печенегами, наварил в ознаменование этого события меду для угощения приглашенных им гостей: «Володимеръ... створи праздник великъ. варя 300 проваръ (определенная мера) меду».

Мед в Древней Руси был широко распространенным напитком.

Относительно его приготовления известно, что он варился на воде, а потом в течение примерно 14 дней бродил, после сыпали в него хмель, от чего он приобретал крепость и силу.

О широком распространении в старину меда как хмельного напитка свидетельствует богатство его сортов. Наряду с однословным наименованием этого напитка, в древнерусских памятниках XI—XIV веков представлены именные словосочетания: *мед сладкий, мед чистый пѣпьяный, мед цеженный*: «Питие же многое медъ и квасъ, вино, медъ чистыи, пѣпьяныи» (Троицкий сборник, XII в.); «едина воды чсты не мутяци ся другая млека не измѣняемаго сладости своея Зя вина сладка ъя меду цѣжена» (Рязанская кормчая, 1284 г.); «Въ чистую неделю достоить ясти медъ прѣсныи» (Кормчая, XIII в.).

Приведенные наименования формировались на основе определенных семантических признаков. Так, например, словосочетание *медъ чистыи пѣпьяныи* обозначает как качество напитка — чистый, так и то, что он приготовлен и настоен на перце. Признак «вкусовые качества» лежит в основе таких наименований, как *медъ сладкий, медъ прѣсный*. Название же *медъ цѣженный* указывает на способ и процесс приготовления данного напитка.

Слово *медъ* в значении «хмельной напиток из меда» сохраняется в XV—XVII веках. Известный русский историк Н. И. Костомаров писал: «Оригинальное и лучшее русское питье было мед; все путешественники, посещавшие Московию, единогласно признавали достоинство нашего меда и разславили его в далеких странах. Меды были вареные и ставленные; первые варились, вторые только наливались. Кроме того, по способу приготовления и по разным приправам меды имели названия: *простой мед, мед пресный, мед белый, мед красный, мед обарный, мед боярский, мед ягодный*» (Костомаров Н. И. Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях. СПб., 1860). Семантический признак «способ производства напитка» сформировал также такую группу наименований, как *мед обарный* (то есть приготовленный на основе обарной — теплой — воды), *мед вареный, мед приварной, мед перварной, мед ставленный старый остоялый, мед сыченый*.

В свою очередь такие сочетания, как *мед а гвоздцы* (с гвоздикой), *мед малиновый, мед черемховый, мед чернишный, мед яблочный, мед можжевеловый, мед вишневый, мед смородинный* сформировались на основе признака «напиток из меда, приготовленный и настоянный на ягодах и других продуктах»: «...въ 1597 году отпускали къ столу Австрийского Посла изъ Дворца Сытнаго... 12 ковшей *меду вишневаго* и другихъ лучшихъ; 5 ведрь *смородиннаго, можжевеловаго, череможоваго* и проч.; 65 ведрь *малиноваго*» (Карамзин Н. М. История государства Российского).

Большая группа наименований напитка из меда формировалась по признаку «качество напитка»: *мед крепкий, мед сильный, мед старый, мед кислый, мед пресный, мед пьяный, мед ярый, мед рос-*

хожий, мед столовый, мед добрый, мед лучший: «А за кабацкие запасы, за вино и за пиво, и за медь прѣсной и за кислой и за хмель... велѣлъ заплатить головѣ...» (Акты исторические. СПб., 1841—1842).

*

В XV—XVII веках выделилась группа наименований, носивших ярко выраженную «социальную» окраску и обозначающих разновидности напитка из меда, предназначенные для знати, то есть напитки высшего качества — *мед княжий, мед боярский, мед господский, мед братский* (для монастырской братии): «10 ведръ меду княжого, 15 ведр меду боярского» (Русская Историческая библиотека. Т. XVI, СПб., 1897).

Признак «цвет напитка» сформировал такую группу наименований, как *мед белый, мед красный, мед светлый, мед черный*: «меду красного... меду бѣлого... меду свѣтлого...» (Забелля И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики города Москвы. Ч. I, М., 1884).

Такие названия, как *мед немецкий, мед московский, мед новосельский*, выделились по признаку «место изготовления напитка»: «Рече князь великий Дмитрий Иванович своим бояром: Братия бояре и воеводы, дети боярские, то ти, братие, ваши *московскыя слатныя меды* и великия места» («здесь ваши московские ...меды и великие места». Задонщина).

Для некоторых составных названий характерно было перекрещивание нескольких семантических признаков. Так, например, в наименовании *мед ставленный старый остоялый* перекрещивались такие признаки, как «способ и процесс изготовления», «качество», «время выдержки напитка», в наименовании *мед красный смородинный* — признаки «цвет» и «качество напитка, приготовленного из ягод», в наименовании *мед паочный черствый* — признаки «сырье, пошедшее на приготовление напитка» и «качество».

*

В наши дни составные наименования, обозначающие разновидности напитка из меда, распространены не широко. И связано это, очевидно, с утратой самих понятий, обозначающихся этими словосочетаниями.

Н. Н. ПОЛЯКОВА

Рисунок В. Леонова

На Руси издавна сооружали постройки, в которых мылись и парились. Мытье было связано с представлением об очищении и телесном, и духовном. Особую торжественность и символический смысл хождение в баню приобретало в свадебных обрядах. В «Домострое» участникам свадебной церемонии предписывались следующие действия: мовники (банщики) готовили мыльню, дружка привозил жениху от тестя «мыленные дары» — одежду; к мыльне съезжался весь свадебный поезд, тут угощали «питием», били в барабаны, мовникам дарили полотенца.

В XIX веке у поморов существовал такой обычай: в последний день перед венчанием невеста созывала подруг, и в бане они угощались и мылись. Жених в бане проводил последний холостой вечер в кругу своих дружков. Это вошло в поговорку. Когда говорили о чем-то решенном, обычно заключали: «Ну что ж... по рукам, да и в баню!»

Банником пазывался хлеб, зашитый в скатерть вместе с жареной птицей и двумя столовыми приборами. Им мать невесты благословляла молодых к венцу.

Такое важное событие в семейной жизни, как рождение ребенка, происходило порой тоже в бане. В сочинении Г. Котошихина «О России в царствование Алексея Михайловича» (СПб., 1906) читаем: «Какъ приспѣеть время родитися царевичу, и тогда царица бываетъ въ мыльне, а съ нею бабка и иные немногие жены...». В архангельских говорах *банить* означало «повивать новорожденного».

В старину на Руси топили баню для умерших, вешали в бане полотенца, оставляли еду. С баней связывались различные поверья. Например, место, где она стояла, называемое *банищем*, считали нечистым, на нем избу не ставили.

*

В языке наших предков постройка для мытья имела несколько названий. Раннее заимствование из латинского *баня* и русские слова *мовь* и *мовница* отражены уже в древнерусских памятниках, например, в летописях. Вот как описывается мытье в *бане* в «Повести временных лет»: новгородцы мылись в жарко натопленных деревянных *банных*, обливались квасом и хлестали себя венчиками, а потом окатывались студеной водой. В легенде о том, как княгиня Ольга отомстила древлянам за смерть мужа, рассказывается: древляне послали к Ольге сватов, она велела для них истопить *мовницу*, а затем приказала сжечь ее с гостями.

До середины XVI века наименование *мовница* встречается в деловой письменности. Оно известно нам только по северным памятникам, так как самые ранние южновеликорусские источники относятся к концу XVI века.

С конца XV века известно наименование *мыльня*. Первое употребление этого слова зарегистрировано в шуйской купчей 1499 года.

Должно быть, слово *мыльня* — более позднее, чем *баня* и *мовница*. В списках «Повести временных лет» постройка, в которой сторели древляне, именуется *мовницей*, *мовью* и *мовной избой*. Не отмечено слово *мыльня* и в других ранних памятниках (XI—XIV вв.), в них строение для мытья называется *баней* или *мовницей*. Только в Устюжском летописном своде начала XVI века при передаче легенды о мести Ольги встречаем слово *мыльня*. В содержание Устюжского свода входит и местная летопись конца XV века, в которой сказано: «того же лета погорь на Устюзе посад от скоморошья мовницы». Вероятно, для составителя свода были приемлемы и *мовница*, и *мыльня*.

До середины XVI века названия *мыльня* и *мовница* выступали как синонимы, в дальнейшем стало употребляться только слово *мыльня*, которое в XVI—XVII веках было вытеснено словом *баня*. Сначала название *мыльня* предали забвению северяне: во второй половине XVI века жители Двины, Ваги и Поморья именуют мовное строение то *баней*, то *мыльнею*, а в XVII веке обычно пользуются только словом *баня*, *мыльня* попадает лишь в отдельных документах,

В современных говорах северо-запада России бытуют слова *баня* и *байня* (*байна*), северо-востока — *баня*. Предки современных новгородцев, псковичей, белозерцев, устюжан еще в XVII столетии мылись в *байнях* (*байнах*). Вместе с тем им было знакомо и слово *мыльня*. Новгородский дьячок Меньшичко Кречетников в порядной 1599 года пишет: «поставити изба... да байню». А в другого порядной того же года Меньшичко записывает: «поставити по избѣ... да по мыльнѣ» (Акты юридические, или собрание форм старинного делопроизводства. СПб., 1838). Так же, как и на севере России, на северо-западе слово *мыльня* встречается в отдельных документах до конца XVII века.

В документах Москвы слова *баня* и *мыльня* прослеживаются как синонимы со второй половины XVI века до конца XVII. Скажем, стрелецкий голова Петр Красный жалуется на Андрея Бермацкого: «тот пожар учинился от ево Ондрѣвы мыльны», а в челобитных Бермацкого то же строение именуется *баней*: «оглашает гедри меня тот Петръ всяким безделемъ и бутто... у себя на дворѣ баню топил и парился и бутто от того учинился пожар» (Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968). Любопытно, что в царских указах о мерах против пожаров говорилось все же в основном не о *банных*, а о *мыльнях*: «да и того имѣ вельти беречи накрѣшко, чтобы... на посадѣ и въ слободахъ избѣ и мыленѣ не тошили» (Акты Московского государства. Т. I, СПб., 1890).

В «Домашнем быте русских царей» И. Забелина (М., 1895) помещение, где мылись особы царского рода, называется *мыльня* и *мыленка*. В деле о комнатной бабке царицы Натальи Кирилловны говорится о *мыленке* государыни: «она вошла в мыленку и увидела что в мыленке сидит Анна Леонтьевна» (Московская деловая и бытовая письменность XVII в. М., 1968). И в походных журналах Петра I упоминается только *мыльня*.

Как и в других *мыльнях*, в царской *мыльне* парились. В углу ее стояла изразцовая печь с каменкой, от печи до противоположного угла устраивался полок с широкими ступенями. В мыльне были кадн с холодной и горячей водой, туса с квасом. На лавках, на полке были разложены пучки полезных трав. После мытья отдыхали на так называемых *моных постелях* из лебяжьего и гусиного пуха.

На юге России в XVII веке были известны оба названия: *баня* и *мыльня*: «онѣ же бутта на меня избу, да мыльню да конюшню... поставили» (Труды Тульской ученой архивной комиссии, Тула, 1915).

Строение для мытья часто состояло из бани и передбанника. Слова *передбанник*, *передбанье* и *прибанник* в XVII столетии звучали повсеместно, кроме северо-запада. Новгородцы упоминают *мыльни с сеньми*, или *мыльни с припередком*, а также *бани (байни) с припередком*.

При *мыльне* второе помещение, естественно, называлось *передмыленьем*. В XVI веке *мыльни с передмыленьем* отмечаются в южном Подмоскovie и на севере — в Вологде. В конце XVII века наряду с *баней* и *передбаньем* в розыскных делах о Федоре Шаклювитом находим и *мыльню с передбаньем*.

Кое-где, в немногих местах, второе строение в бане, *мыльне* именовалось *присеньем*, *присенцами*. *Мыльной с присеньем* пользовались, скажем, в Пскове. В воронежской описи имущества второй половины XVII века *присенцы* — это помещение при бане.

Всем великороссам — от Новгорода и Двины до южных укрепленных городов были хорошо знакомы слова *сени*, *сенцы* и *сенечки*. Довольно часто *сенями*, *сенцами* называли как раз предбанники: «мыльня с сенцы». Подсобным помещением при бане служил так называемый *пристен*. В севском акте находим: подъ горою баня большая... съ полками... и та баня ветха и не покрыта, да избенка; да на шайки былъ пристынокъ и на вѣники сарай (Акты Московского государства. Т. 3. СПб., 1901).

В заключение отметим еще один любопытный факт. Слово *мовница* перестало употребляться в деловой письменности примерно с середины XVI века и пережиточно сохранилось лишь в таких текстах, как поучения. Однако сочетания *мовный сторож* и *мовный истопник* продолжали еще употребляться и в XVII веке.

*

Итак, самыми старыми наименованиями постройки для мытья в русском языке были слова: *баня*, *мовь*, *мовня*, *мовница*. Более поздним названием (с конца XV века) явилось слово *мыльня*. В языке великорусской народности название *мовница* заменяется *мыльной*, а в период становления национального языка второе постепенно вытесняется *баней*. Замена *мыльни баней* началась на русском Севере. В московской речи слово *мыльня* держалось, по-видимому, дольше, чем на остальных территориях.

Л. Д. МОЛЧАНОВА

Рисунок С. Гавриловой

«Восхищенной и восхищённой...» — так начинается одно из стихотворений М. Цветаевой. Внимание привлекает разноместность ударения. О чем говорит она? Что это? Поэтическая вольность? Игра слов? Нет. Дело в том, что *восхищенный* и *восхищённый* — слова разные, образованные от глаголов *восхитить* — «унести ввысь, похитить» и *восхитить* — «привести в восторг, обрадовать», общей для которых является форма несовершенного вида *восхищать*. Различаются эти глаголы ударением, значением, стилистическим употреблением и степенью распространенности в языке. *Восхитить* — довольно широко распространен в современном русском литературном языке. *Восхищать*, сопровождаемый в словарях пометой «устарелое», утрачен современным языком, что подтверждается отсутствием его в «Словаре русского языка» С. И. Ожегова.

*

По памятникам письменности XI—XVII веков глагол *восхитить* известен исключительно в значении «поднять ввысь, похитить, унести»: «что бо рече прѣже врѣмене *въсхыщаещи* соудия» (Изборник 1076. М., 1965); «Сатана *восхити* от рук старчих благодоровепное сокровище сне; Она же злии убийцы, аки волци люти, напрасно хотя *восхитити* его» (Русская повесть XVII века. М., 1954); «Стучит смерть, человек бедный горько жизнь свою кончает, старых, младых без разбору, кто попадет *восхищает*, отобравши скипетр, царю просту палку в руке дает. Жнет, идеже не сеет, жизни нашей класи, исторгает главнии человек во власи, бдит, ходит безпрестанно, пуже усыпает, ищуще *восхитити*, аки лев рыкает. Бывшу же и богату на путном пространстве, годящему во всяком

грехов окаянстве, внезапно бысть беси люте *восхищени*, в пламень огня геенска на веки вержени...» (Русская силлабическая поэзия XVII—XVIII вв. Л., 1970).

Восхитить и производные от него активно употреблялись в поэтическом языке XVIII — начала XIX веков. Но уже не только в старом, традиционном значении «поднять ввысь, похитить, унести», а и в новом — «привести в восторг, обрадовать», возникшем, видимо, в поэтической образной речи:

Всеу *восхищаюсь* на горы,
Где лик нежных муз обитает.
Тредиаковский. Императрице
Елизавете Петровне

Какую радость ощущаю?
Куда я ныне *восхищен*?
Небесну пищу я вкушаю,
На верьх Олимпа вознесен!

Ломоносов. Ода, в которой
благодарение...

Мы плачем, взор склонив
в обители снц,
Для вечных радостей на
небо *восхищеньны*...

Херасков. Россияда

Но боле мудростью мне сердце
восхищал
Муж древний, что в свой дом
змею во мне приял.
Иванов. Марфа-посадница

Се хочет лира *восхищеньна*
Гласить велики имена.
Ломоносов. Ода на день
восшествия...

И многи ратники войной не-
искушенны
Казанской тишной казались
восхищеньны.

Херасков. Россияда

Постепенно частота использования слов *восхитить* и *восхищенный* в первом значении ослабевает. Возрастает частотность упо-

требления их в переносном значении. Первоначально переносное значение у слов *восхитить*, *восхищенный* проявляется лишь в сочетании их с существительными *восторг*, *дух*, *мысль*, *ум*, *чувство*, *радость* и под. С помощью таких сочетаний передается состояние внутреннего подъема, радостного настроения человека, приподнятости его духа и чувств:

Какие представляет виды
Отрадой *восхищенный* ум?

Ломоносов.
Ода на новый 1764 год

Красуйся, дух мой *восхищенный*,
И не завидуй тем творцам,
Что носят лавр похвал зеленый...

Ломоносов.
Ода на прибытие...

Не сильно нежит красота,
Не столько *восхищает* радость...

Державин.
Ода на смерть князя Мещерского

Утвердившись в значении «привести в восторг, обрадовать», глагол *восхитить* и производные от него начинают употребляться и без существительных, подчеркивающих это значение. Во второй половине XVIII — начале XIX веков такое употребление становится обычным:

На ратников своих Россия обращенна
И стройностью войск и силой *восхищенна*.

Жерасков. Россияда

Красавиц *восхищал* Максим
Губами пухлыми своими...

Жуковский. Максим

Словарь церковнославянского и русского языка 1847 года фиксирует оба значения глагола. При этом в первом значении — «похищать, уносить» — слово дается с пометой «церковнославянское». Наличие двух значений в глаголе *восхитить* отмечено и в словаре В. И. Даля. В качестве более употребительного выделено второе — «привести в восторг, обрадовать». Первое — «унести ввысь, похитить» — сопровождается пометой «старое».

С выдвиганием на первый план переносного значения глагола происходит и изменение в ударении: *восхитить* — *восхитѣть*. Ударение становится одним из отличительных признаков различного значения. Окончательно ударение закрепляется на последнем слоге

глагола в новом значении в конце XVIII — начале XIX веков. В причастии *восхищенный*, как и в глаголе *восхитить*, ударение также становится признаком разграничения смыслового значения. Оно перемещается на корень, если причастие образовано от глагола *восхитить* и имеет значение «поднятый ввысь, похищенный»:

Душ пастырь кончил поученье;
Но всяк ему еще внимал и, до небес
Восхищенный, в сердечном умиленье
Не чувствовал своих текущих слез.

Крылов. Прихожанин

В своем Словаре В. И. Даль, разграничивая значения, фиксирует в слове *восхищенный* два ударения. Однако случаи употребления причастия *восхищенный* в языке начала XIX века носят единичный характер. К этому времени глагол *восхитить* в значении «похитить, унести» вытесняется глаголом *похитить*, носящим нейтральный характер и получившим широкое распространение в языке. Соответственно и *восхищенный* вытесняется словом *похищенный*:

Начальство войск *похитил* у меня?

Жавдр. Венцеслав

Не льстись, изменница, *похитить* мой венец...

Державин. Ирод и Мариамна

Что медлишь? возлагай *похищенный* венец!

Крюковский. Пожарский

Восхитить и производные от него в конце XVIII — начале XIX веков закрепляются в значении «привести в восторг, обрадовать». Прежнее значение оттесняется в область архаизмов, изредка привлекаемых в поэтические произведения в качестве элементов торжественной лексики. Их можно обнаружить в произведениях В. А. Жуковского, А. А. Дельвига, В. К. Кюхельбекера:

И от смертных *восхитит* бессмертную
Аполлон на Олимпе торжествующий.

Дельвиг. Пушкину

Тебя замучают владыки,
На чад твоих наляжет страх;
Во все рассыплешься языки,
Как вихрем *восхищенный* прах.

Кюхельбекер. Пророчество

В новом значении *восхитить* и *восхищенный* выходят за пределы высокой поэзии и широко распространяются в литературном языке.

Расхождение значений, стилистическое различие в употреблении, разное ударение приводят к необходимости выделения двух глаголов: *восхитить* — «унести, похитить» и *восхитить* — «привести в восторг, обрадовать». От каждого из них образуются причастия с соответствующим значением: *восхищенный* и *восхищённый*.

В словарях современного русского языка, в отличие от словарей XVIII века, эти слова отнесены к разным статьям. Практически современному языку известен только глагол *восхитить*, с которым связаны по значению все производные: *восхищенный*, *восхищение*, *восхитительный* и др.

Употребление слов *восхитить* и *восхищенный* в поэтическом языке XX века представляет собой явление анахронизма и подчинено определенным целям.

В стихотворении М. Цветасвой одновременное использование архаизма *восхищенный* и распространенного в современном языке слова *восхищённый* помогает поэтессе исчерпывающе глубоко и вместе с тем предельно лаконично передать состояние возвышенности, одухотворенности, контрастности между внешней отрешенностью и внутренней активностью героини:

*Восхищенный и восхищённой,
Сны видящей среди бела дня,
Все спящей видели меня,
Никто меня не видел сонной.*

Цветасва,
Восхищенной и восхищённой...

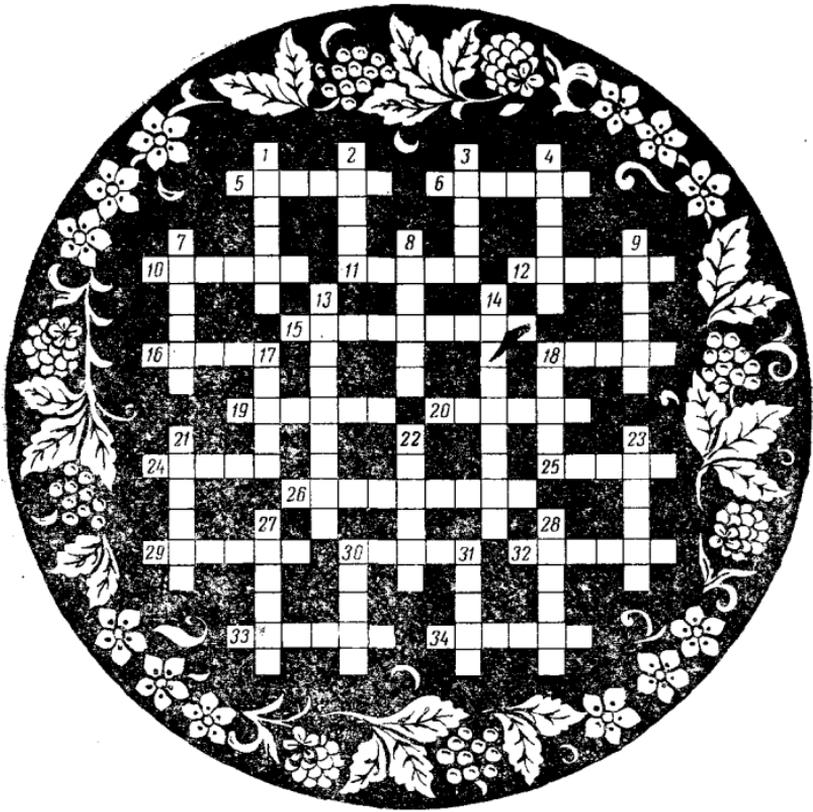
Н. А. ЛЕВАШЕВА

Рисунок С. Гавриловой

КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Автор книги о Пушкине «Все волновало вежный ум...», «...Москва, я думал о тебе!». 6. Великий русский актер, основоположник реалистической школы в русском сценическом искусстве. 10. Латышский

поэт, драматург, общественный деятель. 11. Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал. 12. Персонаж пьесы А. Н. Островского «Ведьность не перо». 15. Повесть Л. Н. Толстого. 16. Васня

И. А. Крылова. 18. Персонаж романа А. Дюма «Граф Монте-Кристо». 19. Поэма И. С. Тургенева. 20. Вступительная часть литературного произведения. 24. Имя возлюбленной поэта эпохи Возрождения Петрарки. 25. Крестьянский кафтан из толстого сукна. 26. Русский советский писатель, автор романа «Честь смолоду». 29. Русский советский писатель лауреат Государственных премий. 30. Жилое помещение в верхней части дома или дом в виде башни в древней Руси. 32. Часть какого-нибудь текста. 33. Метод научного исследования путем рассмотрения отдельных сторон, свойств, составных частей чего-нибудь. 34. Английский поэт, представитель революционного романтизма.

По вертикали: 1. Рассказ А. П. Чехова. 2. Краткое изречение, обычно выражающее руководящую идею поведения. 3. Роман

Э. Золя. 4. Персонаж романа К. Симонова «Живые и мертвые». 7. Речь какой-нибудь социальной группы, отличающаяся от общего языка. 8. Комедия Мольера. 9. Старинный обряд, описанный Н. В. Гоголем в «Почи перед Рождеством». 13. Неоконченный роман А. С. Пушкина. 14. Произведение средневековой литературы, в котором толковалась библейская легенда о сотворении мира. 17. Пьеса в стихах В. М. Гусева. 18. Краткое мудрое изречение. 21. Одноименные произведения А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, И. А. Бунина. 22. Олив из псевдонимов М. Горького. 23. Русский поэт, автор крылатой строки «Как хороши, как свежи были розы». 27. Стихотворный цикл А. Блока. 28. Роман Б. Пруста. 30. Основная мысль, положение, развиваемые в каком-нибудь сочинении, речи. 31. Стихотворение А. С. Пушкина лицейского периода.

ИЗ СЛОВАРЯ РУССКИХ ФАМИЛИЙ

Продолжение. См.: 1976, №№ 1—6; 1977, №№ 2—6, 1978, №№ 1—6; 1979, №№ 1—6; 1980, №№ 1—5; 1981, №№ 1—3, 6.

Чебаков. Отчество от нецерковного имени (или прозвища) Чебак; нарицательное *чебак* — «мелкая рыба, плотва», а на Дону — лещ. В Забайкалье слово *чебак* записано со значением «мягкая шапка с ушами» (Элиасов Л. Ч. Словарь русских говоров Забайкалья, М., 1980). У Даля, кроме формы *чебак*, указаны фонетико-орфографические разновидности этого слова: *чабак* (арх., вологод.) — «шапка меховая, род треуха» и *чибак* (сиб.) — «женская меховая шапка». О русском *чабак* — «разновидность шапки» пишет И. Г. Добродомов (см.: Этимология, 1970, с. 111).

Чеберев. Отчество от прозвища Чеберь, в вятских говорах — *чеберь* — «пеголь, франт» (возможно, тюркск.).

Чеботарев. Отчество от имени отца по его профессии: *чеботарь* — «сапожник».

Челлоков. Отчество от прозвища из нарицательного диалектного слова *челлок* — «сок» (по В. И. Далю), Фамилия записана в Саратове, 1972 г.

Чегодаев — см. *Чадаев*.

Чекмарев. Слово *чекмарь* (заимствовано из тюркских языков) означало «колотушка, деревянный молот». Фамилия из него могла возникнуть через именованье по занятию: изготовитель этих инструментов или пользующийся ими, чаще — ночной сторож с колотушкой.

Чекменев. Фамилия связана с архаичным словом *чекмень* (тюркск.), в прошлом — разновидность мужской верхней одежды, крестьянский кафтан. Фамилия записана в Перм. 1979 г.

Чекомасов. Отчество от прозвища Чекомас из диалектного (по В. И. Далю) нарицательного *чекмас* — «грязный, неумытый». «Словарь русских донских говоров» (вып. 3. Ростов, 1976) приводит это слово в значении «окунь». Фамилия записана в Рязани — 1976 г., в Пскове — 1980 г. Иногда встречается в редуцированной форме — Чекмасов.

Чекшин. Фамилия связана с новгородским диалектным глаголом *чекошиться* — «стараться, добиваться». Фамилия записана в д. Макачево Вите-

горского района Вологодской области, 1979 г., где нередки новгородские следы.

Челищев. На русскую службу к Александру Невскому перешел немец Виллгелм Люненбургский, старший сын которого Карл, по прозвищу Челище, стал родоначальником дворян Челищевых. Прозвище дано, видимо, за большой лоб (чело), как и другие — Лоб, Лобац, Лобастый, а из них фамилии — Лобов, Лобац, Лобастов. Так как фамилия Челищев встречается в разных местностях, возможно, что она возникла не один раз (или могла быть дана бывшим крепостным Челищевых).

Челогузов. Фамилию записал И. Л. Минензон в г. Горьком — 1974 г. В ее составе слышны архаичные русские слова *чело* — «лоб» и *гуз* — «зад». Существовал глагол *челить* — «разделять мясо на чело и озадок (охвостье)», словосочетание могло отразиться в наименовании занимающегося этой работой. Другая возможность — переосмысление из *челоуз* — «старый баран».

Челпанов. Отчество от прозвища или нецерковного имени Челпан из нарицательного *челпан*, которое в прошлом означало «холм», «каравай», в переносном значении — «толстяк»; в говорах — «глупец»; слово было распространено на Севере, Урале, в Сибири; выдвинуто предположение о его происхождении из саамского языка (Матвеев А. К. К этимологии русского диалектного *челпан*).

Челюканов. Отчество от нецерковного мужского имени (или прозвища) Челюкан, вероятно, мордовского происхождения — в бывшем Чембарском уезде Пензенской губернии земская перепись 1917 года зафиксировала че-

сколько сотен человек с этой фамилией; эрзянок. *чельке* — «пыль, след». Однако существовал и русский диалектный (по Далю — повгородский) глагол *челякать* — «болтать вздор, пустословить». В Еншфанском уезде Тульской губернии записана фамилия Черюканов, 1900 год.

Чемезов. Фамилия связана с диалектным (повгородским, смоленским) словом *чемез* — «карман, денежная сумка, деньги, богатство». Зафиксирована в Смоленске, 1969 г.

Чеперегин. Редкая, очень интересная фамилия, этимология которой загадочна. Документирована в Рыбинске, 1959 г. Должна привлечь внимание диалектологов Ярославской, особенно Вологодской, Новгородской, Калининской областей.

Чепунов. Отчество от прозвища из диалектного нарицательного *чепуриной* — «щеголеватый», «аккуратный», но и «важничавший».

Черемшанский. Первоначально — обозначение прибывшего с р. Черемша (левый приток Средней Волги; на ней находится г. Дмитровград).

Черепанов. Отчество от именования отца по месту жительства (Череповец) или по профессии — русское слово *черепан* означало «гончар».

Черепеников. Отчество — «сын черепеника», то есть изготовителя и продавца изделий из гречневой муки, обжаренных на растительном масле. Фамилия записана в 70-х годах нашего столетия в Воронеже, Туле (и области), Рызани.

Черкасов. Отчество от именования отца *черкас* — так в 15—18 веках называли казаков Поднепровья.

Чернаков. Отчество от прозвища или нецерковного муж-

ского имени Чернак, основа которого *черн-* та же, что и в фамилиях Черник, Черный и др.

Черников. Фамилия распространена очень широко. Она указывает на существование слова *черник*, но ни в словарях, ни в письменных источниках оно не встречается. Распространенность фамилии позволяет предположить многократность ее возникновения из слова *черник*, очевидно, широко употребительного в прошлом. Может быть, историк-языка, диалектологи, читатели помогут выяснить возможные значения этого слова?

Чернев. Одна из очень распространенных фамилий. Как и Белов, принадлежит по частоте к первой сотне русских фамилий. По своему происхождению — отчество от перышного мужского имени Черный (архаичная форма прилагательного, соответствующая современной форме *черный*). Имя могло быть связано со смуглым цветом кожи, черными волосами, темной одеждой, могло означать «злой», «плохой» или «платящий подати, выполняющий повинности» (в отличие от *белый, обеленный*, т. е. свободный от податей или повинностей).

Чернованов. Фамилия записана в Курске в 1971 году, а в 1980 году — в Дубовском районе Ростовской области. По переписи 1897 года встречается в Зауралье (Юргинская волость Ялуторовского уезда). Возникла в качестве отчества: сын *Черного Ивана*. Добавочное определение к этому имени было естественным, так как в прошлом его носили 25% русских крестьян. Черетки были семьи, где все сыновья были Иванами; в моей книге «Имя в общество» (Москва,

1974) приведены примеры: по переписи 1678 года в Балахне «у Наумки дети Ивашко 17 лет, Ивашко же 15 лет, Ивашко же 11 лет», в Ярославле 1646 г. «у вдовы Пелагеи Ивашко большой, Ивашко средней, третей Ивашко 8 годов», — имя выполняет объединительную функцию, а различительную — возраст или определения *большой, средний, третей*. О. Н. Трубочев в работе «Из материалов этимологического словаря фамилий России» (сборник «Этимология — 1966», Москва, 1968) к фамилии *Чернованов* дал параллели *Малюванов, Белованов* (из *Белоиванов*), *Косованов* (из *Косоиванов*) и многочисленные иноязычные: *Гудерьян* (немецк. «хороший Ян» из Иоханн, то есть Иван), французск. *Бонжан* («хороший Жан» — тоже Иван).

Чернопанёвкин. Фамилия состоит из словосочетания *черная панёвка, Панёва* (или *поява, пояёва*) — род домотканой шерстяной клетчатой или полосатой юбки, поверх которой посреди вшивается или надевается кусок материи (в южнорусских говорах — орловск., курск., воронежск. и др.).

Черноятов. Отчество от прозвища, но, возможно, — не личного, а группового: *чернопятами* называли жителей местностей, отличающихся плодородной почвой. Исследовательница прозвищ Поволжья В. И. Тагунова отмечала, например, что так называли жителей деревни Большая Черная, Горьковской обл. («Ономастика Поволжья-1», Ульяновск, 1969), Фамилия записана в Саратове, 1972 г.

Продолжение следует

В. А. НИКОЛОВ

ПОЧТА «РУССКОЙ РЕЧИ»

В № 5 «Русской речи» за 1981 год опубликована статья А. А. Брагиной «Кинослова». В редакцию приходят письма с просьбой продолжить публикацию статей на эту тему. В этом номере мы предлагаем читателям статьи С. И. Алаторцевой «Кинематограф и новые слова» и А. А. Брагиной «Экран».

■ КИНЕМАТОГРАФ И НОВЫЕ СЛОВА

**Вариоскопия, вариоскопическое кино,
вариофильм, вариозкран**

На рубеже XIX и XX веков всемирную известность получили два изобретения: механическое воспроизведение звука и движущаяся фотография, или кинематограф братьев Люмьер. Новое чудо техники, как тогда его называли — синематограф, — быстро получил признание и в России. Одновременно с изобретением кинематографа, его основных технических средств в русском языке стали появляться специальные слова, относящиеся к сфере кино, или так называемая кинолексика.

Лексика кино как совокупность слов и словосочетаний весьма значительна по объему и разнообразна по тематическому составу, источникам происхождения и способам образования. Она применяется для обозначения узкоспециальных и общеупотребительных наименований и понятий из области технического, информационного, искусствоведческого и других видов кино.

В наши дни дальнейшее развитие и совершенствование кинотехники и киноискусства стимулирует язык к созданию новых слов, словосочетаний, новых значений у «старых» слов для обозначения новых явлений и понятий. Идет процесс непрерывного обогащения русского языка кинолексикой. О новых словах с первым элементом *кино-*, их рождении и судьбе интересно писали такие исследователи русского языка, как Ц. М. Шанский (В мире слов, М., 1971), А. А. Брагина (Неологизмы в русском языке, М., 1973), Т. Якубович (Новые слова, М., 1966) и др.

Многие из слов, относящихся к кинолексике, зафиксированы в Словаре-справочнике по материалам прессы и литературы 60-х годов «Новые слова и значения» под редакцией Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина (М., 1973). Кинослова, появившиеся в 70-е годы, вошли в следующий выпуск словаря (наряду с другими новыми словами), который должен выйти в ближайшее время.

Как в языке образуются новые слова, как постепенно они входят в общее употребление из специальной лексики, можно проследить на примере нескольких неологизмов, обозначивших новые приемы и методы в технике съемки и демонстрации фильмов. Следует, однако, принять во внимание тот факт, что появление и существование в языке многих слов зачастую своеобразны и могут не подчиняться общим закономерностям языковой жизни.

Рассмотрим несколько слов с начальным элементом *варио-* (лат. *varius* — различный, разнообразный): *вариоскопия*, *вариоскопический*, *вариокино*, *вариофильм*, *вариоэкран*, *вариоэкранный*. Они появились в русском языке в конце 60-х годов в связи с разработкой и применением в технике кино нового метода.

Так, неологизмы *вариоскопия*, *вариоскопический* были образованы на почве русского языка из латинского (*varius*) и греческого (*skoréo* — «смотрю») корней (ср. *стереоскоп*, *стереоскопический*, возникшие ранее по той же модели из греческих корней *stereos* — объемный, пространственный и *skoréo*). Эти слова впервые зафиксированы как факты русского языка (1965 год) в значениях: *вариоскопия* — метод съемки и демонстрации вариоскопических фильмов; *вариоскопический* — характеризующийся изменением размеров и конфигурации изображения на экране в соответствии с содержанием фильма (см. Словарь-справочник «Новые слова и значения»). Журнал «Советский экран» (1965, № 11) информировал читателей о новом способе киносъемки: «*Вариоскопия* позволяет изменить конфигурацию и размеры кадра на экране в соответствии с его содержанием» и далее: «Ленинградские и московские кинотехники создали модель оптической системы для нового вида кинематографа — *вариоскопического*».

Вскоре появились и другие кинослова с первой частью *варио-*: *вариокино* (вариоскопическое кино), *вариофильм* (вариоскопический фильм), *вариоэкран* (экранный образ, изменяющийся при кинопроекции по размерам и конфигурации), *вариоэкранный*. Значение этих слов иллюстрируют следующие примеры: «Можно представить не столь уж далекое будущее *вариокино*. Гигантские экраны соберут тысячи зрителей, станут центрами народных празднеств» (Вечерний Ленинград, 1967, 17 июня); «Завершена разработка проекционной системы нового вида кинемаатографа — *вариофильма*. Идею создания фильма, когда во время демонстрации для

достижения наибольшего эффекта происходит изменение на экране композиции и размера изображения, выдвинул еще в 30-е годы известный режиссер Сергей Эйзенштейн» (Наука и жизнь, 1966, № 10). О возможностях и будущем нового достижения кинотехники интересно рассказывается в интервью с Р. Быковым (Труд, 1975, 5 января): «В 1966 году он [Ролан Быков] снял вдруг как режиссер *вариозэкранную* картину „Айболит-66“... В „Айболите-66“ мы лишь выяснили возможности использования *вариозэкрана* — принцип этого приема, как известно, был изложен Эйзенштейном в его статье „Динамический квадрат“. *Вариозэкран* дает возможность выйти на авансцену, как в театре, он позволяет актерам выскакивать из экрана, влетать в него обратно, комментировать события...».

Таким образом, еще в 30-е годы С. Эйзенштейном была выдвинута идея новой проекционной системы, но тогда она не получила своего наименования. Слова, определившие новое понятие в технике кино, образовались лишь 30 лет спустя по известным русскому языку моделям, в соответствии с правилами русского словообразования (характерным для образования слов-терминов способом) при участии латинского и греческого корней.

Подобный способ образования новых слов очень продуктивен в русском языке (ср. слова с первой частью *теле-, авиа-, авто-, космо-, стерео-, видео-*).

Лексические новообразования с первым элементом *варио-* в русском языке возникли как узкоспециальные слова, вначале известные только кинематографистам. В дальнейшем из специального языка кино они вошли в словарный состав современного русского литературного языка (через газеты, журналы, читаемые многомиллионной аудиторией), стали полноправными его членами. Слова с элементом *варио-* в русском языке отражают активный процесс формирования сложных понятий, требующих точного наименования.

С. И. Алаторцева

■ ЭКРАН

Экран — это одно из так называемых культурных слов, получивших распространение в разных языках вместе с распространением обозначаемого предмета.

Жизнь слова *экран* представляет особый интерес: оно живет во многих языках, отойдя и по форме, а иногда и по содержанию, от своего первоисточника. Уже в 1318 году слово *эсран* (*écran*) известно во французском языке. Его возводят к средне-верхне-немецкому *Schrank* или родственному нидерландскому (голландско-

му) *scherm*. В те далекие времена оно обозначало «барьер, решетка, ограда». Эти значения позволили развиваться новым осмыслениям: в немецком *Schrank* «шкаф», в английском *screen* (*escran*) «заграждение, ширма, экран», во французском «ширма, экран». Как «заграждение, защита от огня очага, камина» *экрaн* связан с особым домашним видом отопления. Но вот в 1820 году словари фиксируют новую функцию и новое осмысление слова: *экрaн* «поверхность, на которую проецируются изображения волшебного фонаря», а с 1895 года *экрaн* — это уже *киноэкрaн*.

В русском языке *экрaн* также последовательно развивает многозначность. Н. М. Яновский в своем «Новом словотолкователе, расположенном по алфавиту» (1806) впервые отмечает французское заимствование — *экрaн* «ширма, заслон, щиток, который ставится перед камином». В «Опыте словаря русского языка» М. Изюмова (1880) уже отмечается, что *экрaн* — «рама, натянутая полотном смоченным, употребляется при опытах с волшебным фонарем». В. И. Даль ни в первом, ни во втором издании «Толкового словаря живого великорусского языка» (1866, 1882) это новое употребление не отмечает. Но в третьем издании под редакцией И. А. Бодуэна де Куртэне (1909) это новое значение отмечено: «белая поверхность, холст, на котором получается изображение волшебного фонаря». Заметим, демонстрации волшебного фонаря сопровождали общедоступные лекции — народные чтения — в так называемой Публичной аудитории в Петербурге в 1858 году. Словарная фиксация явно отстала по сравнению с живой речью.

Конец XIX — начало XX века закрепляет еще одно значение: *экрaн* — «киноэкрaн». В мае 1896 года в России демонстрировались первые фильмы, а зимой 1896—1897 года в Петербурге возникает «разумный кинематограф», целью которого было не увеселять, а просвещать зрителей. В это же время идет обсуждение задач и целей кино, что естественно развивает «кинематографический словарь», в том числе и слово *экрaн*: «Русские ленты на *экрaне...*» (Сине-фоно, 1909, № 2), «Тут на *экрaне* показался громыхающий поезд...» (Вестник кинематографии, 1911, № 10). Возникают и новые для слова *экрaн* синонимические связи: *экрaн* — *киноискусство*, *экрaн* — *кинотеатр*. Например: «Кто пишет для *экрaна*?» (Вестник кинематографии, 1917, № 123); «На *экрaнах* частных демонстраторов...» (Вестник кинематографии, 1911, № 1). Формируются сочетания: *выпустить на *экрaны*, снять с *экрaнов*, первый *экрaн*, второй *экрaн**, связанные с прокатом фильмов.

В слове *экрaн* в его современном осмыслении (с 30-х — 40-х годов) следует выделить два формирующихся значения, на базе которых идет закрепление и развитие его многозначности, образование производных слов, *Экрaн* — «поверхность (обычно полотно, по-

крытое особым отражающим составом), на которую проецируются фильмы, изображения с диапозитивов и т. п.»; «устройство с поверхностью, отражающей, поглощающей или преобразующей излучения разных видов энергии с целью защиты от излучения или его использования» (*экран парового котла, радиоаппаратуры, бетонный экран в ядерной технике, экран для поглощения солнечной энергии*). В этих осмыслениях еще достаточно ясно просматривается общее исходное значение — «защита, заслон (от огня, света)» и «отражатель (света, теней)». Заметим, что второе, техническое значение уже отмечается некоторыми словарями как первое, основное (см.: Ожегов С. И. Словарь русского языка). Так подчеркивается важность технических современных осмыслений. Однако в живом словоупотреблении большая частотность и гибкость различных модификаций, связанных с первым значением (*экран — киноэкран, телеэкран, киноискусство* и т. п.), не подлежат сомнению. Ср.: *Экран Москвы — экран планеты* (о XII Московском международном кинофестивале, когда экраны московских кинотеатров были предоставлены фильмам разных стран; Правда, 1981, 3 июля); *Экран и жизнь* (киноискусство, фильмы и жизнь; Известия, 1981, 13 июля).

В производных словах многозначность слова *экран* и размежевание, дифференциация его значений обнаруживается с вполне определенной четкостью. Ср.: *экранный* (связанный с экраном, киноискусством); *экранизация, экранизирование, экранизировать, экранизироваться* (все эти слова связаны с процессом превращения литературного произведения в фильм), с одной стороны, и с другой — *экранированный, экранировка, экранирование, экранировать* (здесь общая связь — защищенный, защита, защищать от вредных воздействий). В специальной «киноречи» наблюдается и форма *экранизовать*: Протазанов *экранизует* к юбилею «Войну и мир» (Анненский Л. Лев Толстой и кинематограф. М., 1980). Глагол *экранизовать* уже теряет специальный книжный оттенок значения, в то время как менее распространенный *экранизовать* удерживает его. Оба глагола (как и технический глагол *экранировать*) относятся к несовершенному виду, но могут употребляться и в обоих видах. Эти глаголы в определенных контекстах выступают как переходные (*экранизовать классику*) и непереходные (*экранизовать удачно, в течение многих лет*).

В словаре «Новые слова и значения» (под ред. Н. З. Котеловой и Ю. С. Сорокина, М., 1971) уже фиксируется термин *экранолет*. В этом слове отражена попытка (60-е годы) использовать земную поверхность как *экран-отражатель*, чтобы создать «подушку» для летательных аппаратов, более экономичную, эффективную.

Развитие полисемии (многозначности) у слова *экран* обнаруживает сходные пути логических, понятийных осмыслений в раз-

ных языках (интернациональные тенденции), в то время как оценочно-образные употребления выявляют национальное своеобразие. Обратим внимание на определения, сопутствующие слову *экран*: *черно-белый, цветной, широкоформатный...* Эти технические определения имеют эквиваленты на всех языках. Но вот определения в сочетаниях *живой экран* (название журнала, 1912), *веселый экран* (телепередача, 1965), *глубокий экран* (Искусство кино, 1965, № 5) требуют истолкования: *живой экран* — повествование о живой действительности, *веселый экран* — кинокомедия, *глубокий экран* — искусство глубоких мыслей и чувств.

Образные, даже постоянные, эпитеты несут свою национальную окраску. Например, в русском языке для *киноэкрана* типичны определения *белый, полотняный*, в немецком — *полотнянный; телеэкран* в русском языке принято называть *голубым*, реже — *маленьким, домашним*, во французском — *синим-голубым* (l'écran bleu), в немецком — *маленьким*, в польском — *стеклянным*.

Постоянные определения в каждом языке выделяют свою деталь-примету: то размер, то цвет, то материал экрана. Так язык выделяет общее и свое национальное.

А. А. Брагина

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД

По горизонтали: 5. Гесен. 6. Щепкин. 10. Райнис. 11. Знамя. 12. Торпов. 15. «Холстомер». 16. «Колос». 18. Гайде. 19. «Параша». 20. Пролог. 24. Лаура. 25. Армяк. 26. Первенцев. 29. Марков. 30. Терем. 32. Раздел. 33. Анализ. 34. Байрон.

По вертикали: 1. «Певчие». 2. Девиз. 3. «Земля». 4. Синцов. 7. Мартов. 8. «Тартюф». 9. Коляда. 13. «Рославлев». 14. «Шестоднев». 17. «Слава». 18. Гнома. 21. «Кавказ». 22. Пьерро. 23. Мятлев. 27. «Родина». 28. «Фараон». 30. Тезис. 31. «Монах».

Редакционная коллегия:

П. С. ВАЛГИНА, В. П. ВОМЦЕРСКИЙ, А. И. ГОРШКОВ, К. В. ГОРШКОВА, В. П. ДАНИЛЕНКО, И. Г. ДОБРОВОДОВ, Л. П. ЖУКОВСКАЯ, В. В. ИВАНОВ (главный редактор), Л. М. ЛЕОНОВ, И. Ф. ПРОТЧЕНКО (зам. главного редактора), Н. А. РЕВЕНСКАЯ (ответственный секретарь), Л. И. СВЯТОЦОВ (зам. главного редактора), Ю. С. СОРОКИН, Ф. П. СОРОКОЛЕТОВ, Ф. И. ФИЛИН

Зав. редакцией Т. С. Колмакова

Художественный редактор Т. А. Михайлова

Корректоры Е. И. Евдокимова, Г. Н. Шамина

Сдано в набор 12.10.1981. Подписано к печати 11.12.1981. Т. 27574

Формат бумаги 84×108^{1/32}. Печать высокая, Усл. печ. л. 8,4.

Усл. кр.-отт. 430,9 тыс. Уч.-изд. л. 9,7 Бум. л. 2,5. Тираж 50050 Заказ 915

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, Волхонка, 18/2. Телефон: 202-65-25
2-я типография издательства «Наука», Москва, Шубинский пер., 10